

2022

Volume 16

No 2(60)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2022

Том 16

№ 2(60)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 182 с. Тираж 32 экз. Заказ № 22076. Цена свободная. Дата выхода в свет 30.06.2022. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Uriadova A. V.

East Slavic Peoples of Poland: Religion and Nationality
(intersection trajectories in the historical context) 188

Sidorova G. M.

African studies in the 19th century 198

Spiridonova E. V., Obnorskaia N. V.

If there was a hut, there would be cockroaches
(cockroach as a character of Russian folklore) 208

Krivosheeva Yu. A.

Marital Behavior of Women Lived in the Yaroslavl Big
Manufactory's District (Based on the Parish Registers
of the City Churches) 218

Melnik A. G.

The Practice of Dedicating Churches by Tsar Ivan the Terrible
During the Livonian War 224

Shelyshey S. S.

The Outpost of Christianity: the functions of an external threat
in the Holy Roman Empire during the reign of Leopold I (1658–1705) 232

Shaldin N. N.

The French communists on the results of the Munich conference of 1938 240

Blinova E. V.

London Africans: on the way to the racial identity 246

LAW

Lushnikov A. M.

Legal doctrine of F. A. Hayek: light and shadows 256

Lushnikova M. V.

Forms of international cooperation in the field of taxation
and Russian tax legislation 266

Ivanov A. B.

Codification of legislation in the transitional period: pro et contra 278

Roshchepko N. V.

Debatable issues of need assessment in the context of providing social support measures to families with children 284

Repin I. S.

Using the Internet to Spread Extremist Ideology 294

Kabanov V. M.

Functions of criminal law axioms in law-making activities.....304

PSYCHOLOGY

Karpov A. V.

Metasystem organization of subject determinants of professional activity 312

Karpov A. A.

Metacognitive determinants of gender differences in management activity in the conditions of remote forms of its implementation.....326

Vlasov N. A.

Social psychology of the crowd in the works of foreign scientists of the late 19th – early 20th century 334

Lastovenko D. V., Muzalevskaia A. A.

The correlation of cognitive flexibility, decision-making styles, implicit theories of intelligence and personality, and academic motivation of students.....344

Sidorova N. V.

Partiality of Emotional Intelligence as Determinants of Management Decisions 354

ИСТОРИЯ

Урядова А. В.

Восточнославянские народы Польши: религия и национальность
(траектории пересечения в историческом контексте).....188

Сидорова Г. М.

Наука об Африке в XIX веке 198

Спиридонова Е. В., Обнорская Н. В.

Была бы изба – будут и тараканы (таракан как персонаж
русского фольклора).....208

Кривошеева Ю. А.

Брачное поведение жительниц фабричного района
Ярославской Большой мануфактуры
(по материалам метрических книг церквей г. Ярославля 218

Мельник А. Г.

Практика посвящений храмов царем Иваном Грозным
во время Ливонской войны.....224

Шельшей С. С.

Форпост христианского мира: функции внешней угрозы
в Священной Римской империи в период правления Леопольда I
(1658–1705).....232

Шалдин Н. Н.

Французские коммунисты об итогах Мюнхенской конференции 1938 г...240

Блинова Е. В.

Лондонские африканцы: на пути к расовому самосознанию.....246

ПРАВО

Лушников А. М.

Правовая доктрина Ф. А. Хайека: свет и тени.....256

Лушникова М. В.

Формы международного сотрудничества
в сфере налогообложения и российское налоговое законодательство.....266

Иванов А. Б.

Кодификация законодательства в переходный период: pro et contra 278

Рощенко Н. В.

Дискуссионные вопросы оценки нуждаемости
в контексте предоставления мер социальной поддержки
семьям с детьми.....284

Репин И. С.

Использование сети Интернет в целях распространения
экстремистской идеологии 294

Кабанов В. М.

Функции уголовно-правовых аксиом в правотворческой деятельности ..304

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В.

Метасистемная организация субъектных детерминант
профессиональной деятельности.....312

Карпов А. А.

Метакогнитивные детерминанты половых различий
в управленческой деятельности в условиях дистанционных форм
ее реализации 326

Власов Н. А.

Социальная психология толпы в работах зарубежных ученых
конца XIX – начала XX века 334

Ластовенко Д. В., Музалевская А. А.

Взаимосвязь когнитивной флексибельности, стилей принятия
решений, имплицитных представлений об интеллекте и личности
и академической мотивации студентов 344

Сидорова Н. В.

Парциальность эмоционального интеллекта
как детерминанта принятия управленческих решений 354

East Slavic Peoples of Poland: Religion and Nationality (intersection trajectories in the historical context)

A. V. Uriadova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-188-197

Research article
Full text in Russian

The traditional view is that religion is one of the most important elements in the acquisition and preservation of identity by different nations. In the modern world, this pairing is changing connection with the formation of a civilized nation and a civil religion. Recently appears a concept according to which both religion and nationality are ideologies, which also causes their interaction and interpenetration, but on a different level. The question of whether religion is a defining, distinctive feature of a nation worries not only theorists. It finds its refraction in the practical plane and in the life of different nations and especially people who live in an alien confessional environment. It is also important to understand the influence of nationality on the choice and preservation of religious affiliation. Will examine these questions of the issue of religious-national mutual influence on the example of the East Slavic peoples (Russians, Belarusians, Ukrainians) who lived and live on the territory of Poland. We will try to understand whether it is possible to put an equal sign between the concepts of "Orthodox" and "Russian" in the studied historical contexts, and to call the Orthodox faith and the Church in these territories "Russian". The article examines the ethnoreligious dimension of the political context, in particular, the influence of state acts on the Orthodox Church and believers who lived in Poland in various historical periods. An attempt is made to identify the features of the relationship between the Orthodox religion and the Church as an institution with the process of preserving and modernizing the national identity of the East Slavic (Ukrainians, Belarusians, Russians) peoples of Poland. The analysis of its evolution during the XV-XXI centuries is carried out in changing geopolitical conditions (including the changes of borders).

Keywords: Poland; Polish Orthodox Church; state-church relations; Orthodoxy; national minorities; identity; stereotype

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Uriadova, Anna V. | E-mail: koukouch@mail.ru
Doc. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-018.

© Uriadova A. V., 2022

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Восточнославянские народы Польши: религия и национальность (траектории пересечения в историческом контексте)

А. В. Урядова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-188-197
УДК 94(438):271.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Традиционным является представление, что религия – один из важнейших элементов в обретении и сохранении национальной идентичности. В современном мире это сопряжение претерпевает изменение в связи с формированием гражданской нации и гражданской религии. Не так давно появилась концепция, по которой и религия, и национальность – это идеологии. Вопрос о том, является ли религия определяющим, отличительным признаком нации волнует не только теоретиков. Он находит свое преломление в практической плоскости и жизни отдельных наций и народов, обретая особую актуальность в иноконфессиональной среде. Важно и то, насколько национальность влияет на выбор и сохранение конфессиональной принадлежности. В данной статье проблема сопряжения полей «религия» и «национальность» будет рассмотрена на примере восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев), проживавших и проживающих на территории Польши. Важно понять, можно ли в исследуемых исторических контекстах ставить знак равенства между понятиями «православный» и «русский», а православную веру и Церковь на этих территориях назвать «русскими». Рассматривается этнорелигиозное измерение политического контекста, в частности влияние государственных актов на православную церковь и верующих, проживавших на территории Польши в различные исторические периоды. Предпринята попытка выявить особенности взаимосвязи православной религии и церкви как института, с процессом сохранения и модернизации национальной идентичности восточнославянских (украинцы, белорусы, русские) народов Польши. Осуществляется анализ ее эволюции на протяжении XV–XXI вв. в изменяющихся геополитических условиях (в том числе в связи с изменением государственной принадлежности этих территорий).

Ключевые слова: Польша; Польская Православная церковь; государственно-церковные отношения; православие; национальные меньшинства; идентичность; стереотип

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урядова, Анна Владимировна | E-mail: koukouch@mail.ru
Доктор исторических наук, профессор

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-018.

© Урядова А. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Традиционным является представление, что религия – один из важнейших элементов в обретении и сохранении идентичности разными нациями (например, в Киевской Руси язычество, а для Московской Руси православие рассматриваются как один из главных факторов формирования единства этноса и государства). В современном мире это сопряжение претерпевает изменение в связи с формированием гражданской нации и гражданской религии. Не так давно появилась концепция, по которой и религия, и национальность – есть идеологии, что обуславливает их взаимодействие и взаимопроникновение. Вопрос о том, является ли религия определяющим, отличительным признаком нации, волнует не только теоретиков. Он находит преломление в практической плоскости жизни отдельных наций и народов, обретая актуальность и в иноконфессиональной среде. Насколько национальность влияет на выбор и сохранение конфессиональной принадлежности? В данной статье проблема сопряжения полей «религия» и «национальность» будет рассмотрена на примере восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев), проживавших и проживающих на территории Польши, чтобы понять, можно ли в исследуемых исторических контекстах ставить знак равенства между понятиями «православный» и «русский», а православную веру и Церковь на этих землях называть «русскими».

В некоторых районах Польши, например в восточных – в Подлесье, православие было традиционной религией. Изначально земли были частью Киевской Руси. В 1413 г. состоялся Городельский сейм, который изменил статус православия и православных в стране: юридически православие было поставлено ниже католицизма; его адептам преграждался доступ к высшим должностям, они лишались многих прав и привилегий, которыми пользовались католики [1, с. 22–23]. Обоснованием служило представление о том, что православные (русские) – значит «чужие» и они не должны знать государственные секреты. В 1563 г. на Виленском сейме большая часть дискриминационных пунктов была отменена. В XV–XVI вв. в районах, которые теперь входят в Люблинское, Белостокское и Жешовское воеводства, большая часть населения исповедовала православную веру. В официальных документах православие называли «русской верой» или «греческим законом».

Ситуация изменилась после принятия Люблинской унии 1596 г., увеличившей количество православного населения польских земель за счет Белоруссии и Западной Украины. Начались гонения на православных. Перешедшим в католичество давались льготы и допуск к государственным должностям, что особенно ударило по православной шляхте, которой надо было либо принять католичество, либо отказаться от всех сословных преимуществ. Тогда же была принята и Брестская уния. Начались переходы в греко-католическую церковь (униатство) или католичество. И, несмотря на борьбу части православных за веру и свои права, к концу XVII в.

большинство населения восточных областей Польши приняло униатство [2]. Теперь среди русских, белорусов и украинцев, проживавших в Польше, чаще встречались униаты и католики.

Не произошло существенных изменений в положении православных в Польше и после Четырехлетнего (Великого) сейма (1788–1792 гг.), занимавшегося выработкой средств возрождения Польши и провозгласившего религиозную свободу. В документах речь идет об «успокоении греческой религии». Но даже прописанные на бумаге положения в жизни практически не работали. Их важность заключалась скорее в признании возможности существования православия в Польше. До конца XVIII в. его оплотом были монастыри. «Без этих монастырей, – пишет Ф. И. Титов, – быть может <...> не имело бы сил и средств окрепнуть и развить то движение, которое известно у нас в истории под именем воссоединения западнорусских униатов, и, следовательно, Православие и русская народность в Западной Руси не могли бы так сравнительно быстро и легко восстать из того унижения и той подавленности, в каких они оказались во второй половине XVIII века» [3, с. 125]. Автор увязывает восстановление православия и русской народности.

Иная ситуация была в Сандомирском воеводстве первой Речи Посполитой, где в конце XVIII в. появились греческие православные купцы, спасающиеся от турецких преследований [4, с. 11]. Правительство не разрешало им открывать храмы, и богослужение совершалось в молитвенных домах. Священники приглашались из Буковины, Венгрии, Болгарии, Греции [5, с. 21]. До начала XIX в. православных было совсем немного: на 1824 г. – 747 человек [6, с. 35]. Большинство (90 %) из них составляли греки, в числе остальных преобладали русские, прежде всего военные, находившиеся на службе и временно проживавшие здесь вместе с семьями [7, с.138]. Ставить знак равенства между понятиями «православный» и «русский» на данных территориях применительно к данному периоду времени нельзя.

После разделов Польши часть ее территорий вошла в состав Российской империи. Царское правительство начало предпринимать активные действия по распространению и укреплению православия. Количество православных резко увеличилось, в том числе и за счет возвращения униатов в лоно Матери-Церкви. Так, в Брацлавской губернии на январь 1795 г., согласно докладу епископа Иоанникия Святейшему Синоду, «церкви все числом 1090 истекшего 1795 года декабря в последних числах к Православию присоединением окончены», то есть буквально за два-три месяца около полумиллиона униатов (1090 церквей) вновь присоединились к православию [8, с. 371–372]. В их числе были представители разных национальностей.

Православизация усугубляется после восстания 1830–1831 гг.: польская армия была ликвидирована и заменена русскими войсками (более 100 тыс. человек), прибыли российские чиновники, началось активное церковное строительство. Число русских военных и штатских в Польше постоянно росло (например, только в Сандомирском приходе накануне Пер-

вой мировой войны было более тысячи прихожан [9, с. 30]). Было построено около 200 православных храмов, создавались церковные институты (викариатства, епархии). В этот период большинство православных Сандомирского воеводства были русскими, причем пришлыми и временно пребывавшими на данной территории, а в Холмщине и Полесье была иная ситуация: среди православных преобладали белорусы и украинцы, постоянно проживавшие здесь.

Важным фактором, приведшим к изменениям религиозной ситуации в стране, стала ликвидация униатского обряда в 1875 г., в связи с чем оставшиеся униаты в большинстве своем перешли в православие (например, на Холмщине), что привело к многочисленным спорам, конфликтам и противоречиям. Даже Русская православная церковь, положительно оценивая ликвидацию униатского обряда, дистанцировалась от действий административного характера и применения жестких методов. Поскольку для некоторых униатов это был вынужденный переход, после указа Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. бывшие униаты перешли в католическую Церковь латинского обряда. В Королевстве Польском, по некоторым оценкам таковых было более 165 тыс. человек, из них 100751 – в Седлецкой губернии [10, с. 51]. В результате в 1893–1909 гг. доля православного населения в вышеупомянутой административной единице снизилась с 22,7 до 11,2 % [11, с. 31–32], что воспринималось как поражение политики российского государства, рост устремлений католической общины и усиление польской среды.

В годы Первой мировой войны началась массовая миграция из восточных районов Польши русских, белорусов, украинцев в глубь империи [12–13]. К тому же война привела к изменению дислокации русской армии. В результате резко сократилась и доля православного населения Польши. Возрождение самостоятельного Польского государства в 1918 г. с включением в него (по Рижскому договору 1921 г.) Западной Белоруссии и Украины привело к тому, что несколько епархий РПЦ оказались за границей. Власти и часть поляков, как и в прежние времена, воспринимали православие как наследие российского правления и его ограничение считали исторической справедливостью. Был предпринят ряд действий, таких как передача православных церквей католикам, их снос или использование не по назначению, давление на церковные структуры и внедрение механизмов полонизации, репатриация украинцев. Например, в г. Седльце собор Святого Духа был переделан в католический костёл, а в здании церкви-школы св. Леонтия – в университетские корпуса. Те, кого выселить не удалось, в ходе операции «Висла» были депортированы на северо-запад страны.

По инициативе польских властей местная церковь разорвала связи с Русской православной церковью, обратившись к Патриарху за получением статуса автокефелии, но он отказал. Обоснование было следующим: «По канонам автокефалия дается отдельным народам. Если бы поляки были

православными и просили для себя автокефалию, то, конечно, получили бы, но поработенным меньшинствам белорусов, русских и украинцев автокефалии дать нельзя» [14, с. 11; 15, с. 181], что свидетельствует о том, что представление «православный = русский (белорус, украинец)» в данный период являлось реалией.

В 1924 г. Константинопольский патриархат признал Польскую православную церковь автокефальной, она стала называться Польская автокефальная православная церковь (ПАПЦ). РПЦ признала эту автокефалию только в 1948 г. Главной предпосылкой автокефализации было стремление избавиться от русского наследия и влияния. Был изменен язык богослужения, расширено употребление польского языка в религиозной жизни, хотя допускалось и употребление церковнославянского.

В 1935 г. из 4,1 млн (по некоторым данным из 4,2 млн, то есть 16,8 % от общего населения страны) православных христиан в Польше 2 млн составляли украинцы, 1,5 млн – белорусы, 0,5 млн – поляки и 0,1 млн – русские [16, с. 137]. Проведение службы на церковнославянском воспринималось большинством верующих как культурная ценность, позволявшая сохранить национально-этническую идентичность, которая (в том числе) держалась на традиции употребления церковнославянского языка. Для восточнославянских народов религиозные традиции были важным фактором в сохранении национальной и даже национально-религиозной идентичности. Польские власти использовали вышеупомянутые инструменты именно для изменения этой идентичности – украинцы, белорусы, русские жили в Польском государстве, следовательно, должны были стать поляками если не этнически, то как представители гражданской нации.

В 1930 г. Польская католическая церковь возбудила дело о ревиндикации (возврате) имущества Католической церкви. Иск касался 700 церковных объектов (всего тогда в Польше было около 1500 православных приходов). Только 200 из них удалось отстоять. Немало храмов было разрушено. В 1935 г. было принято решение о превращении православной церкви в «инструмент распространения польской культуры на восточных землях», что проявилось в полонизации духовного образования, богослужения и управления. Идея была в следующем: если невозможно растворить православие в католицизме, то надо создать так называемое «польское православие».

1938 г. явился пиком террора и насилия над православным населением, особенно на Холмщине и в Подлесье, где большинство населения исторически исповедовало православие (там проживало около 250 тыс. православных). Храмы стали не только закрывать, но и разрушать: в течение двух летних месяцев 1938 г. было уничтожено 127 православных храмов [17].

Когда вышеизложенные меры не дали ожидаемого результата, православных, чьи фамилии имели окончания «ских», «ич» и другие, начали убеждать, что их отцы были поляками, следовательно, католиками, и ныне

их прямой долг вернуться к вере предков. К тому же в связи с предвоенной ситуацией стали распространяться слухи, что всё приграничное население Украины и Белоруссии не польской нации на 50 километров от польско-советской границы будет выселено вглубь, за исключением католиков. Вновь начался переход в католичество. Некоторые выпускники гимназий делали это из опасения быть лишенными аттестатов зрелости.

В 1938 г. был издан Декрет Президента Республики «Об отношении государства к Польской Православной Церкви», а Советом Министров был обнародован «Внутренний Статут Польской Автокефальной Православной Церкви». По этим документам Православная церковь в Польше, несмотря на провозглашение свободы во внутренней жизни и в общении с другими православными церквями, была поставлена в зависимость от власти государственной. В свете данного исследования важно выделить несколько моментов: утверждение в должности митрополита и епископов только польских граждан; изменение профессорско-преподавательского состава Православного Богословского факультета Варшавского университета, то есть налицо официальная полонизация Православной церкви.

С началом Второй мировой войны ситуация изменилась. Восточные области Польши были заняты Советским Союзом (юрисдикционно вошли в состав РПЦ). В послевоенный период некоторые территории (в значительно меньшем объеме) возвращены Польше, но в результате территориальных изменений и обмена населением с СССР ПАПЦ потеряла 90 % имущества. Церковные структуры нужно было возрождать практически с нуля. О тогдашнем состоянии Церкви свидетельствует тот факт, что в пределах польских границ остался только один монастырь в деревне Яблечна [18]. Политика польских властей, как и в большинстве социалистических стран, была направлена на ограничение религиозных обрядов и участия жителей в религиозной жизни. В то же время были предприняты усилия по маргинализации национальных меньшинств и связанных с ними институтов. Проходило это под лозунгом политического и морального единства нации. Национальность приравнивалась к гражданству, которое должно было стать механизмом ассимиляции.

Ситуация изменилась в связи с процессами демократизации Польши в 1980–1990-е гг. Большинство ограничений были сняты, объявлена свобода совести и вероисповедания, свобода отправления религиозного культа, запрещение дискриминации за религиозные убеждения, равноправие всех религиозных организаций и отделение Церкви от государства.

Довольно часто в повседневной жизни и даже в публичном пространстве православных христиан в Польше называют «русскими». Согласно последней переписи населения, проведенной в 2011 г., здесь проживает 13046 русских, русскоговорящих чуть больше – 20000 человек [19]. По данным той же переписи 156 тыс. человек заявили о своей принадлежности к православной церкви. ПАКП заявила, что количество веру-

---

ющих составляет 504 тыс. человек [20]. Число православных и русских (даже русскоговорящих) существенно различается, что демонстрирует отсутствие тождества между этими понятиями. К тому же, как отмечалось ранее, не все русские, белорусы и украинцы исповедуют православие. Поэтому на данный момент положение «православный равно русский» является не более чем стереотипом. Он существует главным образом на территориях, где в XX в. произошла коренная смена религиозной структуры, в результате которой православное население стало маргинальным (большая часть восточной Польши). Этот стереотип отмечается и в других регионах, но там он не такой эмоционально-устойчивый [21, с. 164]. Стереотип «православный – русский» вызывает в Польше негативные коннотации, что, в свою очередь, ведет к отсутствию доверия. Сегодня стереотипы «поляк – католик», «белорус, русский или украинец – православные» устарели.

Одним из показателей национально-религиозной идентичности является язык. Уже после президентского декрета 1938 г. официальным языком церковных властей и их учреждений стал польский. Начался перевод на польский язык книг Священного Писания, богослужебных книг и творений святых Отцов Церкви. Сокращение использования русского языка в церковной жизни было следствием не только полонизации, но и изменения национального состава православных. С 1970 г. русский перестал быть языком обучения в Варшавской семинарии [22, с. 199]. В 1991 г. Президентом Польши был подписан «Устав об отношении Государства к Автокефальной Польской Православной Церкви», в котором отмечалось: «Церковь в своем внутреннем служении употребляет язык старо-церковно-славянский и родные языки своих последователей». Это была констатация того, что уже произошло в самой Церкви – литургия шла на церковнославянском, хотя параллельно с этим в церкви использовались и другие славянские языки (иногда даже несколько языков вместе). Из 430 приходов Польской православной церкви лишь в нескольких (не более десятка) служба идет на польском, в остальных – на церковнославянском, но с частичным использованием польского. Например, читают по-польски Апостол и Евангелие, произносят некоторые ектении, проповедь идет на польском языке. В Церкви объективно происходит полонизация, поскольку новое поколение верующих уже ассимилировалось и плохо знает белорусский, русский или украинский [23].

Еще один важный момент – состав священнослужителей. В нашем распоряжении нет данных об их национальности, но лингвистический анализ их фамилий может служить источником получения определенной информации: до начала XX в. примерно в равной пропорции встречаются русские, белорусские, польские фамилии, в меньшей степени – украинские. К сожалению, до сих пор не изучены церковные метрические книги польских православных приходов, по которым также можно было бы проследить динамику изменения состава верующих и ее региональную специфику.

Можно ли говорить о совпадении религиозной (православной) и национально-этнической (белорусской, русской, украинской) идентичностей? Вышепредложенный исторический обзор свидетельствует о том, что в разные периоды ситуация складывалась по-разному, и далеко не всегда это совпадение наблюдалось. Во-первых, не везде православные церкви основывались как часть РПЦ, их создание в центральных районах Польши было связано с греческим православием. Во-вторых, несовпадение данных о количестве православных и восточнославянских народов на территории Польши еще раз подтверждает не идентичность этих социальных групп. Однако зачастую в политике и в бытовом восприятии часто срабатывает стереотип «православный равно русский», поэтому русофобия приводит в том числе к борьбе с православием, закрытию православных церквей. В-третьих, наблюдается использование не только традиционного церковнославянского, но и других языков для богослужения, внутренних документов и обучения в церковных учебных заведениях. Поэтому на сегодняшний день можно говорить, с одной стороны, о таком явлении, как множественная идентичность; с другой (учитывая процессы ассимиляции) – о появлении новой идентичности – «православный поляк», при этом поляк именно как представитель гражданской нации.

Ссылки

1. Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве. Екатеринбург: тип. С. И. Барановского, 1908. 511 с.
2. Коялович М. Литовская церковная уния. СПб: тип. Н. Тихменева, 1859. Т. 1. 316 с.
3. Титов Ф. И. Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. 3: Заграничные монастыри Киевской епархии в XVII–XVIII вв. Ч. 1: Общие сведения о заграничных монастырях Киевской епархии в XVII–XVIII вв. Киев: тип. С. В. Кульженко, 1916. 172 с.
4. Antosiuk J. Radomskie prawosławie. Radom : Stowarzyszenie Oświatowe “Sycyna”, 2004. 105 s.
5. Sławiński P. Parafie prawosławne w Opatowie 1778–1915. Sandomierz: Wydawnictwo Mandragora, 2006. 90 s.
6. Mironowicz A. Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2005. 390 s.
7. Венглевич В. В. Православные приходы на территории Королевства Польского в XIX веке (на примере городов Радомской губернии) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2015. № 13. С. 137–147.
8. Коялович М. История воссоединения западно-русских униатов старых времен. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1873. 400 с.
9. Sławiński P. Prawosławie w Sandomierzu i okolicy. Sandomierz: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2008. 208 s.
10. Barwiński M. Podlasie jako pogranicze narodowościowo-wyznaniowe. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 2004. 186 s.

11. Cynalewska-Kuczma P. Architektura cerkiewna Królestwa Polskiego narzędziem integracji z Imperium Rosyjskim. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 2004. 231 s.

12. Фіонік Д. Беженство. Дорога і повороти 1915–1922. Bielsk Podlaski : Музей Малэйі Батькувшчыны в Студзіводах, 2015. 224 с.

13. Prymak-Oniszk A. Bieżeństwo 1915. Zapomniani uchodźcy. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2016. 368 s.

14. О Польской Православной Церкви // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 11–12.

15. Резолюция Святейшего Патриарха Тихона на прошении, поданном польским поверенным в делах в Москве, о даровании прав автокефалии Православной Церкви в Польше. 1921 год // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. 1063 с.

16. Mironowicz E. Polityczne uwarunkowania funkcjonowania Kościoła prawosławnego w Polsce w latach 1920-1939 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2005. № 24. S. 117–152.

17. Сайт: Акция бурzenia cerkwi prawosławnych na Chełmszczyźnie i Południowym Podlasiu. URL: <http://cerkiew1938.pl/> (дата обращения: 06.02.2022).

18. Бобрик А. Значение Свято-Онуфриевского Яблочинского Монастыря для религиозной жизни православной общности в Польше // На пути к свободе совести. Брест: БрГУ, 2006. С. 22–32.

19. Bobryk A. Attitudes towards the Mother Tongue as an Identity Manifestation of National and Ethnic Minorities in Poland // Identities of Central-Eastern European Nations / ed.: V. Yevtukh, A. Wysocki, G. Kisla, A. Jekaterynczuk. Kyiv: Institute of Sociology, Psychology and Social Communications of National Pedagogical University M. P. Drogomanov, Institute of Sociology Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, 2016. С. 190–192.

20. Siwicki P. Grekokatolicy i prawosławni w Polsce w świetle wyników spisu powszechnego z 2011 r. URL: <https://www.ekumenizm.pl/koscioly/wschodnie/grekokatolicy-i-prawoslawni-w-polsce-w-swietle-wynikow-spisu-powszechnego-z-2011-r/> (дата обращения: 06.02.2022).

21. Бобрык А. Восприятие православных в Польше как русских // Трансформация исторической памяти в региональном пространстве: коллективная монография / под ред. А. В. Урядовой. СПб.: Реноме, 2021. 149–173.

22. Urban K. Kościół prawosławny w Polsce 1945–1970. Kraków: Nomos, 1996. 412 s.

23. Bobryk A. Narodowościowy aspekt języka Liturgii w Polskiej Autokefalicznej Cerkwi Prawosławnej // Konstrukcje i destrukcje tożsamości. T. 1: Wokół religii i jej języka / ред. E. Golachowska, A. Zielińska. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk, Fundacja Sławistyczna, 2011. S. 121–133.

African studies in the 19th century

G. M. Sidorova^{1,2,3}

¹Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations

²Moscow State Linguistic University

³Institute for African Studies

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-198-207

Research article
Full text in Russian

The goal of the article is to prove that quite a lot of information was gathered about Central Africa in the 19th century. Geographers, journalists and military officers gathered unique data on the inhabitants and nature of the continent through their expeditions. Blind spots on the map, previously Terra Incognita, were being cleared. Difficult aspects of distant Africa exploration are also described. These include conflicts with native tribes, natural and climatic hurdles, and tropical diseases. The conclusion is that at the end of 19th century Africa attracted an increased interest on behalf European peoples.

Keywords: Africa; pioneers-explorers; geographic discoveries; Congo; Stanley

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sidorova, Galina M. | E-mail: gal_sid@mail.ru
Doc. Sc. (Politics), Professor, research worker

Наука об Африке в XIX веке

Г. М. Сидорова^{1,2,3}

¹Дипломатическая академия МИД России, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, Москва, Российская Федерация

³Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-198-207

Научная статья

УДК 325

Полный текст на русском языке

Цель статьи доказать, что в XIX веке было собрано достаточно много информации о Центральной Африке. Географы, журналисты и военные в ходе своих экспедиций собрали уникальные сведения о жителях и природе континента. Заполнялись белые пятна на карте, которые ранее значились как Terra incognita. Отмечаются и проблемные моменты в освоении далекой Африки. Это конфликты с аборигенами, природные и климатические препятствия, тропические болезни. Делается вывод, что в конце XIX в. Африка вызывала повышенный интерес европейцев.

Ключевые слова: Африка; пионеры-открыватели; географические открытия; Конго; Стенли

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сидорова, Галина Михайловна

E-mail: gal_sid@mail.ru

Доктор политических наук, доцент, профессор
Дипломатической академии МИД России,
профессор Московского государственного
лингвистического университета, ведущий
научный сотрудник Института Африки РАН

Африканский континент в XIX в. привлекал внимание европейцев не столько своей экзотикой, сколько возможностью обогатиться. Все, кто имел коммерческую жилку, устремились на континент. Ехали в Африку нередко и неудачники, чтобы скрыться от долгов, начать жизнь с начала или найти работу. Многих, правда, останавливали слухи о диких племенах и каннибалах, о непуганых свирепых животных, обитавших в лесах.

Тем не менее центральная часть континента стала понемногу осваиваться. Заполнялись пустоты на картах, вписывались новые названия. Так,

© Сидорова Г. М., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

бельгийский исследователь XIX века А. Ж. Вотерс пишет в своей книге: «Из года в год сокращаются обширные белые пятна на карте бассейна Конго. К концу 1890 года вдоль рек были созданы многочисленные опорные пункты, соединенные между собой дорогами <...> Все это свидетельствует о лихорадке открытий и вписывается в методичное и последовательное завоевание страны» [1, р. 47]. Правда, нередко встречались и курьезы. Так, европейцы, пытавшиеся узнать у аборигенов название рек или населенных пунктов, часто сталкивались с языковой проблемой. Чтобы узнать название того или иного объекта, нередко они получали ответ на местном языке – это река, это гора и т. д. Однако, поскольку смысл слов на языке аборигенов им был непонятен, эти красивые, но ничего не значащие для европейцев слова, так и перекочевывали на карты.

С автором статьи также произошел подобный случай. Это было в Габоне. Когда я указала на только что приобретенную обезьянку, мне ответили, что это «кики». Нисколько не сомневаясь, я подумала, что это имя животного и долгое время так его называла. Но позднее выяснилось, что на языке фангов кики – это обезьяна. Получается, что долгое время обезьянку называла обезьянкой!

Африку осваивали смелые люди, готовые на лишения и тяжелые испытания. «На пути встречались тысячи трудностей, – писал в своих дневниках Стенли. – Голод, болезни, враждебность аборигенов, все это дополняло мрачную картину. Встречались и непреодолимые препятствия. Но мы были одержимы нашей высокой целью и двигались вперед» [2, р. 68].

В числе самых популярных исследователей Африки можно назвать Д. Ливингстона, С. де Бразза, Г. Стенли. Однако было много и других пионеров-открывателей континента, о некоторых практически ничего не известно. В ДР Конго, например, есть целое кладбище первопроходцев, расположенное на территории национального музея в Киншасе. На двух панно, напоминающих школьную доску, кто-то заботливо запечатлел имена «пришельцев» из разных стран, оставивших там свои жизни (Les Pionniers batisseurs du Congo Belge). Под замшелыми плитами покоится прах молодых людей из Бельгии, Франции, Голландии, Швеции, Великобритании и т.д. Всего в списках значится 87 имен [3]. Причем дата кончины всех указана в короткий промежуток времени – с 1881 по 1887 гг. Что их привело на далекий континент, какова причина гибели – малярия или другие тропические болезни? Видимо, этого уже не суждено узнать.

На самом деле в XIX веке образ Африки как «дикой» формировался лишь у обывателей. В то время появилось немало европейских исследований, в основу которых были положены арабские и португальские источники, дававшие представление о Центральной Африке. К их числу относится труд немца (русского подданного) Георга Августа Швейнфурта «В сердце Африки 1868–1871», где автор рассказывает о своих географических достижениях [4]. Российский император Александр II даже наградил автора ор-

деном Св. Станислава 2-й степени за услуги по исследованию Центральной Африки. Книга Г. А. Швейнфурта настолько поразила воображение бельгийского короля Леопольда II, что он после ее прочтения «заразился» африканской идеей создания «крупного негритянского государства» [5, с. 71]. Знаменитый ботаник и географ ступил на землю будущей бельгийской колонии на пять лет раньше легендарного Стенли и в отличие от него он нигде не прокладывал себе дорогу силой оружия [6, с. 14]. Когда Г. А. Швейнфурт в 1870 году достиг территории, находящейся на стыке современного Судана, Центральноафриканской Республики и Конго, там находилось в самом расцвете «царство Мангбету». В своих дневниках Г. А. Швейнфурт дал красочные зарисовки тогдашнего властелина Мунзы, его дворца, где тот принимал путешественника, а также придворной жизни и обычаев, кладовых, где хранились «сокровища» правителя, и многое другое [7, с. 127].

Вот как описывается его встреча с местными жителями. «2 февраля 1870 года он впервые увидел тамошних обитателей, сбегавшихся громадной толпой посмотреть на белого человека, о котором были уже наслышаны. Представшие перед ним азанде, с копьями, щитами и саблями, в ожерельях из костей убитых врагов, были не чужды каннибализма, но путешественник все же провел у них несколько недель. Относились к нему в целом неплохо, ибо он, по его собственным словам, успел приобрести репутацию «защитника черных», не давая солдатам-нубийцам, сопровождавшим караван, обращаться с местным населением слишком жестоко» [6, с. 14]. Г. А. Швейнфурт изучал местное население, а они, в свою очередь, изучали его. За страсть к собиранию гербария его прозвали «пожирателем листьев» [6, с. 14].

В XXI веке мало что изменилось. Особенно когда приходилось бывать в конголезской глубинке. Пигмеи (или тва), при встрече со мной также просили выступить в роли правозащитника. Именно этот этнос в Конго почему-то наиболее уязвимый. Их притесняют, истребляют физически, нередки случаи каннибализма. Белый человек в конголезской глубинке – такая же редкость, как и прежде. Местные называют европейцев «людьми без кожи».

Уникален по своему содержанию труд барона де Мартен-Доно «Бельгийцы в Центральной Африке», изданный в 1887 году [8]. Автор подробно описывает походы Г. Стенли в бассейн Конго, традиции и верования различных народов, населяющих этот регион, поведение и отношение к европейцам местных царьков, проблемы на пути освоения тропических территорий. Тщательным образом прописаны первые бельгийские фактории в Конго. Весь этот богатый материал иллюстрируется гравюрами.

Вслед за названной книгой в 1888 году появилось исследование Алексис-Мари Гоше «Иллюстрированное Бельгийское Конго или Независимое государство Конго (Центральная Африка)» [2]. В нем много сведений об отдельных племенах, флоре и фауне. Что касается населения, то на тот период автор дает цифру 20–25 млн чел. (сейчас в ДР Конго более 100 млн)

[2, р. 68]. В исследовании, помимо Стенли, содержится более 200 имен пионеров-открывателей Конго. Автор исследования подробно останавливается на миссии бельгийского капитана ван Желя (van Gèle) в конце 1886 года. Тогда правительство королевства Бельгии поручило ему изучить реку Убанги с ее притоками. С тех пор стали известны основные ее характеристики, даны описания береговой зоны, а также «пиратские наклонности» этноса Балои (Baloï) [2, р. 202]. Похожие исследования по Конго были поручены проводить лейтенанту шведской армии М. Глирапу (Gleerup), находившемуся на службе у бельгийцев. Он прошел по местам недавних экспедиций Камерона (Cameron), Стенли (Stanley), Виссмана (Wissman) от форта Виви на западе Конго до Занзибара на востоке. Примечательный факт о капитане Виссмане: он считается крупным исследователем тропической Африки, который первым среди европейцев пересек дважды Центральную Африку за 6 лет.

Другим посыльным был австрийский доктор Ленц (Lenz), прославившийся в своих исследованиях Сахары [2, р. 204]. На этот раз ему было поручено обследовать район озера Ниаса на востоке Конго.

А.-М. Гоше выделяет самых знаменательных руководителей экспедиций: англичане Ливингстон (1854–1856), Камерон (1873–1875) и Стенли (1876–1877); португалец Серпа-Пинто (1877–1879); немцы Виссман (1881–1882) и Арно (1881–1882); португальцы Капелло и Ивенс (1884–1885); швед Глирап (1884–1886); австриец Ленц (1886–1887); немец Виссман (1886–1887) [2, р. 205].

Плодовитым был писатель и географ того времени Альфонс-Жюль Вотерс. В 1899 году он составил и издал карту Конго [9]. В отличие от карт XVI века, на которых срединная Африка изображалась очень приблизительно, например просто как пустое пространство с надписью «*Terra incognita*», автор отразил географические достижения XIX века. В 1885 году А.-Ж. Вотерс издал каталог-справочник, где последовательно изложено около 3800 монографий, карт, документального материала по истории, географии и колонизации Конго [10]. Значимым стал его труд «Независимое государство Конго: история, физическая география», изданный в 1899 году в Брюсселе [1].

В отечественной историографии в 1896 г. появилось исследование «История полувековой деятельности Императорского русского географического общества», где также говорится об открытиях в Африке в XIX столетии [11].

Практически все авторы в той или иной мере связывали изучение бассейна Конго с уже упоминавшимся именем Генри Морланда Стенли (настоящее имя – John Rowlands) [8, р. 22]. Он родился в Англии, но большую часть времени жил и работал в Америке в качестве журналиста. В 1874 году на шумевшая история с исчезновением Д. Ливингстона в джунглях Африки привлекла внимание предпринимателя издания *New-York Herald*.

Ему в голову пришла мысль о поиске этого легендарного исследователя. И таким человеком, «проверенным временем», стал Г. Стенли. Собственно, судьба Д. Ливингстона его не очень интересовала. Ему нужна была сенсация, и он ее получил. Г. Стенли отыскивал изнемогающего, истощенного Ливингстона, который потерял надежду на спасение, и появление Стенли было для него как *Deus ex machina* (неожиданное появление Бога в конце пьесы у римлян). Г. Стенли, в свою очередь, прославился написанной книгой «Как я отыскал Ливингстона» [12]. Две крупные газеты – «Daily Telegraph» и «Herald», – объединив усилия, вновь снабдили экспедицию Стенли в Африку для продолжения научных изысканий. Путешественник предпочел на этот раз осваивать новые земли, продвигаясь по рекам на лодке «Леди Алиса» с паровым двигателем. Лодка была разборной, и на участках суши, когда приходилось пробираться через лесные чащи, «ее несли на своих плечах стонущие под тяжестью груза носильщики» [2, р. 70]. В качестве тягловой силы иногда использовали ослов, для которых заросли и узкие тропинки не были препятствием.

Лодка в настоящий момент (во всяком случае на 2014 год) находится на судовой бельгийской верфи в Киншасе, столице ДР Конго. Изрядно пострадавшая от времени и тропического климата, это восьмиметровое судно, когда-то рассекавшее воды реки Конго, имеет плачевный вид. Практически вся изъедена ржавчиной и скорее напоминает «скелет» от лодки. Паровой котел доживает свой век рядом с ней на траве. Сохранилась надпись «1881 год». Давний спор между национальным музеем Конго и владельцем верфи о принадлежности этого раритета остается долгие годы неразрешенным. Судовладелец по каким-то неизвестным причинам не хочет отдавать в собственность Конго «Леди Алису», а сам даже не пытается как-то ее сохранить для грядущих поколений. Вот и стоит она под открытым небом в отдаленном уголке верфи, открытая всем ветрам и тропическим ливням, что, конечно, сокращает ее жизненный срок.

Местное население крайне неприветливо встретило европейца и даже не хотело продавать ему провизию, поэтому Г. Стенли и 36 человек команды питались случайными бананами, а иногда отбирали провизию и лодки у населения. Вот один из эпизодов, описанных очевидцем. «Услышав выстрелы, люди из племени местных рыбаков, вагенья, быстро покидали лодки и таким образом мы захватили около тридцати пирог, чтобы дальше двигаться по реке» [13, р. 289]. По утверждению конголезского историка И. Ндайвелу э Нзиему, с приходом Стенли на конголезские земли началась настоящая война аборигенов с европейцами. В общей сложности команде Стенли пришлось выдержать 32 сражения [13, р. 289]. По всей территории быстро распространился слух о «завоевателях», что способствовало враждебному настрою многих конголезских племен, где бы ни появлял-

ся Стенли. Аборигены не понимали намерения европейцев. В их приходе они видели лишь одно – посягательства на их исконные земли.

Более того, постоянно приходилось отбивать атаки местных жителей, вооруженных копьями и отравленными стрелами. В книге «В джунглях Африки» Г. Стенли подробно описывает это примитивное, но довольно эффективное оружие. «Стрелы туземцев – из темного дерева, длиной 60 см или около того, очень тонки, острые концы их подвергают медленному отвердению путем длительного прогрева их в горячем воздухе над очагом хижины <...> Лук длиной в 90 см. Тетивой служит широкая лента из тростника, тщательно отполированного. Пробуя стрелять из такого лука, в первый раз на расстоянии двух метров, я насквозь пробил деревянной стрелой жестяную коробку с крышкой. Оружие это нешуточное, и нет сомнений, что на близком расстоянии стрела может насквозь пробить грудь человека» [14, с. 70].

В ходе экспедиций Г. Стенли приходилось сооружать временные постройки «бома» или укрываться в дуплах деревьев от ядовитых змей и хищников. На места стоянок первопроходцев, располагавшихся вдоль рек и озер, нередко навевались крокодилы, нападавшие на людей.

Так постепенно в разных частях страны образовывались опорные пункты, ставшие в дальнейшем важными форпостами для политической и военной деятельности европейцев. В результате за период 1879–1884 гг. Г. Стенли основал двадцать две станции [15, с. 68]. Одной из первых была стоянка Виви, где проживало более 70 аборигенов. Они выполняли различные функции: переводчиков, вождей, охранников, прачек, поваров, рабочих [8, р. 138].

В городе Бома, что на западе Конго, сохранился «баобаб Стенли», где провел свою первую ночь в этих окрестностях легендарный путешественник. Это огромное дерево с дуплом, где могут разместиться одновременно до десятка человек. Местные экскурсоводы любят приводить туда туристов и рассказывать об истории их страны.

Однажды, накануне рождества, Г. Стенли рассуждал со своим компаньоном Фрэнком Пококом (Frank Pocock) о будущем: «Перед нами карта Африки, составленная европейцами. А вот и предполагаемое место, где мы находимся. Здесь пока пусто. Но я вас заверяю, Фрэнк, что скоро этот пробел восполнится. И на этот счет у меня нет ни тени сомнения» [8, р. 34–35]. Фрэнк был единственным европейцем в команде Стенли, надежным и верным соратником. Но ему было не суждено дойти до конца пути. Он трагически погиб при спуске по реке, попав в мощный водоворот водопада [2, р. 244].

Осваивая новые земли, европейцы познавали одновременно традиции и обычаи племен, с которыми они сталкивались. Однако аборигены с опаской относились к пришельцам и не спешили раскрывать перед ними тайны своих предков. Но все же некоторым европейцам удавалось устанавли-

вать доверительные контакты с местными жителями. Так, капитан Стормс (capitaine Storms), наблюдая за местным торговцем фетишей, узнал много интересного. «Из своей корзины он достал два человеческих черепа. Когда-то этих людей обвинили в колдовстве, и они были преданы смерти. Причем один – «естественный», а другой – выкрашенный в черный цвет с помощью жира и сока какого-то растения. Из пакета он извлек корни, которые помогают уберечься от людоедов, некоторые фрагменты птиц – для удачи на охоте; кусочек дерева и перья птиц – для плодородия; корни для воинов, чтобы иметь львиное сердце; другие корни, чтобы вызывать дождь; фрагменты совы, чтобы распознавать и убивать врагов; осколки черепа буйвола, чтобы иметь удачу на охоте на слонов; осколки черепа льва, чтобы впадать в ярость и убивать врагов, а также множество других пакетиков со снадобьями, предусмотренными на разные случаи жизни» [2, р. 244].

Важным дополнением к трудам географов и путешественников для познания африканских реалий были колониальные выставки, проводимые в Европе в конце XIX – начале XX века. Это был период активного соперничества между европейскими державами за обладание колониями в Африке. Чтобы продемонстрировать европейцам преимущества владения колониями, власти Франции и Бельгии стали устраивать так называемые колониальные выставки, которые впоследствии послужили хорошей основой для создания музеев. «Польза колоний» после посещения выставки непременно откладывалась в головах посетителей. Со временем выставки, демонстрировавшие международные достижения, становятся популярными во многих странах Европы. Притягательными стали центры африканской культуры Парижа, Брюсселя, Амстердама, Лондона, Лиона, а также Антверпена, который особо выделяется на фоне других городов Бельгии и Европы в целом. Туда стекались торговцы из разных стран и представители крупных фирм. Воображение посетителей потрясало все, включая технику того времени, а также предметы быта и кустарные поделки другой неизвестной цивилизации. Художник В. Серов, посетивший выставку 1885 года, писал, что «трудно представить себе, сколько на рынке колониальных изделий» [16, с. 107].

Бельгийский король Леопольд II, войдя во вкус и строя грандиозные планы в отношении Бельгийского Конго, устроил в 1897 году колониальную выставку в Тервюрене, небольшом городке в 15 км от столицы (там сейчас расположен один из крупнейших музеев Африки). Для этой цели было построено здание в стиле дворца, где размещались привезенные с далекого континента экзотические растения и животные [17, р. 430]. Тервюренская выставка имела огромный успех и в 1910 году перекочевала в Брюссель.

Франция, одна из крупных колониальных держав, также была намерена продемонстрировать свои успехи в освоении континента. После потерь во франко-прусской войне в 1870 году, утратив Эльзас и Лотарингию, власти страны выдвинули идею проникновения в Африку южнее Саха-

ры. Именно в этот период колониальные экспозиции становятся важным пиаровским ходом в арсенале новой африканской политики. Неизгладимое впечатление оставила Парижская всемирная выставка 1900 года. Поражал размах и убранство в национальных стилях павильонов Туниса, Марокко, Индокитая, Мадагаскара. Иногда можно было встретить надпись типа: «Теперь, ознакомившись с жизнью аборигенов, вы знаете, что необходимо брать с собой в путешествие» [18, р. 316].

Затем последовали выставки в Ханое (1902 и 1903 гг.), Марселе (1906 и 1922 гг.) и других городах мира. Нашумевшую славу оставила Венсенская выставка 1931 года (окраина Парижа, лесопарк Венсент). Ее называли самой замечательной «книгой с картинками» [19, с. 55]. Вот какой она осталась в памяти писателя Ильи Эренбурга: «Венсенский лес был переполнен посетителями. Построили пагоды, дворцы, бутафорские деревни. Негры должны были на виду у всех работать, есть, спать. Женщины кормили грудью детишек, Зеваки толпились вокруг, как в зоопарке» [20, с. 263].

Таким образом, в XIX – начале XX столетия познания об Африке продвинулись далеко вперед. Спорным, конечно, остается вопрос, какую роль в истории цивилизации Африки сыграл колониализм и появление европейцев на африканском континенте. Но сейчас трудно себе представить Африку без открытий первопроходцев.

Ссылки

1. Wauters A.-J. L'Etat indépendant du Congo. Bruxelles: Librairie Falk Fils, 1899. 527 p.
2. Gochet Alexis-Marie. Le Congo belge illustré ou L'Etat indépendant du Congo (Afrique Centrale) sous la souveraineté de S. M. Leopold II, Roi de Belges. Liège: H. Dessain, Imprimeur-éditeur, 1888. 357 p.
3. Сидорова Г. М. Личный архив автора. Киншаса, 2005.
4. Schweinfurth G. Au coeur de l'Afrique 1868–1871. Voyages et découvertes dans les régions inexplorées de l'Afrique centrale. P.: Librairie Hachette et Cie, 1875. 528 p.
5. Субботин В. А. Бельгийская экспансия и колониальный гнет в период завершения территориального раздела Африки // История Заира в новое и новейшее время. М.: Наука, 1982. С. 71–117.
6. Ронин В. «Русское Конго» 1870–1970. М.: Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Русский путь, 2009. Т. 1. 518 с.
7. Орлова А. С. Раннеклассовые политические образования у азенде и мангбету. История Африки в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1967. 289 с.
8. Ch. de Martin-Donos. Les Belges dans l'Afrique Centrale. Voyages, aventures et découvertes. Bruxelles: P. Maes, Editeur-libraire, 1887. Т. 2, vol.1. 526 p.
9. Wauters A.-J. Carte de l'Etat idépendant du Congo, à l'échelle de 1:2 000 000. Bruxelles: Librairie Falk Fils, 1899.

10. Wauters A-J. Bibliographie du Congo, 1880–1895. Catalogue méthodique de 3800 ouvrages, brochures, études et cartes relatifs à l'histoire, à la géographie et à la colonisation du Congo, avec collaboration de M. Buyl. Bruxelles: Librairie Falk Fils, 1895. 356 p.
11. Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1895 гг. С-Петербург, 1896. Ч. 2. 527 с.
12. Стенли Г. М. Как я отыскал Ливингстона. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1874. 582 с.
13. Ndaywel è Nziem I. Histoire générale du Congo. Bruxelles: Duclot, 1998. 955 p.
14. Стенли Г. В дебрях Африки. М.: Государственное издательство географической литературы, 1958. 445 с.
15. Зусманович А. З. Империалистический раздел бассейна Конго, 1876–1894 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 355 с.
16. Ронин В. К. Подданные царя в Городе Синьоров. М.: Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Русский путь. 1994. 296 с.
17. Van de Velde Ch. L'Etat Indépendant du Congo aux expositions universelles belges: organization et acteurs d'une propaganda colonial (1885–1905) // Revue belge d'histoire contemporaine (RBHC). 2009. Vol. 39, № 3–4. P 405–445.
18. Exposition universelle. Paris 1900. Guide pratique du visiteur de Paris et de l'exposition. P.: Hachette. 1900. 526 p.
19. Сидорова Г. М. Колониальные экспозиции во Франции и Бельгии в конце XIX–XX веков // Куда идешь, Африка? Историко-политические этюды. М.: Институт Африки РАН, 2004. С. 50–62.
20. Эренбург И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 8. 616 с.

If there was a hut, there would be cockroaches (cockroach as a character of Russian folklore)

E. V. Spiridonova¹, N. V. Obnorskaia¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-208-217

Research article
Full text in Russian

Cockroaches have accompanied people for a significant part of their history. On the one hand, it's a pest that should be eliminated by all means, and magical methods peacefully coexisted with rational ones. On the other hand, according to the peasants with their mythological thinking, there was also a benefit from cockroaches. Remarkably that black cockroaches were considered more useful, they were perceived as a symbol of prosperity and patrons of livestock. Red or German cockroaches were perceived as more harmful and methods of getting rid of pests were applied to them in the first place. All this proves the binary perception of cockroaches which were close to the mythological world and its inhabitants and, accordingly, acted as bearers of both harm and good.

Keywords: cockroache; folklore; fortune telling; omens; rituals

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Spiridonova, Elena V. | E-mail: selenavlad@gmail.com
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Obnorskaia, Nina V. | E-mail: obnor1@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State Universitu, project VIP-18.

Была бы изба – будут и тараканы (таракан как персонаж русского фольклора)

Е. В. Спиридонова¹, Н. В. Обнорская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-208-217
УДК 94(47)+ 801.81

Научная статья
Полный текст на русском языке

Тараканы сопровождают человека на протяжении значительной части его истории. С одной стороны, это вредитель, которого следует извести любым способом, причем магические методы его истребления мирно сосуществовали с рациональными. С другой стороны, польза от тараканов, по мнению крестьян с их мифологическим мышлением, тоже имелась. Примечательно, что более полезными считались черные тараканы, их воспринимали как символ достатка и покровителей домашней скотины. Рыжие тараканы или прусаки воспринимались более вредными, и способы избавления от вредителей касались в первую очередь именно их. Все это свидетельствует о бинарном восприятии тараканов, которые были близки к мифологическому пространству и его обитателям и, соответственно, выступали в качестве эманации как вреда, так и блага.

Ключевые слова: таракан; фольклор; гадания; приметы; обряды

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спиридонова, Елена Владиславовна | E-mail: selenavlad@gmail.com
Кандидат исторических наук, доцент

Обнорская, Нина Владимировна | E-mail: obnor1@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-18.

Тараканы – одни из древнейших насекомых. Сейчас их насчитывается около 5 тысяч видов [1], хотя еще полвека назад численность известных видов была практически в половину меньше [2, с. 69]. Тараканы – существа теплолюбивые, предпочитающие тропический и субтропический климат. Однако несколько видов адаптировались и к холодным температурам

умеренного пояса. Эти копошащиеся в лесной подстилке насекомые мало привлекали внимание обычного человека.

Синантропные тараканы приспособились жить рядом с человеком и, во многом, за счет человека. Один из трех встречающихся в жилищах человека видов прибыл в Россию совсем недавно, а вот два других были хорошо известны, став частью русской повседневности. С ними боролись или, напротив, как считалось, использовали в своих целях. Тараканья тема нашла отражение и в фольклоре. Когда русские люди «познакомились» с тараканами и как с ними взаимодействовали? Освещению данных вопросов и посвящена данная статья.

Ученые энтомологи спорят, когда всем нам сейчас известные тараканы – рыжие прусаки (*blattella germanica*) и черные тараканы (*blatta orientalis*) – появились в Европе и на Руси. Филологов занимает само происхождение слова «таракан». Большинство сходятся во мнении, что это слово – русское, хотя образовано от тюркского корня. Есть несколько версий его этимологии. Одни возводят ее к глаголу «рассеиваться», «разбегаться», другие связывают с обозначением человека, освобожденного от податей («тархан»; «тарханная грамота»). Иносказательно так могли назвать нахлебника. Имеются и другие, менее убедительные, версии [3, с. 225–226].

Первые упоминания слова «таракан» в русском языке встречаются среди имен – прозвищ людей. Так, в 1490-х гг. в документах отмечались помещик Микита Торокан (Тараканов) и холоп Тонрокан, а в XVI и тем более XVII веках это имя-прозвище становится достаточно распространенным (боярский сын, купецкий староста, дьяк, подьячий, стольник, мещанин, крестьянин и т. д.) [4, с. 312; 5, с. 397, 786].

Известный советский тюрколог Н. А. Баскаков предполагал, что все эти прозвища принадлежали людям, так или иначе связанным с тюркским миром, и приводил соответствующий пример – вотчинники Таракановы первой половины XVII века [3, с. 225–226]. Однако наличие других примеров, не отмеченных в его работе, делает такую связь менее вероятной.

Слово «таракан» было знакомо русским людям уже, как минимум, в конце XV века. Однако большинство энтомологов осторожны в своей оценке времени появления насекомых тараканов в Европе и России и относят его к XVII веку применительно к Англии и Голландии [2, с. 142].

Так что же на Руси появилось раньше – слово или насекомое, названное этим словом? Вопрос пока открытый, тем более что два рассматриваемые вида синантропных тараканов имеют разную историю.

Черный, или «восточный», таракан очень давно живет рядом с человеком. Его родина предположительна – либо Северная Африка [6], либо Юго-Западная Азия [1]. Есть версия, что он вообще происходит из Черноморской области [7, с. 101–102].

Оотеки («капсулы» с яйцами) черного таракана были найдены в Египте, в бинтах мумии [1]. Археологические раскопки в одном из римских го-

родов IV века в Британии доказали наличие в нем черных тараканов [6]. Видимо, они расселялись с финикийцами, потом – с греками, другими народами, а позднее шли по торговым путям Османской империи [1]. Наиболее ранние исторические свидетельства, вероятно, относятся именно к черному таракану.

Часто встречающийся в настоящее время рыжий таракан, или прусак, как почти единодушно считают энтомологи, появился в Европе в XVIII веке. Предполагают, что он был завезен сюда торговыми судами со своей родины – из Южной Азии (имеются и другие предположения) и распространился по Европе, перемещаясь с большими массами людей из противоборствующих армий во время и после Семилетней войны [1; 2, с. 163; 8, с. 154]. Примерно в тот же период – в середине XVIII века – тараканы были документально зафиксированы в Азиатской части России, куда были завезены вместе с китайскими товарами [2, с. 163; 9, с. 553].

Первое достоверное упоминание назойливого насекомого встречается в «Домострое» (XVI в.), где в числе многих хозяйственных рекомендаций говорится о необходимости закрывать посуду с едой от тараканов [10]. В XVII веке источники становятся более многочисленными. О тараканах рассказывает протопоп Аввакум при описании своего заключения в московском Андрониковом монастыре и о порче ими просвир [11, с. 66, 145]. О том, как досаждали тараканы деревенским мужикам, упоминается в пьесе «Иудифь» (1670-е гг.) [12].

В Сибирь черный таракан пришел вместе с русскими переселенцами [9, с. 551].

В Европейской России прусак, как и в Европе, распространился в XVIII веке. Наиболее часто встречаемая версия, что его принесли, сами того не зная, солдаты с полей Семилетней войны (1756–1763 гг.). Существует и альтернативная версия о том, что занесенные из Китая рыжие тараканы быстро распространились из Азиатской в Европейскую Россию и именно русские солдаты принесли их в период Семилетней войны в Европу [9, с. 553]. Таким образом, первыми в России появились черные тараканы – большие, не столь многочисленные, не умеющие лазать по вертикальным поверхностям; произошло это не позднее первой половины XVI века. Более докучливые, быстро размножающиеся и «шустрые» прусаки «захватили» дома в XVIII веке, начав постепенно вытеснять черных.

Основной зримый вред от тараканов, который сознавался в прошлом, – это порча продуктов, а также иногда обкусывание кожи у людей с появлением на месте укуса воспаления. Особенно часто такие проблемы касались беспомощных людей – младенцев или немощных стариков [2, с.143]. Многочисленность тараканов усугубляла ситуацию. От вредителей нужно было избавиться любым способом или, еще лучше, совсем не пускать в свой дом.

Причины, по которым тараканы появляются в доме, веками связывали с нарушением какого-либо запрета. Например, в Полесье нельзя было белить дом женщинам в период менструации, иначе в доме заведутся пауки, блохи, мухи, клопы и тараканы [13, с. 148]. Хозяйке не рекомендовалось «сновать» по хате в воскресный день, иначе также будут сновать тараканы и прочие вредители [4, с. 424]. Нельзя было топить печь «нечистыми» дровами: рябиной, бузиной, осинкой – или сжигать в печи старую обувь и венники [5, с. 517, 639]. Причиной появления вредителей в доме мог оказаться обиженный на хозяина колдун, наславший тараканов на дом обидчика [16, с. 232].

Белорусы считали, что использование при строительстве дубовых бревен предотвратит появление в доме мышей, тараканов и клопов [17, с. 254]. В Пензенской губернии на Ивана Купалу «черпали росу», затем кропили ею стены домов и кровати, чтобы не допустить появления тараканов и клопов [18, с. 299].

Способы избавления от тараканов сочетали реальные и магические приемы. Тараканов вымораживали или травили мышьяком, который рассыпали по щелям стен. Считалось, что о травле никто не должен знать, иначе яд не подействует. Зимой тараканов морозили: хозяева уходили на три дня к соседям, а избу оставляли нетопленную и открытую. Летом тараканов просто сметали в шайку с водой и выплескивали подальше от дома. Могли устраивать специальные ловушки: в посудину клали что-нибудь съедобное, а края смазывали постным маслом, чтобы тараканы не могли выбраться [19, с. 116–119].

По словам В. И. Даля, существовала даже такая профессия – тараканщик, его можно было пригласить для выведения насекомых. В таких случаях говорили: «Надо бы тараканчика призвать, а то совсем, проклятые, одолели!» [20, с. 390]. С той же целью можно было пригласить знахарку. А. Н. Афанасьев писал, что для истребления клопов и тараканов она трижды объезжала дом верхом на кочерге или помеле [21, с. 1390].

Одним из наиболее часто встречающихся магических способов избавления от тараканов являются их «похороны». 1 сентября в день св. Симеона Столпника, известного в народе как Семен-летопрободец, девушки вырезали из репы, брюквы или моркови маленькие гробики, в которые сажали пойманных мух и тараканов, закрывали их и, с шуточной торжественностью (а иногда с плачем и причитаниями), выносили из избы, чтобы предать земле. На похороны одевались во все лучшее; обряд был еще и хорошим поводом для молодых людей высмотреть себе невесту [22, с. 122]. В других местах тараканов хоронили в гробах из щепок или в лапте, причем, как правило, на перекрестке или за границей деревни.

«Похороны» таракана нередко связывались с реальной погребальной обрядностью. Например, таракана могли привязать к ноге человека, сопровождающего похоронную процессию [17, с. 506]. На Украине таракана

вполне могли подсадить в могилу или прямо в гроб покойнику во время настоящих похорон [14, с. 425]. На Смоленщине, вернувшись с похорон, говорили: «Пускай клопы, тараканы мрут, а нам доброго здоровья» [23, с. 153]. После обмывания покойника использованной водой мыли стены, считалось, что это профилактика от тараканов [15, с. 170].

Были и другие, не менее популярные, способы избавления от тараканов. Например, брали столько тараканов, сколько жильцов в доме и в лапте перевозили их на другую сторону улицы [20, с. 390]. В Полесье таракана тащили через дорогу на нитке, сопровождая ритуал пением свадебной песни о том, как везут богатую невесту [13, с. 249]. В других местах таракана тащили всей семьей, делая вид, что волокут что-то очень тяжелое, и приговаривая: «Нейдет, пойдет. Ухнем!». Выносили вредителей в ушате и бросали в воду, бросали вслед идущему на пастбище стаду и т. д. [14, с. 427–428].

В Беларуси, чтобы избавиться от тараканов, обнаженными выносили сор на другую сторону улицы, чтобы туда ушли и насекомые; открывали окно и через него сдували пепел, осевший на вынутом из печи хлебе; весной при первом куковании кукушки, хлопали по полу ольховыми ветками [16, с. 236, 247, 257].

Тараканов нередко подбрасывали соседям, считая, что так можно всех тараканов переселить в чужой дом. Подбрасывая таракана, приговаривали: «Сорок тараканов, сорок первый таракан – вся стая их идите к соседу такому-то, а в нашей избе, чтобы не видно, не слышно – духу не было. Аминь, аминь, аминь» [23, с. 152]. Поэтому хозяйки тех домов, где тараканов не было, внимательно следили, чтобы проходящие не выкинули потихоньку таракана, а если с кого-нибудь из чужого дома падал таракан, то насекомое сразу убивали, приговаривая: «Убить надь: из чужово дому тороканы подливы!». Иногда крестьяне жгли их, веря, что остальные насекомые, утраченные «казнью собратьев», переберутся к соседям [19, с. 619].

Особенно часто тараканов стремились подбросить в дом священника который, видимо, воспринимался как особый маргинальный локус, вроде перекрестка, где магические способы избавления от тараканов воспринимались как гораздо более действенные [15, с. 597].

Существовало немало заговоров от тараканов. Услышав первый в году гром, рекомендовалось взять земли из-под ног и сказать: «Грому люди и весь народ, скот и прусаки боятся, так же от грому и от молнии, прусаки, сохните и вон выходите, а скот к хозяину приходите, приходите». Затем эту землю нужно было положить за печку. Рекомендация гласила: «Да еще жигалицу [ящерицу] возьми в дудку, закрепи, чтобы она не вышла, и положи вместе с землей» [24, с.18–19]. Внося последний сноп в избу, хозяйка трижды крестила им стены со словами: «Мухи, блохи, вон: хозяйка идет в дом! Ступайте, тараканы, клопы, вон! Хозяйка идет в дом!» [18, с. 282–283].

Были и свои обереги от тараканов. В Вологодской, Ярославской и Калужской губерниях, чтобы избавиться от тараканов, к переднему углу дома

приставляли борону или затыкали найденный зуб бороны под матицу [13, с. 236]. У белорусов таким оберегом служило копыто сдохшего коня, которое также затыкали за матицу или клали за печь [17, с. 594]. Той же цели можно было добиться, заткнув под среднюю потолочную балку палку, которой убили змею [15, с. 219]. Еще одним средством избавления от тараканов была четверговая свеча [15, с. 570].

Несмотря на вполне реальный вред, который приносили тараканы, отношение к ним не было полностью отрицательным. С точки зрения крестьянина, польза от таракана тоже была немалая. В частности, тараканы могли предупредить хозяина о будущих несчастьях. Например: «тараканы вдруг оставляют избу и уходят куда-то – в этой избе должен быть вскоре пожар; тараканы сильно кусаются – к тому, что вскоре кто-нибудь из домашних помрет и т. д.» [25, с. 91]; «если хозяйка избы умрет, то черный таракан к двери поползет и собирается у нее кучками» [23, с. 155].

С помощью тараканов девушки гадали о женихе. Для этого требовалось взять у соседа таракана, положить его под подушку (зашить в тряпочку, привязать к косе или ноге или положить в горшок) и три раз сказать: «Таракан-таракан, вези меня по всем городам, по всем деревням, привези к тем воротам, где мой суженый, где мой ряженный» или «Как этот таракан бегаёт, так и мне бегать у суженого в дому» [18, с. 134–138]. Черного таракана выносили за деревню, считалось, куда он поползет, туда девушке замуж идти [26, с. 473].

Таракан мог вызвать нужный ветер. В Поморье перед возвращением промышленников с Мурманского берега домой бабы целым селением отправлялись к морю молить ветер, чтобы не серчал. Если гадание покажет неблагоприятный ветер, то прибегали к последнему средству: сажали на щепку таракана и спускали его в воду, приговаривая: «Поди, таракан, на воду, подними, таракан, севера» [22, с. 440–441].

Тараканов использовали в народной медицине. Например, в Причудье грыжу у ребенка лечили так: брали таракана и пускали на тело ребенка, он должен был сам найти больное место, присосаться к нему и «выгрызть» болезнь [27, с. 361]. В конце XIX века использовавшийся в народной медицине порошок из черных тараканов против водянки был введен в официальную медицину С. П. Боткиным. Применяли такой порошок и против коклюша [2, с. 99].

С тараканами связывали здоровье домашней скотины. Когда начинали откармливать кабанчика, ему давали съесть трех черных тараканов [15, с. 576]. Если у коровы долго не выходил послед, ее тоже кормили черными тараканами [14, с. 435]. Порой тараканов специально подкармливали, чтобы скот лучше плодился. В Вологодской губернии верили, что в каждом доме есть тараканья матка с ягненка размером и, если ее извести, весь скот перемерет [14, с. 423]. В загадках таракан часто сравнивался с домашней скотиной: «Черен да не ворон, рогат да не бык, шесть ног без копыт»; «Бе-

жит бык о шести ног: сам без копыт, ходит, не стучит»; «Нашего быка дома не любят, на базаре не купят»; «На море на коробанском много скота тараканского, один пастух королецкий» [20, с. 390].

Уважение к тараканам вызывалось их предполагаемой службой домовому: «Черные тараканы (отопки, лапотники) – есть верные и любимые слуги домовых, а потому изводить их нельзя, иначе на жильцов дома разгневаётся домовый: он кого-нибудь да задушит из домашних» [25, с. 91].

Примечательно, что более полезными считались именно черные тараканы, с которыми русские соседствовали с более давних времен. Рыжие тараканы, или прусаки, появившиеся позже, воспринимались более вредными, и способы избавления от вредителей касались в первую очередь именно их. Черные же были символом благополучия и богатства. Даже выгоняя тараканов из дома, их не стремились извести под корень: «Если в избе развелось много тараканов, то баба берет помело и клюку между ног и в одной рубаше объезжает три раза свой дом, приговаривая: “Гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством”» [18, с. 134–138, 204]. А. Н. Афанасьев приводил народную примету из сборника XVIII века: «Тараканов много – богату быти» [21, с. 30]. При переезде в новый дом переносили с собой тараканов и выпускали их там [23, с. 156]. «С тараканом теплее жить», – говорили крестьяне [28, с. 566]. Корреспондент из Тверской губернии отмечал, что «черные тараканы не только не подвергаются истреблению, но даже чуть ли не считаются священными, из домов их не выгоняют» [29, с. 459].

Отношение к тараканам было лучше, чем к другим вредным насекомым. Крестьяне больше брезгуют, если в кушанье попадет муха, мотивируя, что «таракан чистое животное, ест хлеб, а муха всякую падаль» [28, с. 566]. Поговорки гласили: «Таракан не муха, не взмутит брюха»; «Таракан не поган, а муха погана» [20, с. 390]. Некоторые нерадивые хозяйки оправдывались, что никогда не моют после еды ложки: «все равно тараканы обчистят» [30, с. 383]. В сказке «Мизгирь» тараканы помогали пауку в борьбе с другими насекомыми [31, с. 94–95].

В русских сказках иногда встречается сюжет, когда герой до того, как начинает совершать подвиги, «лежит на печи по полулокоть в тараканьем молоке». Тараканье молоко здесь символизирует вековечное лежанье, а «печь на столбах» выступает в качестве висячей могилы. Так, герой, сбросивший с себя гнет и вставший с печи, воспринимается как оживший покойник, а таракан, точнее «его молоко», выступает в качестве границы между мирами живых и мертвых [32, с. 80]. Все это свидетельствует о бинарном восприятии тараканов, которые воспринимались как часть реального (обыденного) и мифологического пространства и, как большинство их обитателей, соответственно, были олицетворением как вреда, так и блага.

Ссылки

1. Tang Q. Global spread of the German cockroach, *Blattella germanica* / Q. Tang, T. Bourguignon, L. Willenmse [et al]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/328390979> (дата обращения: 16.01.2022).
2. Бей-Биенко Г. Я. Насекомые таракановые. М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1950. 342 с.
3. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 279 с.
4. Веселовский С. В. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 382 с.
5. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Русский путь, 2004. 904 с.
6. Frank Kenneth D. Oriental cockroach (*Blatta orientalis*). URL: https://www.researchgate.net/publication/309681926_Oriental_cockroach_Blatta_orientalis (дата обращения: 16.01.2022).
7. Клауснитцер Б. Экология городской фауны: пер. с нем. М.: Мир, 1990. 246 с.
8. Бабенко В. Г. Животные рядом с нами. М.: Фитон XXI, 2018. 224 с.
9. Туров С. Освоение Западной Сибири в контексте исторической энтомологии (XVII – начало XX в.) // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 2. С. 550–562.
10. Домострой // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН / подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=5145> (дата обращения: 27.11.2021).
11. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н. К. Гудзия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 480 с.
12. Иудифь // Первые пьесы русского театра. М.: Наука, 1972. С. 351–458 // Национальный корпус русского языка (старорусский корпус). 2003–2021. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 27.11.2021)
13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 577 с.
14. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. 659 с.
16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.
17. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 702 с.
18. Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.

19. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб: Деловая полиграфия, 2007. 684 с.

20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб: Диаман», 1996. Т. 4. 688 с.

21. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.: Эксмо, 2008. 1520 с.

22. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.

23. Терновская О. А. К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых // Славянский и балканский фольклор. Обряд / отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1981. С. 139–159.

24. Русские заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. 276 с.

25. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб: Деловая полиграфия, 2007. 840 с.

26. Фольклор Тверской губернии: сборник Ю. М. Соколова, М. И. Рожновой. 1919–1926 / Издание подготовили И. Е. Иванова, М. В. Строганов. СПб.: Наука, 2003. 647 с. (Серия: Литературные памятники).

27. Володина Т. В. Русские заговоры в коллекции литературного музея Эстонии // Рябининские чтения – 2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 360–362.

28. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. 624 с.

29. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 568 с.

30. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 608 с.

31. Бурцев А. Е. Русскія народныя сказки и суевѣрные рассказы про нечистую силу. С.-Петербург, 1910. 162 с.

32. Пропп В. Я. Сказка. Эпос. Песня. М.: Лабиринт, 2001. 368 с.

Marital Behavior of Women Lived in the Yaroslavl Big Manufactory's District (Based on the Parish Registers of the City Churches)

Yu. A. Krivosheeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-218-223

Research article
Full text in Russian

The article examines the peculiarities of marital behavior of women lived in the area of the Yaroslavl Big Manufactory in the second half of the 19th – early 20th centuries. The study is based on the parish registers of three Yaroslavl churches located in the factory district. Marital behavior is analyzed through the prism of the marital circle, spouses' social class, age and age differences. The author pays special attention to divorces.

Keywords: marriage; divorce; woman; factory; textile industry; church; parish

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krivosheeva, Yulia A. | E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru
Senior lecturer

Брачное поведение жительниц фабричного района Ярославской Большой мануфактуры (по материалам метрических книг церквей г. Ярославля)

Ю. А. Кривошеева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-218-223
УДК 980(470)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются особенности брачного поведения жительниц района Ярославской Большой мануфактуры во второй половине XIX – начале XX в. Семейная жизнь женщин изучается на базе метрических книг трех церквей фабричного района – Николомельницкой, Петропавловской, Донской. Брачное поведение проанализировано через призму таких аспектов, как брачный круг, сословность браков, возраст вступления в брак, возрастная разница между супругами. Отдельное внимание уделяется разводам.

Ключевые слова: брак; развод; женщина; фабрика; церковь; приход

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кривошеева, Юлия Александровна | E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru
Старший преподаватель

Изучение семейной жизни является неотъемлемой частью глобальных исследований российской повседневности в дореволюционный период. Рост интереса к гендерной и женской тематике, отчасти связанный с актуализацией исследований в области региональной и микроистории, привел к появлению трудов, освещающих разные аспекты семейной жизни [1–2]. Однако вопросы семейной повседневности женщин – промышленных работниц – еще недостаточно изучены.

Краеугольным в русле семейно-бытовых отношений можно считать брачное поведение супругов, определяющее «внешние» и формальные стороны брака. Брачное поведение рассматривается исследователями как поведение, связанное с выбором брачного партнера или брачным отбором, и определяется такими параметрами, как брачный возраст, количество заключенных браков, сословность браков, возрастное соотношение супругов и др. [3, с. 24]. Особый интерес представляют истории, касающиеся бракоразводных процессов, что также отражено в работах отечественных и зарубежных исследователей [4–5].

Изучение брачного поведения в фабричных районах необходимо для создания коллективного портрета семейной женщины-работницы.

© Кривошеева Ю. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Оно может быть реализовано с привлечением церковных метрических книг, содержащих сведения об основных демографических событиях в жизни рабочих, однако для второй половины XIX – начала XX в. анализ документации осложняется отсутствием в ряде случаев точных данных о сословной принадлежности и роде занятий изучаемых лиц. В метрических книгах встречаются сведения о военных, чиновниках, мастеровых, в 1879 г. даже было зафиксировано заключение брака телеграфистом [6, л. 439 об.]. Есть упоминания и о социально-профессиональной принадлежности женщин.

В рамках исследования нами выбран район Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ) – одного из старейших и крупнейших текстильных предприятий страны, численность рабочих которого, с учетом членов их семей, не занятых на фабрике, в рассматриваемый период достигала 17 тыс. человек [7, с. 35]. Для изучения брачного поведения была осуществлена выборка браков из расчета общего числа брачных союзов за 1 год в течение каждых 5 лет – с 1864 по 1904 г. Метрические книги, используемые в работе, принадлежали трем церквям: церкви Николы на Меленках – главного храма фабричного района, церкви Петра и Павла, построенной в XVIII в. для рабочих и служащих старой мануфактуры, и Донской церкви, окормлявшей паству из ближайших к предприятию сел и деревень, где также проживали рабочие ЯБМ [8, с. 495, 514, 517].

Несмотря на статус Николомельницкого храма, в рассматриваемый период наибольшее количество браков было зафиксировано в церкви Петра и Павла – 370 браков против 271, наименьшее число браков отмечено в Донской церкви – 164 брака.

Для жителей фабричного района характерным оказался достаточно узкий брачный круг. В рассматриваемый период более половины всех брачных союзов заключались между представителями одного сословия, в подавляющем большинстве – между крестьянами. Тем не менее среди прихожан Николомельницкой и Петропавловской церковью вплоть до середины 1880-х гг. высокой была доля мещанских браков, что, вероятно, связано с периодом упадка старой мануфактуры, когда после долгой стагнации в первой половине XIX столетия работники ЯБМ были распущены владельцами и приписывались к мещанскому сословию [9, с. 49]. Рост числа супругов-крестьян, происходивших в том числе из соседних с Ярославской губерний, в приходах обозначенных церковью хронологически совпадает с периодом переустройства фабрики и притока колоссальных объемов рабочей силы. В целом внутрисословные союзы составили порядка 60, 57 и 68 % соответственно для Николомельницкой, Петропавловской и Донской церковью.

Согласно законодательству, вступая в брак, женщина не передавала супругу своего сословного статуса – жена, напротив, получала статус мужа, если он был выше ее собственного сословного состояния при рождении или после заключения последующих браков [10, с. 50].

Основная масса женихов в приходе церкви Николы на Меленках происходила из крестьянской среды (61 %), более малочисленную группу формировали мещане (32 %) и лица воинского звания (6 %). Представители духовного звания и почетные граждане (каждая группа по отдельности) составляли менее одного процента в общем объеме брачных союзов. Подобное соотношение было

характерно и для браков в церкви Петра и Павла: 53 % – женихов-крестьян, 35 % – мещан, 9 % – лиц воинского звания; духовенство и почетные граждане также составляли не более 1,5 %. В Донской церкви девушки и женщины выходили замуж за крестьян в 77 % случаев, за лиц воинского звания – в 13 % случаев, женихи-мещане составили 8 %, а представители духовенства едва превысили половину процента. Представители прочих групп, например купцы или мастеровые, встречались среди женихов исключительно редко – для прихода каждого из храмов их количество едва ли превышало 1 %.

Анализ метрических книг показал, что наиболее распространенным при вступлении в брак для жительниц фабричного района стал возраст 16–20 лет, что характерно для невест, венчавшихся в Николомельницкой (64 %), Петропавловской (63 %) и Донской (59 %) церквях. В возрасте 21–25 лет вступали в брак соответственно 24, 25 и 28 % невест выше указанных церковей соответственно. Доля женщин, вступавших в брак после 26 и 30 лет, достигала 6 и 4 % в Николомельницком, 6,5 и 5 % – в Петропавловском храмах и 5,5 % – в Донской церкви.

Законодательство предписывало лицам женского пола заключать брачный союз не ранее чем в 16 лет. Более ранние браки допускались по «личному усмотрению» епархиального архиерея только в том случае, если девушка была не младше 15,5 лет [10, с. 12]. Так, в 1889 г. в Петропавловской церкви был заключен брак между крестьянками Александрой Егоровой Курылевой 15 лет и 9 месяцев и Василием Ивановым Лазаревым 19 лет [11, л. 81 об.]. Количество ранних браков в фабричном районе не превышало 2 %.

Браки в районе фабрики заключались преимущественно между супругами с небольшой разницей в возрасте – до пяти лет. Доля подобных союзов составила около 65 % в Донской и Николомельницкой церквях и 67 % – в Петропавловской. Следующая возрастная группа включала женихов и невест с разницей в возрасте 6–10 лет – 23 % в Петропавловской и Донской церквях и 24 % – в Николомельницкой. Наименьшую же группу по числу союзов сформировали пары с разницей в возрасте более 10 лет, их доля составляла 10, 11 и 12 % в Петропавловской, Николомельницкой и Донской церквях.

В целом максимальная разница в возрасте супругов обычно не превышала двадцати лет. Однако встречались союзы, где жених был старше невесты более чем на 30 лет. К примеру, в 1864 г. в церкви Николы на Меленках заключен брак мещанки Сигклитикии Александровой Шестаковой, возраста 15 лет и 9,5 месяцев, с уволенным в бессрочный отпуск унтер-офицером Сергеем Ивановым Голубчуком 49 лет, причем обе стороны вступали в первый брак [12, л. 820 об.]. Для жениха Марии Дмитриевой Паутовой (к моменту свадьбы ей было 17 лет) Константина Дмитриева Белавина (53 года), оформивших законные отношения в 1904 г., это был второй брак [13, л. 11 об.].

В брачных союзах жених обычно был старше невесты, однако на протяжении рассматриваемого периода случалось и обратное. В среднем в 15 % браков жена была старше мужа, причем наиболее распространенная разница в возрасте составляла 1–2 года.

Наивысшей, зафиксированной в выборке, оказалась разница в 13 лет: в 1869 г. в церкви Петра и Павла сочетались браком крестьянка Домника Тимофеева 33 лет и Михаил Дмитриев Юдин 20 лет; для невесты данный брак был

уже вторым [6, л. 144 об.]. В 1894 г. в Донской церкви состоялся брак между Марьей Григорьевой Михайловой 34 лет и Александром Андреевым Капустинным 26 лет; невеста выходила замуж повторно после смерти первого мужа [14, л. 193 об.]. В 1904 г. в Николомельницком храме первый брак заключили дочь дьякона Лариса Николаева Георгиевская 30 лет и крестьянин Дмитрий Алексеев Гляделов 19 лет [13, л. 17 об.]. В целом для фабричного района зависимость возраста супругов и количества заключенных ими браков не прослеживается.

Количество повторных браков среди жителей района ЯБМ едва превышало 20 % для прихожан каждой из обозначенных церквей. Причем женщины вступали в повторный союз реже мужчин: в Николомельницкой и Донской церквях соотношение мужчин и женщин, заключавших повторный брачный союз, составило 2 к 1; в церкви же Петра и Павла число невест, вновь вышедших замуж, близилось к числу повторно женившихся мужчин (59 и 41 % соответственно). Количество повторных браков для супругов не превышало 30 % от числа всех повторных браков в храмах района ЯБМ.

Из числа повторных брачных союзов третьи браки оказались достаточно редки и заключались как людьми, уже вступавшими в брак, так и теми, для кого зафиксированный в метриках союз становился первым. В 1889 г. в храме Петра и Павла был заключен брак между крестьянкой Параскевой Демьяновой Сонцевой 20 лет и мещанином Иваном Петровым Зубакиным 33 лет: невеста выходила замуж впервые, а жених вступал в брак в третий раз [15, л. 76 об.]. Также в 1889 г. в церкви Николы на Меленках заключила брак крестьянская пара Домна Максимовна Мошошина и Андрей Федоров Кривов, оба супруга на момент вступления в брак достигли возраста 50 лет; каждый из них вступал в третий брак [16, л. 42 об.].

Отечественное законодательство не предусматривало расторжения брака по желанию одного или обоих супругов. Допустимой причиной развода становились прелюбодеяние, «неспособность к брачному сожитию», лишение прав состояния в результате осуждения за совершенные преступления, а также в случае, если один из супругов пропадал без вести [10, с. 36.]. Для района ЯБМ число разводов оказалось крайне незначительным. В рассматриваемый период в источниках по Донской церкви зафиксировано около 1 % разводов из числа учтенных браков, заключенных во второй половине XIX – начале XX столетия, но все подобные союзы расторгались уже за пределами рассматриваемого периода – после 1917 г. [17, л. 72 об.–73; 372 об.–373].

В 1884 г. в церкви Петр и Павла зафиксирован повторный брак крестьянки Параскевы Исаковой Кузнецовой 28 лет, первый союз которой был прекращен Духовной консисторией. Однако причина развода обозначена не была [18, л. 239 об.]. В целом в рамках выборки по Петропавловской церкви количество разводов приближалось к 3 % от числа заключенных браков.

Подобный объем разводов (4 %) оказался характерен и для прихода Николомельницкого храма, причем основная масса разводов также приходилась на послереволюционный период. Исключением стал брачный союз Клавдии и Александра Шабровых, продлившийся около двух лет и расторгнутый в декабре 1906 г. по причине неверности первой. Бракоразводный процесс осуществлялся не менее полугода. После развода супругам было разрешено повторно вступать в брак, однако разведенная женщина могла повторно выйти

замуж лишь после выполнения церковной епитимьи, как средства наказания и исправления за совершенное ею деяние [13, л. 8 об.].

Таким образом, изученные материалы позволяют сформировать коллективный портрет типичной семейной жительницы фабричного района – это женщина-крестьянка, реже – мещанка, рано вступавшая в брак (до 20 лет включительно) преимущественно с представителем своего же сословия, причем муж обычно был старше жены не более чем на пять лет. Типичная жительница района Ярославской Большой мануфактуры нечасто вступала в повторные браки. Причины же редких бракоразводных процессов и в том числе степень виновности женщины в разводе в основной массе остаются неизвестными, что открывает широкие возможности для дальнейшего изучения темы.

Ссылки

1. Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Мельникова И. Г. Семейная жизнь губернского чиновничества в первой четверти XIX в.: общее и особенное // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 2 (71). С. 3–9.
2. Фот А. Г. Женщина духовного сословия в пореформенную эпоху (по данным метрических книг и клировых ведомостей церквей города Оренбурга второй половины XIX века) // *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)*. Материалы международной научной конференции 14-16 марта 2019 г. / под общ. ред. проф. В. А. Веременко. Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2019. С. 320–325.
3. Бурлуцкая Е. В., Клементьева Н. В. Брачное поведение оренбургских мещанок по данным метрических книг вознесенской церкви г. Оренбурга (1851–1861 гг.) // *Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности: материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности, Оренбург, 12 декабря 2018 г.* Оренбург: Университет, 2018. С. 23–33.
4. Спичак А. В. Причины разводов крестьянок в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тобольской епархии) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4 (85). С. 88–103.
5. Owens M. Divorce and Family Life in Nineteenth-Century Vanderburgh County // *Grand Valley Journal of History*. 2019. Vol. 7. Iss. 1. Article 4. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/gvjh/vol7/iss1/4>
6. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 10. Д. 64.
7. *Ярославская Большая мануфактура: Ярославль, Россия. М.: Типография Торгово-промышленного Товарищества Т. И. Гаген, 1900. 114 с.*
8. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. История и современность. Ярославль: Рутман А., 2008. 679 с.
9. Балужева Н. Н. *Ярославская Большая мануфактура: страницы истории комбината «Красный Перекоп», 1722–2002.* Ярославль: Ньюанс, 2002. 269 с.
10. Канторович Я. А. *Законы о женщинах: сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола.* СПб.: Я. А. Канторович, 1899. 272 с.
11. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 10. Д. 194.
12. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 8. Д. 260.
13. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 457.
14. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 355А.
15. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 348.
16. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 351.
17. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 406А.
18. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 10. Д. 28.

The Practice of Dedicating Churches by Tsar Ivan the Terrible During the Livonian War

A. G. Melnik¹

¹State Museum-Reserve «Rostov Kremlin», Kremlin, 1, Rostov, Yaroslavl Region, 152153, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-224-231

Research article
Full text in Russian

The article analyzes for the first time the practice of dedicating churches by Tsar Ivan the Terrible. Churches that he ordered to be built in the conquered cities of Livonia in 1577. This practice characterizes some features of the Tsar's religiosity. In most cases, when choosing such dedications, he was guided by the church calendar, but he did it arbitrarily, following his personal preferences. These preferences were expressed in the fact that the tsar dedicated a significant part of the churches to the Mother of God and Russian saints.

Keywords: 16th century; Ivan the Terrible; church dedications; war; religiosity; veneration of saints

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Melnik, Alexander G. | E-mail: agmelnik1952@gmail.com
| Cand. Sc. (History), Department Head

Практика посвящений храмов царем Иваном Грозным во время Ливонской войны

А. Г. Мельник¹

¹Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Кремль, 1, Ростов,
Ярославская обл., 152153, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-224-231
УДК 94(47).043

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье впервые проанализирована практика посвящений церквей царем Иваном Грозным – церквей, которые он приказывал строить в завоеванных городах Ливонии в 1577 г. Данная практика характеризует некоторые черты религиозности царя. В большинстве случаев он при выборе таких посвящений ориентировался на церковный календарь, но делал это произвольно, следуя своим личным предпочтениям. Эти предпочтения выразились в том, что значительную часть церквей царь посвятил Богородице и русским святым.

Ключевые слова: XVI век; Иван Грозный; посвящения церквей; война; религиозность; почитание святых

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельник, Александр Гаврилович | E-mail: agmelnik1952@gmail.com
Кандидат исторических наук, заведующий отделом

По заказу царя Ивана Грозного было сооружено множество церквей, в чем проявилась одна из характерных черт его религиозности. Какими мотивами руководствовался государь при выборе посвящений указанных церквей? Особый интерес представляют сведения о посвящениях храмов, которые царь приказывал строить во время Ливонской войны в только что захваченных городах Ливонии. Некоторые из этих церквей ранее уже привлекали к себе внимание [1], но они не рассматривались под тем углом зрения, который предложен в настоящей работе. Интересующие нас сведения, а также данные о времени завоевания соответствующих городов содержатся в разрядных книгах. Сопоставление тех и других свидетельств дает возможность приблизиться к пониманию указанных мотивов и религиозных устремлений царя Ивана IV.

Некоторые из упомянутых церквей имели приделы, и в ходе исследования будет учитываться соотношение посвящений главных и второстепенных, то есть придельных, престолов. Логично полагать, что главный престол церкви посвящался более значимому для заказчика святому или празднику, а престол соответствующего придела – менее значимому.

© Мельник А. Г., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Рассматриваемые разрядные книги зафиксировали посвящения тринадцати главных и семи придельных церквей, то есть в общей сложности двадцати храмов. Это достаточно представительное количество позволяет сделать, как увидим ниже, некоторые обобщения.

Поскольку все содержащиеся в разрядных книгах приказы царя о создании и посвящениях церквей относятся к 1577 г., ниже в качестве дат будут приводиться только числа месяцев и месяцы этого года.

В тех же книгах ливонские города фигурируют под русскими названиями, заметно отличавшимися от европейских. Соответствующие европейские названия извлечены из работы Н. В. Смирнова [2]. Все даты церковных праздников, упомянутые в работе, были проверены по авторитетному изданию «Полный месяцеслов Востока» архиепископа Сергия [3].

Сначала обратимся к рассмотрению всех известных данных о посвящениях интересующих нас церквей.

13 июля Иван Грозный со своими войсками выступил против Ливонии: «А пошел государь царь и великий князь из Пскова в Немецкую землю июля в 13 день со всеми полки...» [4, с. 482].

«И перво пришел государь в Немецкую землю к городу ку Влеху июля в 16 день» [4, с. 482]. Влех (Мариенгаузен) в тот же день сдался. «А церковь велел государь во Влехе поставить святого пророка Ильи, а в приделе святые мученицы Марины да святых мученик Окинфа и Емельяна, иже во Матриде» [4, с. 490]. Память мученицы Марины праздновалась 17 июля, Окинфа (Иакинфа) и Емельяна (Емилиана) – 18 июля, пророка Илии – 20 июля.

Выбирая указанные посвящения престолов, царь ориентировался на ближайшие по времени после дня захвата города будущие церковные праздники. Он ориентировался на церковный календарь или месяцеслов и главный престол решил посвятить наиболее значимому из всех перечисленных святых – Илии пророку, хотя этот праздник дальше всего по времени отстоял от дня взятия города. Так проявилось иерархическое мышление царя. Посвящение данных престолов должны были напоминать о победе царя и прославлять ее. Соответственно и сам храм с приделом призван был быть памятником этой победы.

25 июля был взят город «Лужа» (Луцен). «А в городе указал государь поставить храм святых стратотерпец Бориса и Глеба да в пределе Успение святая Анны, матери святая Богородицы» [4, с. 505]. Праздник святых Бориса и Глеба приходился на 24 июля, а Успение Анны – на 25 июля. В данном случае главный престол царь посвятил святым, память которых праздновалась накануне захвата города, а престол придела – празднику, пришедшему на день этого захвата. Значит, Борис и Глеб значили для государя больше, чем св. Анна. В то время как эта святая в иерархическом отношении стояла выше названных стратотерпцев. Здесь мы видим, что при выборе посвящения церквей царь вновь ориентировался на церковный календарь. Характерно, что престол Успения Анны был единственным из всех рассмотренных

в данной работе, храмовый праздник которого по времени точно соответствовал дню завоевания города.

26 июля государь со своими войсками пошел к городу «Резице» (Резитен) [4, с. 506]. 27 июля город сдался царю. «А в городе Резице велел государь поставить церковь Николы Чюдотворца...» [4, с. 508]. Ближайшее по времени празднование памяти этого святителя совершалось 29 июля – Рождество Николы Чудотворца. В тот же день 1555 г. царь присутствовал на освящении церкви во имя «Николы Вятцкого» на Красной площади в Москве [5, с. 255]. Вполне очевидно, что царь пожелал посвятить храм самому почитаемому на Руси святому Николе Чудотворцу, с которым по своей значимости не могли сравниться другие святые, память которых праздновалась около 27 июля.

Около 6 августа был завоеван город «Круцборх» (Крейцбург). «И государь приказал тот город устроить, и велел государь в городе поставить церковь Происхождение честнаго Креста...» [4, с. 525]. Этот праздник приходился на 1 августа. В каждый из дней, прошедших между 1 и 6 августа, праздновались памяти различных общехристианских святых. Более того, именно 6 августа отмечался очень значительный праздник Преображения Господня. Однако ни одному из этих праздников царь не посвятил упомянутую церковь, а избрал для этого праздник, отстоящий от памятного события на 5–6 дней.

20 августа был взят город «Чествин» (Зессвеген). И царь приказал: «Поставить в городе храм Стретение пресвятыя Богородицы Владимирские Одигитрея, а предел чюдотворца Сергия, а другой предел Всеволод» [4, с. 527]. Очевидно, в последнем случае имелся в виду святой князь Всеволод-Гавриил Псковский. Сретение иконы Богородицы Владимирской праздновалось 26 августа. Праздники св. Сергия Радонежского приходились на 5 июля, 25 сентября, а св. Всеволода Гавриила – на 11 февраля, 27 ноября.

На каждый день между 20 и 26 августа приходились различные праздники, и в том числе такие важные, как отдание праздника Успения Богородицы и перенесение мощей Петра митрополита – самого почитаемого московского святого. Однако царь посвятил главный престол Сретению иконы Богородицы Владимирской. Конечно, этот праздник относительно недалеко отстоял от 20 августа и, значит, его выбор частично был обусловлен церковным календарем. Но надо иметь в виду, что этот праздник имеет русское происхождение и посвящен самой почитаемой иконе Москвы, находившейся в кремлевском Успенском соборе, у которой, конечно, неоднократно молился сам Иван Грозный [5, с. 162, 180; 6, с. 346]. Так что на данный выбор царя повлиял и церковный календарь, и его особое личное отношение к иконе Богоматери Владимирской.

Посвящения же престолов обоих приделов явно никак не были связаны с упомянутым календарем. Значит, их выбор был обусловлен личной особой приверженностью Ивана Грозного к культам святых Сергия и Всеволода. Следует напомнить, что перед военным походом 1577 г. Иван Грозный молился в Пскове у гробницы св. Всеволода-Гавриила [7, с. 536]. Значит, царь считал его своим небесным покровителем в данной войне. Что же касается

преп. Сергия, то о его исключительном почитании Иваном Грозным хорошо известно.

22 августа был взят город «Борзун» (Берсон). «И государь приказал кого в Борзуне оставить и как быть всякому строению. И тому роспись: Поставить в городе храм Петра чудотворца...» [4, с. 531]. 24 августа праздновалось перенесение мощей Петра митрополита. Казалось бы, решение царя было обусловлено только близостью по времени этого праздника к указанной военной победе. Но 22, 23, 24 августа праздновалась память более значимых, чем Петр митрополит, общехристианских святых, и в первую очередь – нескольких мучеников. Значит, Иван Грозный в данном случае не просто следовал церковному календарю, а хотел возвеличить самого почитаемого тогда московского святого Петра митрополита.

25 августа сдался город «Куконос» (Кокенгаузен). И «государь царь и великий князь и сын ево царевич князь Иван Иванович приговорили з бояры быть в городе строению: поставить в среднем городе на площади храм Успение пресвятыя Богородицы» [4, с. 542]. Если верить этому свидетельству, то в данном случае решение о посвящении храма было принято царем совместно с царевичем Иваном и одобрено боярами.

Некая причастность бояр к выбору царем посвящений церковей отмечена в привлеченных разрядных книгах, как увидим ниже, еще только один раз – под 6 сентября 1577 г. В прочих же случаях эти книги подобные решения подают как приказы одного Ивана Грозного.

Праздник Успение Богородицы приходился на 15 августа и относится к типу великих, а отдание этого праздника – на 23 августа. И 25 августа, и в ближайшие предшествовавшие и следовавшие дни этого месяца праздновались памяти многих значимых общехристианских святых, но царь явно желал посвятить храм именно Успению Богородицы. Вполне очевидно, что данный выбор был обусловлен необыкновенно высоким статусом этого праздника в православии вообще и в Москве в частности, поскольку главным храмом столицы и России в целом был кремлевский Успенский собор.

28 августа сдался город «Ерль» (Эрль). «А указал государь в городе строению быть: поставить храм Положение честнаго пояса пречистые Богородицы да в пределе Александра Свирского чудотворца» [4, с. 547]. Память Александра Свирского праздновалась 30 августа, Положение пояса Богородицы – 31 августа. В отношении посвящения главного престола мотивы царя вполне понятны: он явно хотел посвятить его Богородице, и близость по времени указанного праздника давала повод так поступить. Но перед и вскоре после 28 августа праздновались памяти ряда важных общехристианских святых, и в том числе (29 августа) – Усекновение главы Иоанна Предтечи, святого, в честь которого царь был наречен. Но государь в данном случае предпочел им всем русского святого Александра Свирского. Выходит, Иван IV был особо привержен тогда к культу этого преподобного. Это подтверждает следующее. В 1559 г. один из приделов московского собора Покрова на Рву был посвящен Александру Свирскому [6, с. 320]. Заказчиком собора являлся царь

Иван Васильевич [5, с. 254–255], и, значит, именно он определил посвящение данного придела, из чего следует, что преп. Александр относился к числу святых, наиболее почитаемых государем.

29 августа взят город «Леневард» (Ленневарден). «И указал государь в нем строенью быть – поставити храм Спасов Нерукотворенного образа...» [4, с. 548; 8, с. 86]. Этот праздник отмечался 16 августа, то есть задолго до покорения Леневарда. И до, и после 29 августа праздновались памяти многих святых и священных событий. Именно на 29 августа приходился великий праздник Усекновения Иоанна Предтечи – патронального святого самого государя. Но все эти праздники не подвигли последнего посвятить им церковь. Возможно, указанный выбор был обусловлен тем, что на боевом знамени царя, как известно, имелось изображение Спаса Нерукотворного [5, с. 203]. Тем не менее выбор рассматриваемого посвящения имел, видимо, некоторую связь с церковным календарем.

1 сентября захвачен город «Володимирец». «И указал государь в нем строенью быти и поставити в городе храм Успенья пречистые Богородицы да предел чудотворца Сергия...» [9, с. 7]. Успение Богородицы празднуется 15 августа, а его отдание – 23 августа. Ближайшее по времени празднование памяти Сергия Радонежского относилось к 25 сентября. Выше уже говорилось о необыкновенно большом значении праздника Успения Богородицы для православия, России того времени и самого Ивана Грозного. Потому-то, надо полагать, этому празднику и был посвящен еще один храм на завоеванных землях. Праздник же преп. Сергия настолько далеко отстоял по времени от 1 сентября, что выбор посвящения упомянутого придельного храма явно был обусловлен особой приверженностью царя к культу этого святого.

6 сентября покорен город «Кесь» (Венден). «И по государеву приказу приговорили бояре в городе в Кеси строенью быти: поставити в городе храм Рождество Пречистые Богородицы» [8, с. 89]. Этот праздник приходился на 8 сентября и относится к типу великих, что, конечно, и определило выбор посвящения церкви государем. Между прочим, 6 сентября праздновалось Чудо архангела Михаила в Хонех. А архангел Михаил воспринимался тогда как предводитель небесного воинства. И кому, как не ему, казалось бы, следовало посвящать храм в завоеванном городе. Но царь решил иначе. В этом вновь проявились его личные предпочтения.

8 сентября взят город «Ровной» (Роннебург). «И указал государь в городе строенью быти: поставити в городе храм во имя Воздвижения Честнаго Креста...» [8, с. 96; 9, с. 14]. Этот праздник приходился на 14 сентября. 8 сентября праздновалось Рождество Богоматери, в следующие дни до 14 сентября – памяти многих общехристианских святых. Но, конечно, праздник Воздвижения превосходил по своей значимости эти предшествовавшие праздники, если не считать Рождества Богоматери.

10 сентября сдался город «Трекат» (Трикатен). «И указал государь в городе строенью быти: поставити во городе храм Воскресение Христово да предел Ондрея Стратилата...» [8, с. 93]. Воскресение Христово, или Пасха, празд-

нуется весной и является важнейшим праздником православия, память Андрея Стратилата – 19 августа. Как видим, выбор этих посвящений никак не был связан с церковным календарем и, значит, соответствовал только личным предпочтениям царя.

Из всего вышесказанного следует вполне очевидный вывод: по мнению царя, одно из первых дел, которое необходимо осуществить от лица правителя Московского государства в завоеванном иноверном городе, состояло в строительстве православного храма. В целом же разрядные книги характеризуют Ивана Грозного как активного проводника православия.

Каким же образом выбор посвящений всех рассматриваемых храмов соотносился с церковным календарем? Только в одном случае праздник, которому посвящался храм, пришелся на день покорения соответствующего города. В девяти случаях такие праздники должны были праздноваться на следующий день или через некоторое количество дней после завоевания городов. В пяти случаях праздники состоялись за несколько или даже большее количество дней до захвата городов. И в пяти случаях посвящения церквей, вероятно, никак не были увязаны с церковным календарем.

Таким образом, в большинстве случаев царь при выборе посвящений церквей в той или иной степени ориентировался на церковный календарь, но чаще всего делал это весьма произвольно. Значит, в этих случаях Иван Грозный исходил не из некоего неписаного правила, а из личных предпочтений.

Каковы же были приоритеты царя в отношении посвящений церквей? Два престола он посвятил Иисусу Христу, два престола – Происхождению и Воздвижению креста Господня, шесть престолов – Богородице, четыре престола – общехристианским святым и шесть престолов – русским угодникам Божиим. Как видим, чаще всего царь посвящал храмы Богородице и русским святым, причем из этих шести престолов два были посвящены преп. Сергию Радонежскому. Значит, Иван Грозный особо почитал Богородицу и отечественных подвижников благочестия, выступая в роли активного проводника культов данных святых.

Бытует мнение, что церкви, строившиеся по заказу Ивана IV в память его военных побед, получали посвящения в честь тех праздников, которые приходились на дни этих побед [10, с. 68]. Данное мнение восходит к летописному известию об освящении приделов собора Покрова на Рву в Москве, «которые ставлены на возвещение чудесь Божиихъ о Казанскомъ взятъе, въ которые дни Божия помочь и победа была православному царю надъ бусурманы...» [6, с. 320].

Из двадцати посвящений церквей в Ливонии только одно точно согласовывалось с днем покорения соответствующего города. Праздники, которым посвящались остальные девятнадцать храмов, обычно отстояли от дня захвата городов, в которых их полагалось построить, на некоторое количество дней. На эти дни приходились разные праздники, и государь

выбирал из них тот, который его устраивал. Причем данный праздник мог совершаться как до, так и после упомянутого победного дня. Посвящения пяти храмов вообще никак не соотносились с ближайшими к дню покорения соответствующих городов праздниками церковного календаря. Таким образом, царь в своей практике посвящений церковей позволял себе большую свободу выбора. Следовательно, пример с посвящениями престолов собора Покрова на Рву нельзя распространять на всю практику посвящений церковей Иваном Грозным.

Русские святые, в честь которых царь приказывал создавать храмы в Ливонии, принадлежали, в основном, к числу самых популярных в то время отечественных подвижников благочестия. Таковы Борис и Глеб, Сергей Радонежский, Петр митрополит и Александр Свирский [11, с. 83–84; 12, с. 153–158]. Ясно, что их особо почитал и сам государь, чем и был обусловлен выбор этих посвящений. Только Всеволода-Гавриила нельзя причислить к особо популярным тогда святым. Но перед военным походом 1577 г. Иван Грозный молился в Пскове у гробницы подвижника благочестия. Царь считал его одним из своих небесных покровителей в Ливонской войне.

Ссылки

1. Селин А. А. Московское церковное строительство в Ливонии в XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы научного семинара за 2000 г. / Ин-тут археологии РАН; Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Псков, 2001. С. 242–247.
2. Смирнов Н. В. Ливонская война и города Ливонии // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.: сборник научных статей. М.: Квадрига, 2010. С. 454–481.
3. Сергей, архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир.: типо-лит. В. А. Паркова, 1901. Т. 2. 318, 700, II с.
4. Разрядная книга 1475–1605 / сост. Н. Г. Савич, под. ред. В. И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР, 1982. Т. 2, ч. 3. 440 с.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1904. Т. 13, половина 1: VIII. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. V, 302 с.
6. ПСРЛ. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1906. Т. 13, половина 2. VIII, 240 с.
7. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. Т. 13. С. 534–607.
8. Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 годах // Военный журнал. 1853. № 6. С. 94–110.
9. Разрядная книга 1575–1605 / сост. Л. Ф. Кузьмина, отв. ред. В. И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1984. Т. 3, ч. 1. 232 с.
10. Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М.: Искусство, 1980. 242 с, ил.
11. Мельник А. Г. Самые популярные русские святые в XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3(45). С. 83–84.
12. Мельник А. Г. Распространение почитания св. Александра Свирского в России XVI – начала XVII в. // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Т. 3. С. 153–158.

The Outpost of Christianity: the functions of an external threat in the Holy Roman Empire during the reign of Leopold I (1658–1705)

S. S. Shelyshey¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-232-239

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the formation of the image of the Holy Roman Empire in the imperial journalism of the late 17th – early 18th centuries. The successes in the struggle against Turkey restored the position of the Empire on the European proscenium and allowed Emperor Leopold I to compete with Louis XIV for the role of European hegemon. The claims of Leopold I were reflected in imperial journalism. Influenced by the Austro-Turkish wars and the wars of Louis XIV, German publicists rethought the idea of a "universal monarchy", on which the Empire's claims to European leadership were traditionally based, and resurrected the classic image of the Empire as a defender of the Christian world. This image was based on the opposition of the Empire to two enemies: the Ottoman Empire, the traditional enemy of Christians, and the France of Louis XIV, which German publicists presented as a traitor to Christian values and a violator of the European order.

Keywords: Germany; empire; Leopold I; Louis XIV; journalism; image

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Shelyshey, Sofya S. | E-mail: sofya.shelyshey@gmail.com
| Postgraduate

Форпост христианского мира: функции внешней угрозы в Священной Римской империи в период правления Леопольда I (1658–1705)

С. С. Шельшей¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-232-239
УДК 94(430).044

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена формированию образа Священной Римской империи германской нации в имперской публицистике конца XVII – начала XVIII вв. Успехи в борьбе против Турции восстановили позиции Империи на европейской авансцене и позволили императору Леопольду I соперничать с Людовиком XIV за роль европейского гегемона. Притязания Леопольда I нашли отражение в имперской публицистике. Под влиянием австро-турецких войн и войн Людовика XIV немецкие публицисты переосмыслили идею «универсальной монархии», на которой традиционно основывались претензии Империи на европейское лидерство, и воскресили классический образ Империи как защитника христианского мира. В основе этого образа лежало противостояние Империи двум врагам: Османской империи, традиционному врагу христиан, и Франции Людовика XIV, которую немецкие публицисты представили предателем христианских ценностей и нарушителем европейского порядка.

Ключевые слова: Германия; империя; Леопольд I; Людовик XIV; публицистика; образ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шельшей, Софья Сергеевна | E-mail: sofya.shelyshey@gmail.com
Аспирант

С момента своего образования Священная Римская империя германской нации претендовала на универсальное начало, основываясь на идее «универсальной монархии». Окончательно оформившееся в Средние века это понятие подразумевало объединение европейских стран в единое государство, некое подобие царства Божия на земле [1, S. 19–34]. Основной функцией универсальной монархии была защита религии и благоденствия христианского мира. Опираясь на преемственность Римской империи и Франкской империи Карла Великого, Священная Римская Империя пыталась стать таким универсальным государственным образованием, объединяющим весь европейский христианский мир. Император Священной Римской империи

© Шельшей С. С., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

позиционировал себя как главу над европейскими государствами и как защитника и покровителя христианской церкви. Тем самым Империя занимала как бы центральное положение среди западноевропейских государств, по сути отождествляя собой всю цивилизованную Европу.

Эти представления о роли и функциях Империи постоянно трансформировались под влиянием определенного социального контекста, внешних и внутренних факторов. В позднее Средневековье и раннее Новое время универсалистские стремления Империи были подорваны укреплением королевской власти и ростом абсолютистских тенденций в западноевропейских государствах [2–4]. Империя была уникальным государственным образованием, она представляла собой надгосударственный союз различных территориально-государственных образований, объединенных властью императора [5–6]. Соотношение сил между центральной императорской властью и ограничивающими ее имперскими сословиями принципиально изменилось по итогам Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Вестфальский договор 1648 г. закрепил внешнюю и внутреннюю самостоятельность субъектов Империи, существенно ослабив власть императора. Тяжелые итоги долгой войны и ограничение императорской власти внутри Империи серьезно пошатнули позиции Империи на европейской арене [7, S. 180–187; 8]. Император больше не мог представляться абсолютным гегемоном на европейском континенте, а Священная Римская империя — властью «надевропейского» характера.

Перед императором Леопольдом I стояли задачи преодоления последствий Тридцатилетней войны и восстановления позиций императорской власти, в частности власти Габсбургской династии в землях Священной Римской империи германской нации [9]. Пребывавший в тени Людовика XIV, чье имя стало олицетворением всей эпохи второй половины XVII – начала XVIII вв., Леопольд I долгое время считался слабым правителем, но в последние десятилетия этот образ подвергся кардинальному пересмотру. Современная историография считает его одним из самых выдающихся императоров, при котором возродилась имперская идея и благодаря которому Империя восстановилась после Вестфальского мира и существовала еще целое столетие [10, с. 206]. Будучи достаточно сильным правителем, Леопольд I мог соперничать с Францией Людовика XIV, превратившейся по итогам Тридцатилетней войны в нового лидера европейской системы международных отношений. Борьба с Францией и ее гегемонистскими стремлениями, выражавшимися в многочисленных завоевательных войнах, неизменно затрагивавших интересы Габсбургов, стала одним из основных направлений внешней и внутренней политики в период его правления.

Притязания Леопольда I на роль европейского гегемона отчетливо прослеживаются в немецкой публицистике конца XVII – начала XVIII в. Публицистические произведения касались злободневных сюжетов и охватывали широкий спектр общественных проблем. Представленная такими жанрами,

как памфлет, иллюстрированная листовка, ранняя периодика, календарь, немецкая публицистика была посвящена описанию актуальных политических событий или критике политических институтов, деятельности определенных лиц или в целом общественного строя. Для публицистики раннего Нового времени были характерны такие функции, как формирование общественного мнения, идеологическое воздействие и связь между обществом и властью. Особенно наглядно это демонстрирует имперская публицистика с характерными сюжетами прославления Империи и императора. Авторы подобных текстов зачастую происходили из среды, непосредственно зависящей от Империи и заинтересованной в ее процветании [11, S. 8]. Среди них были юристы, профессора, дипломаты, они занимались политической или экономической деятельностью, служили при дворе императора или немецких князей и могли писать как самостоятельно, так и по заказу власти. Имперская публицистика целенаправленно отражала провластные, проимперские идеи и стремилась создать образ могущественной императорской власти.

Идея универсальной монархии, традиционно служившая обоснованием претензий Империи на первенство в Европе, в эпоху Леопольда I кардинально изменила свое значение. Она начала восприниматься крайне негативно, как покушение на свободу имперских сословий и власть абсолютных монархов и как нарушение порядка, установленного Вестфальским миром. Этот пропагандистский аргумент имел исключительное значение для интерпретации и дискредитации французской агрессивной политики [1, S. 111–112; 12, S. 120], особенно в Войну за испанское наследство 1701–1714 гг., когда существовала реальная опасность объединения испанских и французских земель. Леопольд I должен был переосмыслить роль Империи на континенте, не претендуя при этом на универсальный характер своей власти.

Для решения этой задачи использовались внешнеполитические угрозы эпохи Леопольда I: войны с Османской империей и европейские войны Людовика XIV. Эти факторы не только определили развитие Империи во второй половине XVII – начале XVIII вв., но и способствовали формированию у современников особого представления о роли Империи в Европе. Они превратились в инструмент укрепления власти императора.

Главным фактором складывания образа Империи в правление Леопольда I были турецкие войны. Турки были «наследственными врагами» христианского мира [12, S. 122; 13, с. 135–137]. Утвердившийся в середине XV в. после падения Константинополя в 1453 г., этот образ не подвергался сомнению и был глубоко укоренен в европейском сознании раннего Нового времени. После перехода части венгерских земель под управление Габсбургов вследствие поражения Венгрии в битве при Мохаче в 1526 г. император был втянут в прямую конфронтацию с Турцией. Первая осада Вены 1529 г. сформировала важнейший миф о значении Империи как форпоста европейского мира на пути Османской империи [14, S. 110–113; 15–16]. Согласно императорской

пропаганде, именно Империя сдерживала турок и защищала западные державы от нашествия осман на Европу.

Вторая осада Вены 1683 г. воскресила эти представления и придала им новый импульс. Успешное отражение натиска осман в 1683 г. и переход имперской армии в контрнаступление в ходе Великой Турецкой войны 1683–1699 гг. привели к тому, что Империя вновь активно продвигала образ защитника христианского мира от турецкой угрозы. Укрепилась идея особой имперской миссии в военном противостоянии с османами. Император представлялся спасителем христианства, предводителем западноевропейских держав в борьбе против заклятого врага христианского мира [14, S. 118; 17, S. 151]. Этому образу крайне способствовал тот факт, что Великая Турецкая война имела коалиционный характер. Благодаря политике Леопольда I и в еще большей степени искусной политике папы Иннокентия XI [18, с. 247–251], в борьбу против Османской империи удалось привлечь Речь Посполитую и Венецианскую республику, и была образована Священная лига (1684 г.), к которой позднее присоединилось Русское царство. В определенной мере Священную лигу поддерживали и другие западноевропейские державы. В результате в составе имперской армии во главе с имперскими военачальниками были представители разных государств, что позволяло говорить о предводительствующей роли Империи в борьбе против турок.

Образ форпоста западноевропейского христианского мира означал фокусирование имперской политики на юго-восточных границах. Другими словами, центр влияния Империи, ее место на европейской политической арене смещалось с центрального или срединного к периферии, к границам цивилизованного мира. С другой стороны, военные успехи и представления о консолидирующей роли Империи в борьбе с турками вели и к прямо противоположному результату — к росту авторитета Священной Римской империи и возвращению утраченных позиций на европейской авансцене. Империя продемонстрировала, что достаточно сильна, чтобы вновь претендовать на лидерские позиции в Европе и соперничать с Людовиком XIV и его гегемонистскими планами.

Согласно императорской пропаганде, Империя оказалась между двух врагов — турками и французами [12, S. 127]. Чтобы это подчеркнуть, немецкими публицистами был сформирован яркий, крайне негативный образ Франции [12–14; 19–21], основанный на описаниях военных и политических преступлений французов и представлениях об их развратных и греховных нравах. Войны Людовика XIV получили особенно широкое освещение в немецкой публицистике. Рост антифранцузской риторики совпал с началом Голландской войны 1672–1678 гг. Пик пришелся на 1680–1690-е гг., однако и в следующие десятилетия вплоть до окончания Войны за испанское наследство дискредитации Франции было посвящено существенно больше произведений, чем какой-либо другой теме [20, S. 170]. Имперская публицистика объявила настоящую войну против Франции, ее сторонников и против

французских настроений, распространившихся в Империи после заключения Вестфальского мира, одним из гарантов которого являлась Франция.

Главными мотивами антифранцузской пропаганды были «неслыханная жестокость французского оружия» [22, S. 21] и «тирания французских солдат» [22, S. 25]. Одним из самых излюбленных приемов немецких публицистов было сравнение кровожадности, свирепости и бесчеловечности французов и турок [22, S. 25]. Особое значение имел сюжет «неверных христиан» [23, S. 181–182]. Имперская публицистика подвергла сомнению французскую религиозность и принадлежность французов к христианской вере. Демонстрируя «нехристианские порочные и постыдные злодеяния» [22, S. 59] и то, как «так называемые французские христиане» грабят храмы и церкви всех конфессий [22, S. 50–51] и проливают христианскую кровь [22, S. 67], немецкие публицисты доказывали, что французы забыли веру, отошли от нее. Особую роль сыграли обвинения Людовика XIV в том, что он, «христианнейший» [24, С. 128] король, состоял в дружбе с Османской империей. Основаны они были на подписанных Францией еще в 30-е гг. XVI в. «капитуляциях», дававших ей широкие привилегии в Турции. По мнению немецких публицистов, монарху, претендовавшему на звание самого христианского, следовало защищать христианский мир от турецкой напасти, а не спонсировать ее [22, S. 67].

На основании этих обвинений императорская пропаганда провозгласила Францию вторым «западным наследственным врагом» [25, S. 19; 12, S. 127–133; 13, с. 141–143; 26, S. 68] — «французским турком» [22, S. 49]. Отталкиваясь от этого образа, проимперские сочинения не просто призывали объединиться под эгидой Империи против преступной политики Франции, а рассматривали это как закономерное следствие, основывающееся на роли Империи как защитника христианского мира. Под теми же, ранее «турецкими», лозунгами Империи приписывались функции сдерживания французской агрессии, а император расценивался как естественный противник Людовика XIV, защищающий не только немецкие свободы [27, S. 92–99; 14, S. 455–463], но и существующий европейский порядок. Тем самым Империя утверждала свою роль в европейской политике как гаранта безопасности западноевропейского христианского мира, что означало попытку вернуть себе утраченные позиции европейского лидера.

После Тридцатилетней войны Империя столкнулась с необходимостью переосмыслить свою роль в Европе. Император больше не мог претендовать на универсальный и общеевропейский характер своей власти и должен был предложить новое обоснование для своих притязаний на европейское лидерство. В эпоху Леопольда I инструментом репрезентации Империи становится внешняя угроза. Успехи в борьбе с Османской империей восстановили авторитет Священной Римской империи на международной арене. После 1683 г. император Леопольд I мог вновь претендовать на роль европейского гегемона и соперничать с Людовиком XIV, что нашло отражение в имперской

публицистике. На фоне турецкой угрозы она обратилась к традиционным христианским ценностям, лежащим в основе понятия универсальной монархии, – к идее защиты христиан и христианских земель. Под влиянием войн против Османской империи и Франции Людовика XIV был сформирован образ Империи как защитника христианского мира от внешних угроз – агрессии турок и «неверных» французских христиан, изменивших своей вере.

Ссылки

1. Bosbach F. *Monarchia universalis ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. 183 S.
2. Asch R. G., Duchhardt H. Einleitung: Die Geburt des «Absolutismus» im 17. Jahrhundert: Epochenwende der europäischen Geschichte oder optische Täuschung? // Asch R. G., Duchhardt H. (Hg.). *Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700)*. Köln: Böhlau, 1996. S. 3–24.
3. Burkhardt J. *Der Dreißigjährige Krieg*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 307 S.
4. Ивонин Ю. Е. Тридцатилетняя война или переплетение конфликтов? // *Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2018. Вып. 4 (2). С. 142–157.
5. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в XVI–XVIII вв. // *Вузовская наука начала XXI века: гуманитарный вектор: Философия. История. Социология. Политология. Культурология и искусствоведение*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 77–82.
6. Ивонин Ю. Е. Старая империя (1495–1806) — «Комплементарное имперское государство» или догосударственная имперская система? (по поводу книги Г. Шмидта) // *Лістападаўскія сустрэчы. 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў*. Мн.: БДУ, 2005. С. 122–130.
7. Kampmann Ch. *Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts*. 2. Aufl., Stuttgart: Kohlhammer, 2013. 226 S.
8. Лазарева А. В. Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны: автореф ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.
9. Кампманн К. Леопольд I: имперская политика, династические цели и испанское наследство // *Исторические Исследования*. 2017. № 7. С. 69–89. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/121> (дата обращения: 03.10.2021).
10. Шиндлинг А. Леопольд I (1658–170) // Шиндлинг А., Циглер В. *Кайзеры: Священная Римская империя, Австрия, Германия*. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. С. 204–224.
11. Stolleis M. *Reichspublizistik und Reichspatriotismus vom 16. zum 18. Jahrhundert* // Birtsch G. (Hg.). *Patriotismus*. Hamburg: Meiner, 1991. S. 7–23.
12. Bosbach F. *Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV.* // Bosbach F. (Hg.). *Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit*. Köln, 1992. S. 117–139.

13. Шельшей С. С. Образ наследственного врага в немецкой публицистике раннего Нового времени // Средние века. 2021. Т. 82, № 3. С. 131–153.
14. Wrede M. Das Reich und seine Feinde. Politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg. Mainz: von Zabern, 2004. 669 S.
15. Varga J. Europa und „Die Vormauer des Christentums“: Die Entwicklungsgeschichte eines geflügelten Wortes // Guthmüller B., Kühlmann W. (Hg.). Europa und die Türken in der Renaissance. Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 2012. S. 55–64.
16. Barbarics-Hermanik Zs. Reale oder gemachte Angst? Türkengefahr und Türkenpropaganda im 16. und 17. Jahrhundert // Heppner H., Barbarics-Hermanik Zs. (Hg.). Türkenangst und Festungsbau. Realität und Mythos. Frankfurt am Main: Lang, 2009. S. 43–75.
17. Wrede M. Türkenkrieger, Türkensieger. Leopold I. und Ludwig XIV. als Retter und Ritter der Christenheit // Kampmann Ch., Krause K., Krems E.-B., Tischer A. (Hg.). Bourbon, Habsburg, Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700. Köln: Böhlau, 2008. S. 149–165.
18. Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. Ч. 2. С. 238–294.
19. Schillinger J. Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. Bern: Lang, 1999. 720 p.
20. Schillinger J. Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des XVII. Jahrhunderts // Harms W. (Hg.). Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. Basel: Schwabe, 2002. S. 169–187.
21. Лазарева А. В. Борьба немецких интеллектуалов против французского влияния (1635–1648) // Французский ежегодник. 2018. С. 60–77.
22. Anonym [M.S.Z.]. Frantzösischer Soldaten-Teufel, Beschrieben und Auff den Schauplatz Teutschlandes auffgeführt und vorgestellt Von M. S. Z. Einen alten Teutschen auffrichtigen Patrioten. 1676. 79 [i.e. 70] S.
23. Noflatscher H. Stereotype und Fremdbilder im politischen Verhalten Maximilians I. // Helmraath J., Kocher U., Sieber A. (Hg.). Maximilians Welt: Kaiser Maximilian I. im Spannungsfeld zwischen Innovation und Tradition. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. S. 159–190.
24. Пименова Л. А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М.: Зерцало-М; Вече, 2005. С. 125–158.
25. Kurtzer Entwurff der Rechtmässigen Waffen und Glücklichen Thaten des Durchlächtigsten Chur-Fürsten von Brandenburg Bey den bißherigen Europäischen Verwirrungen. 1678. 44 S.
26. Wrede M. Der Kontinent der Erbfeinde: deutsche und europäische Feindbilder der Frühen Neuzeit zwischen Säkularisierung und Sakralität // Dingel I., Schnettger M. (Hg.). Auf dem Weg nach Europa: Deutungen, Visionen, Wirklichkeiten. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 55–78.
27. Schmidt G. Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit, 1495–1806. München: Verlag C. H. Beck, 1999. 459 S..

The French communists on the results of the Munich conference of 1938

N. N. Shaldin¹

¹Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-240-245

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the reaction of the leading figures of the French Communist Party (PCF) to the results of the Munich Conference of 1938. The Communists became one of the few forces that unequivocally condemned the transfer of the Sudetenland to Germany. Their opponents very often blamed them for trying to ignite a large-scale European conflict, which was, however, far from the truth. The leaders of the PCF had their own clear vision of how the French government should have acted during the events of September 1938. Only by the combined forces of democratic countries, by their resolute resistance to the aggressor, a new European war could be prevented. The author examines what impact, according to the communists, the results of the conference had on the domestic and foreign policy of France. Particular attention the author pays to the actions the leaders of the Communist Party considered necessary to resolve the Czechoslovak crisis.

Keywords: Munich conference; the Czechoslovak crisis; French Communist Party; «appeasement» policy; Peri

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Shaldin, Nikolai N. | E-mail: shaldinnick@gmail.com
| Postgraduate

Французские коммунисты об итогах Мюнхенской конференции 1938 г.

Н. Н. Шалдин¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-240-245
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена реакции ведущих деятелей французской компартии (ФКП) на итоги Мюнхенской конференции 1938 г. Коммунисты стали одной из тех немногих сил, которые однозначно осудили передачу Судет Германии. Их оппоненты на правом политическом фланге очень часто винили их в стремлении разжечь крупномасштабный европейский конфликт, что было далеким от правды. Деятели ФКП обладали своим четким видением того, как должно было действовать французское правительство на протяжении событий сентября 1938 г. Только объединенными силами демократических стран, их решительным отпором агрессору можно было предотвратить новую европейскую войну. Автор рассматривает, какое влияние, по мнению коммунистов, результаты конференции оказали на внутри- и внешнеполитическую жизнь Франции. Показано, какие действия лидеры ФКП считали необходимыми для разрешения чехословацкого кризиса.

Ключевые слова: Мюнхенская конференция; чехословацкий кризис; Французская коммунистическая партия; политика «умиротворения»; Пери

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шалдин, Николай Николаевич | E-mail: shaldinnick@gmail.com
Аспирант

В апреле 1938 г. берет свое начало чехословацкий кризис. Именно тогда Судето-немецкая партия К. Генлейна потребовала от пражского правительства автономии, а уже летом – независимости Судетской области, где компактно проживало 3 млн немцев. Одновременно с этим Гитлер заявил о готовности любыми средствами поддержать немецкое население Судет. Попытки урегулировать нараставший конфликт путем компромисса между пражским правительством и сторонниками Генлейна оказались безуспешными. 15 сентября 68-летний премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен впервые в своей жизни сел на борт самолета, чтобы отправиться на мирные переговоры с Гитлером в его резиденцию Берхтесгаден, запустив тем самым череду дипломатических встреч между немец-

© Шалдин Н. Н., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

кими, английскими и французскими представителями, завершившихся, как и сам кризис, Мюнхенской конференцией 30 сентября 1938 г. Четыре ее участника – Франция, Англия, Германия и Италия – подписали соглашение, согласно которому пражское правительство обязывалось передать Третьему Рейху Судетскую область, а Германия, в свою очередь, обещала гарантировать «сохранность» оставшейся «урезанной» территории Чехословакии. Тем самым Третья республика, несмотря на свои союзнические обязательства перед чехами по договору 1924 г., не пришла им на помощь, столкнувшись с вероятностью возникновения новой войны в Европе.

С 1938 г. во Франции был сформирован и находился у власти кабинет радикала Э. Даладье, последнее правительство Народного фронта – избирательного блока социалистов, радикалов и коммунистов, одержавшего победу на парламентских выборах 1936 г. К осени 1938 г. между ФКП, с одной стороны, и радикалами и СФИО – с другой, существовали серьезные противоречия. Решения Мюнхенской конференции вызвали резкую критику компартии. Ее позиция была широко представлена на страницах ежедневной газеты «Юманите», тираж которой превышал 300 тыс. экземпляров. За ведение иностранного отдела издания отвечал Г. Пери, состоявший в рядах компартии с момента ее основания, а с 1924 г. входивший в состав ее ЦК. В 1932 г. и в 1936 г. он избирался в Палату депутатов, но не прекратил журналистской деятельности. Он занял пост вице-президента парламентской комиссии по вопросам внешней политики и являлся одним из главных рупоров партии по внешнеполитическим проблемам – как на страницах «Юманите», так и в ходе парламентских выступлений.

Итоги Мюнхенского соглашения коммунисты оценили как «однозначно провальные». «В ночь с 29 по 30 сентября Пакт четырех принес в жертву дружественный Франции народ, храбрый, демократический, выступающий за мир, который гитлеризм решил уничтожить» [3], – заявил один из лидеров ФКП и сенатор М. Кашен. Компартия не увидела в договоренностях 30 сентября никаких гарантий предотвращения потенциальной европейской войны, обвинив правительство радикала Даладье в капитуляции перед немецкими требованиями: «Мы не аплодируем, ибо видим, что сохранять мир становится всё труднее с каждым разом, как слабеет безопасность Франции, видим, что Мюнхенское соглашение – дипломатический Седан» [3]. Коммунисты обвиняли Даладье и Чемберлена в том, что те не добились чехословацкого участия в конференции, посвященной судьбе Судет: «Конечно же, Чемберлен и Даладье намеревались пригласить правительство Праги. Хорошее намерение. Но результат? Чехословацкие министры остались в прихожей» [2].

Подобная позиция весьма разительно отличалась от многих провластных изданий, считавших, что после конференции «любая непосредственная угроза войны в Центральной Европе устранена, и ужасный кошмар, который существовал в течение многих дней и ночей в жизни каждого

человека, подходит к концу» [4]. По мнению Пери, у глав Англии и Франции был только один способ сохранить мир, которым, впрочем, они не воспользовались, – «твердо придерживаться линии сопротивления... сказать, наконец, “нет” [требованиям Гитлера. – *Н. Ш.*]. Явное сожаление у коммунистов вызывало то, что Третья республика, которая на тот момент серьезно отставала в военной авиации от Германии [10–11], после подписания Мюнхенского соглашения теряла поддержку чешских военно-воздушных сил в случае потенциальной войны: «Чехословакия обладала сильной авиацией. И эта авиация была в распоряжении Франции. В ее распоряжении был аэродром в центре Европы, откуда можно было достигнуть жизненно важных центров Германии и который одним только своим существованием затруднял возможность немецкой агрессии против Франции» [3]. После подписания Мюнхенского соглашения ЧСР не могла эффективно сопротивляться Германии, что делало невозможным использование чешской авиации. Схожих оценок придерживался глава ФКП М. Торез, утверждавший в своих мемуарах, что Гитлер одержал по итогам конференции полную победу: «Мюнхенское соглашение изменило стратегическую и политическую карту Европы. Гитлер уничтожил одну из главных опор французского плана обеспечения безопасности в Европе. Он завладел линией укрепления, построенной по образцу нашей “линии Мажино”» [6, с. 119]. Кроме того, «отказываясь сопротивляться», Третья республика напрямую нарушала обязательства, данные ей по франко-чехословацкому договору 1924 года, что могло «отвернуть» от нее потенциальных и уже существующих союзников, показать ненадежность заверений ее руководства. После подписания Мюнхенского соглашения коммунисты вопрошали: «Кто, какая страна в мире осмелится доверить свою подпись Франции [т. е. подпишет союзническое соглашение. – *Н. Ш.*], поверит ее словам?» [3].

1 октября 1938 г. Габриель Пери опубликовал в «Юманите» крайне важную статью, в которой он настаивал, что текущий внешнеполитический курс Третьей республики идет вразрез с целями Народного фронта: «Нет – главенству агрессора! Разделение свободных народов, нарушение данного слова – не политика Народного фронта. Это все то, против чего партии Народного фронта поклялись бороться» [3]. Неудивительно, что сразу же после завершения Мюнхенской конференции ФКП заявила о невозможности поддержки ее решений, видя в них предательство изначальных устремлений в борьбе с фашизмом. Таким образом, участь союза левых и левоцентристских сил была предопределена. По убеждению М. Тореза, «Мюнхен способствовал развалу Народного фронта. С самого начала лидеры социалистов и радикалов, страшась порыва масс, ставили своей основной целью сдержать их, ослабить, сломить. Они вошли в сделку с реакционными силами, провозгласили «передышку», декретировали «невмешательство». Отступая шаг за шагом, они кончили тем, что полностью порвали с програм-

мой Народного фронта, злоупотребив народным мандатом, полученным ими в апреле 1936 г.» [6, с. 121].

На специальной парламентской сессии 4 октября, организованной для ратификации Мюнхенского договора, выступая от фракции коммунистов, Г. Пери объявил об отказе партии одобрять действия Даладье в Мюнхене. «Для нас, смысл существования которых – борьба против войны и порождающих ее режимов, важным является один вопрос: после тяжелого выкупа, заплаченного в Мюнхене, стали ли гарантии сохранения мира более эффективными? Благодаря невероятной дани, которую вы заплатили, шантажируемые началом войны, могут ли народы чувствовать себя более защищенными от кровавых авантур? Господа, именно потому, что мы не верим в это, мы голосуем против доверия правительству» [7, с. 1531]. По мнению Пери, все предшествующие Мюнхену месяцы ясно показали, что только решительные действия демократических стран могли помешать все возрастающим амбициям нацизма: «Они [страны агрессоры. – Н. Ш.] вновь стали колебаться, когда после Берхтесгадена вы вышли на общую линию сопротивления с Великобританией, когда в Лондоне и Париже были приняты мобилизационные меры» [7, с. 1531]. Но на переговорах Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье со стороны последних таких действий не последовало. Схожие мысли впоследствии в своих мемуарах высказывал секретарь ЦК ФКП Ж. Дюкло: «Как и все мои товарищи коммунисты, я был убежден, что Гитлер перехитрил своих партнеров по переговорам, что можно было заставить его отступить, если бы, вместо того чтобы вслед за Англией вести политику “брошенной в воду дохлой собаки”, пользуясь выражением, употребленным Брианом при других обстоятельствах, Франция ориентировалась на союзы, заключенные ею со странами Центральной и Восточной Европы» [5, с. 268]. В своей парламентской речи Пери также обвинил французских политиков в том, что они подорвали доверие других стран к Третьей республике, продемонстрировав «миру, что быть другом Франции безрассудно и опасно» [7, с. 1531]. Пери предрекал, что теперь, в условиях возмужавшей немецкой мощи, Франция рискует остаться один на один со своим «наследственным врагом».

Хотя коммунисты самым решительным образом осудили внешнеполитическую линию кабинета Даладье по разрешению чехословацкого кризиса, а его исход рассматривали как однозначно провальным, нигде – ни в статьях в газете «Юманите», ни в ходе парламентских дискуссий 4 октября – не прозвучал призыв к боевым действиям против Германии в защиту ЧСР. Четко прослеживалось стремление коммунистического руководства отстоять позиции союзника Третьей республики, но исключительно дипломатическими методами. В первую очередь ФКП стремилась избежать войны – Г. Пери прямо заявлял в Палате депутатов: «Мы не хотим выбирать между капитуляцией и войной. Мы говорим нет обеим. Мы не признаем, что мирная Европа должна сделать этот выбор» [7, с. 1531]. Основным способом сохране-

ния мира ФКП считала дипломатическое давление на Гитлера и отказ идти ему на уступки, ибо, по заверениям депутата, нацистское правительство в ходе чехословацкого кризиса колебалось только тогда, когда Франция вышла «на общую линию сопротивления с Великобританией, когда в Лондоне и Париже были приняты мобилизационные меры» [7, с. 1531]. Другой видный коммунист, депутат и главный редактор «Юманите» Ж. Коньо еще 28 сентября заявил, что главной заботой компартии всегда было «дело сохранения мира», а единственный способ защититься от агрессии – это «согласие между демократическими странами – Францией, Великобританией, Советским Союзом и США» [1].

Разумеется, речь не идет о том, чтобы утверждать, что коммунисты втайне являлись приверженцами «умиротворения», но и считать их однозначно готовыми отправиться с оружием в руках на линию Зигфрида в 1938 г. для защиты Чехословакии представляется неверным. Члены компартии понимали бессмысленность и опасность «умиротворения», но призывали сражаться с Третьим Рейхом на дипломатических фронтах, не иницируя вооруженный конфликт. Во многом такая позиция коррелировала с линией, занятой советским руководством, от политического курса которого невозможно отделять тактические и стратегические решения французских коммунистов. СССР в ходе чехословацкого кризиса неоднократно выражал готовность выполнить свои союзнические обязательства, но вместе с тем крайне туманно отвечал на вопросы о реальных способах реализации подобных обещаний [8–9].

Ссылки

1. L'Humanité. 1938. 28 septembre.
2. L'Humanité. 1938. 30 septembre.
3. L'Humanité. 1938. 1 octobre.
4. Le Temps. 1938. 1 octobre.
5. Дюкло Ж. Мемуары. Том 1. 1896–1945. М.: Политиздат, 1985. 470 с.
6. Торез М. Сын Народа. М.: Изд-во иностр. лит., 1950. 203 с.
7. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. P.: Impr. du Journal officiel, 1881–1940. 4.X.1938.
8. Lukes I. Czechoslovakia between Stalin and Hitler. Oxford: Oxford University Press, 1996. 352 p.
9. Дю Рео Э. Франция, Германия и СССР, 1936–1939 годы // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т), 2003. 228 с.
10. Jackson P. France and the Nazi menace. Intelligence and Policy Making, 1933–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000. 459 p.
11. Вершинин А. А. Генерал Морис Гамелен и французское военное строительство накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2020. №1. С. 42–71.

London Africans: on the way to the racial identity

E. V. Blinova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-246-255

Research article
Full text in Russian

The article deals with the genesis and subsequent evolution of the racial identity of Africans in London. The formation and further development of the racial identity of London Africans went through several levels over the centuries. The background of their origin can be traced back to the 16th century. The beginning of the slave trade suspended the processes aimed at the formation of the racial identity of blacks – Africans were forced to adapt to the new realities of their existence. Elements of African racial identity in London reappeared in the last quarter of the eighteenth century. The acquisition of the racial identity took place among the intellectuals, while other groups of Africans (students, servants, workers, the African poor) embarked on the path of consolidation. At the turn of the 19th - 20th centuries, racial self-consciousness has acquired relatively mature features, having passed from the individual level to the collective level.

Keywords: London; African; Race; consciousness; identity; intellectual; consolidation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Blinova, Elizaveta V. | E-mail: lizitkova@yandex.ru
Cand. Sc. degree seeking applicant

Лондонские африканцы: на пути к расовому самосознанию

Е. В. Блинова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-246-255
УДК 94(6)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье говорится о генезисе и последующей эволюции расового сознания африканцев в Лондоне. Становление и дальнейшее его развитие длилось несколько столетий. Предпосылки его зарождения можно проследить с появления африканцев в британской столице – с XVI в. Начало работоторговли приостановило процессы, направленные на формирование расового самосознания черных – африканцы были вынуждены приспосабливаться к новым реалиям существования. Элементы расового самосознания африканцев («одиночек») в Лондоне вновь проявились в последней четверти XVIII в. Однако зрелые черты оно обрело лишь на рубеже XIX–XX в., пройдя путь от индивидуального уровня до коллективного.

Ключевые слова: Лондон; африканцы; расовое самосознание; интеллектуалы; консолидация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блинова, Елизавета Викторовна	E-mail: lizitkova@yandex.ru
	Соискатель ученой степени кандидата исторических наук

Лондон – столица Британской империи, «столица мира», где уже в XVI в. жило немало африканцев, – стал благодатной почвой для зарождения и эволюции расового сознания. Вектор их адаптационных и ассимиляционных возможностей веками сводился к поиску своей особой ниши в социальной, экономической политической и культурной реальности. Роль африканцев в Объединенном королевстве менялась на протяжении времени: на смену изначальной свободе пришло рабство, а потом и освобождение, что привело к обновлению сосуществования и взаимодействия с белыми [1, р. 2–3]. Об-

стоятельства, в которых оказались африканцы, требовали от них одновременно покорности и предприимчивости, что не могло не привести к трансформации их взглядов и поведения, социальной и культурной мобилизации и самореализации.

Формирование расового сознания в среде лондонских африканцев, возможности их интеграции в общественные и профессиональные структуры, создание ими различного рода сообществ (на основе цвета кожи) многократно обсуждались во второй половине XX столетия. Историки М. Д. Джордж [2] и М. П. Бэнтон [3] спроецировали выводы американских авторов относительно северо-американских черных рабов XVIII в. на африканцев Лондона. Как следствие, возникло утверждение, что африканцы были не способны к созданию крепких моногамных семей и потому не могли интегрироваться в принимающее общество; о создании ими каких-либо сообществ или организаций вообще не могло быть и речи. Утверждение о несостоятельности африканцев базировалась на двух основных аргументах. Во-первых, их «нравственное состояние»: рабство, ломка стереотипов, традиционных отношений, оторванность от семей – не могли не вызвать в их среде чувство опустошения, страха обновлений. Именно это было названо причиной их инертности и, как следствие, неспособности к коммуникации. Во-вторых, африканцы находились под пристальным наблюдением своих хозяев, которые препятствовали их интеграции и маломальской кооперации.

Детальное и углубленное изучение вопроса поставило под сомнение стереотипы восприятия африканцев в обществе. Переломной для исследований стала последняя треть XX в. Ф. Шиллон и Г. Гатман акцентировали внимание на отличительных особенностях британской истории, на том, что рабство на британских островах было упразднено еще в 1772 г.¹ [4, р. 51; 5, р. 332]. В работах Дж. Уэлвина [6], Ф. Шиллона [4], П. Фрайера [7] оспаривалась распространенная идея о несостоятельности и неспособности африканцев к интеграции, ассимиляции, кооперации в крупных городах Англии (Лондон, Бирмингем, Ливерпуль, Манчестер). Лондон, с его характерными мульти- и интер-культурными традициями, оказался способен вместить в себя ценностные ориентиры инаковости [8, р. I].

Африканцы заключали браки с белыми женщинами, сотрудничали с белыми слугами, рабочими, матросами, общались с хозяевами, в том числе аристократией, что вело к взаимодействию между черными и белыми. «В Лондоне, который был наводнен черными, имелись гостиницы, их владельцы (белые) нередко поддерживали тех, кто не имел постоянного места жительства» [10, р. 131], – отмечал капитан Королевского флота Ф. Тик-

---

¹ В 1772 г. решением Королевского суда Великобритании (Суд королевской скамьи) было утверждено, что рабы не признавались движимым имуществом на территории Англии и Уэльса, т. к. это не поддерживалось Общим правом (т. н. «Дело Сомерсета», или «Сомерсет против Стюарта»).

несс². Помощь получали чернокожие уличные попрошайки, проститутки и даже заключенные.

К объединению в среде самих африканцев вело простое стремление людей к общению: поделиться новостями, посетовать на судьбу, порадоваться за сородича. Африканцы «плели паутину» взаимодействий, встречались на рынках и в тавернах, в кофехаусах и магазинах, даже в домах своих хозяев, где устраивали вечеринки [10, р. 132]. Они следили за ходом «дела Сомерсета». Их активность нашла отражение на страницах газет, в том числе «Морнинг Хроникл» и «Миддлсэкс Джорнал» соответственно: «Несколько африканцев пришли в суд, чтобы выслушать решение суда» [11, р. 2]. «Многие пришли в суд, чтобы быть участниками события, имеющего большое значение» [12, р. 3].

Круг активных африканцев ограничивался десятком имен. Возведенный на вершину славы триумvirат в лице Игнатиуса Санчо (1729–1780), Олауды Эквиано (1745–1797) и Оттобы Кугуано (1757 – {?}1803), бесспорно, имел вес в обществе [13, р. 21; 7, р. 107].

И. Санчо – первый африканец, который получил право голоса на выборах в парламент Англии. Он был приглашен английскими аболиционистами в лице Грэнвилла Шарпа (1735–1813), Уильяма Уилберфорса (1759–1833), Томаса Кларксона (1760–1846) представителем от африканцев в «Общество по отмене работоторговли» (1787). О. Эквиано являлся членом комитета т. н. «Сьерра-Леонского проекта» и общества «Сыны Африки», получил аудиенцию королевы Шарлотты³: «21 марта 1788 г. у меня была захватывающая дух аудиенция у королевы, где я презентовал петицию, в которой просил помощи для своих африканских братьев. Ее Величество любезно приняла мое прошение» [14, р. 243–246]. О. Кугуано состоял в обществе «Сыны Африки», Г. Шарп в своих мемуарах высоко ценил деятельность О. Эквиано и О. Кугуано в решении вопросов о ненадлежащем и жестоком обращении с африканцами [15, р. 374–375].

Образованные и материально обеспеченные И. Санчо, О. Эквиано и О. Кугуано обладали недвижимостью и, по сути, действительно были представителями лондонского среднего класса, что – пусть условно – определяло круг их общения, в котором преобладали аристократы, что волей-неволей заставляло дистанцироваться от чернокожих слуг.

Тезис о харизматичных лидерах, за которыми следуют массы, в отношении африканцев не вполне точен, как и утверждение о формировании в их среде идейных течений. Все это следует рассматривать на уровне преувеличения [10, р. 132.]. Однако начало формирования индивидуально-

² Филипп Тикнесс (1719–1792) – капитан Королевского флота. Был известен своими статьями в «Джентльмен Мэгазин», сатирическими зарисовками.

³ Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая (1744–1818) – супруга короля Великобритании Георга III. Была назначена опекуном короля после признания его недееспособным.

го расового самосознания в среде чернокожих интеллектуалов относится к концу XVIII в. Основная масса лондонских африканцев по-прежнему сохраняла менталитет «зависимого раба», существуя по инерции, приспосабливаясь к обстоятельствам, не понимая ни сути реалий, ни назревающих перемен.

В XIX в. Лондон приобрел черты имперского города [16, с. 807]. Британская столица с ее ниспадающей дымкой от фабричных труб, перенаселением славилась своей энергией – жаждой жизни [17, р. 25]. Этот кипучий водоворот притягивал людей и манил возможностями [16, с. 804–805]. Чтобы реализовать свои права и чувствовать себя защищенными, следовало консолидироваться и разнообразные городские группы и слои встали на путь объединения, дабы не быть «толпой» [18, с. 500]. Этно-расовые меньшинства, заинтересованные в легализации статуса и гарантиях безопасности (в условиях дискриминации и сегрегации), начали создавать свои организации. На фоне общего процесса институционализации политического, общественного, профсоюзного, рабочего и женского движений их активность не была столь заметна, однако они предприняли попытку борьбы за свои права.

Процесс формирования коллективного расового сознания африканцев происходил в условиях поиска пропитания и ночлега, решения насущных проблем. Сказывалось намерение выжить – сообща.

Складывание у африканцев основополагающих паттернов коллективного сознания было обусловлено комплексом предпосылок: стремлением к адаптации, сохранением идентичности в этническом многообразии Лондона. Власти, в свою очередь, диктовали свои правила существования и выживания. В их числе – непротивление преобладающим тенденциям социально-культурного процесса взаимоотношений метрополия-колония.

В XIX в. Эдвард Уилмот Блайден (1832–1912) и Джеймс Африканский Билл Хортон (1835–1883) поставили вопрос о консолидации африканцев континента и диаспоры, осознании ими общих интересов [19–22].

Э. Блайден считается одним из основателей панафриканской идеологии. Он прославился далеко не только как политик и дипломат, но и как интеллектуал, известный благодаря своему обширному наследию: статьям, письмам, идеям [23, р. 665; 24, с. 27–31]. Его деятельность была направлена на распространение в среде африканцев представлений о культурной самобытности, чувстве гордости за принадлежность к африканской расе. Одной из ключевых его идей считается самоопределение африканцев [7, р. 275], включая тех, кто жил вне континента. Э. Блайден верил, что «негры, овладев достижениями цивилизации, проникнутся любовью к расе <...>. Любовь к расе станет тем пламенем, которая разожжет энергию негров и осветит всю их деятельность. Их воодушевит великая цель и вели-

кая идея развития расы» [25, с. 28], в итоге они «возвратятся из изгнания в Африку, получат множество неопенимых преимуществ от воссоединения с коренным населением <...> от смешения с африканскими племенами они только выиграют» [25, с. 29].

Потомок креолов, считающий себя игбо, Дж. А. Б. Хортон, амбициозный и независимый мыслитель, «афроангличанин», сноб [17, р. 18–22], в университете получил прозвище «Африканус». Он гордился им, как и своей принадлежностью к народу игбо [26]. Именно представители игбо определили вектор развития африканской идеологии во второй половине XIX – начале XX в. как за пределами метрополии, так и в самой британской столице [8, р. 5]. Дж. А. Б. Хортон открыто высказывался за развитие образования в среде африканцев, заявлял о различных моделях управления у африканских племен: «<...> для многих туземных племен должна быть выработана особая форма с учетом туземных особенностей от монархии до демократии <...>» [27, р. 188]. Дж. А. Б. Хортон открыто обличал приоритет идеи о превосходстве былой нации над черной, превращенной англичанами в банальную обыденность мировосприятия [22, р. 186]. «Английское правительство навязывает жителям своих государств идею о неспособности африканцев к цивилизации <...>. В своих выступлениях они часто сравнивают африканцев с дикими и глупыми животными, в частности обезьянами и, того хуже, с неведомыми науке, вымышленными чудовищами <...>» [27, р. 23].

Поиск идентичности, попытки осознания себя, право на самоопределение, противостояние колониальной системе охватывали умы лондонских интеллектуалов [17, р. 2]. Желание «быть как белые» они заменяли стремлением стать равными белым. Уже в XIX в. многие африканские лондонцы добились статуса и уважения [28, р. 121–122], будучи профессионалами, преуспевшими в области юриспруденции и медицины, что, безусловно, отчасти способствовало развенчанию мифа о варварстве чернокожих «дикарей». Британский конформизм способствовал их востребованности. В Лондоне они нашли себя в предпринимательстве и литературной среде, в театре, музыке, киноиндустрии.

Образование способствовало пробуждению расового сознания. Африканцы постепенно избавлялись от комплекса неполноценности, преследовавшего их веками. На профессиональном поприще, в творческой среде тоже имели место проявления сегрегации и дискриминации, но они не были столь множественными, как в быту, на уровне повседневности. Профессионализация способствовала расслоению африканцев. И хотя далеко не все желающие могли получить образование, именно благодаря чернокожим селебрити, были сломаны стереотипы восприятия африканцев. Ангажированность в рамках профессии вывела в авангард тех, кто выступал с идеей консолидации чернокожих и борьбы за свои права.

По инициативе тринидадского юриста Генри Сильвестра Уильямса (1869–1911) была создана «Африканская ассоциация» (1897). Итогом ее деятельности стала организация и проведение в городском зале Вестминстера – сердце Лондона [29, р. 182] – 23–25 июля 1900 г. всемирной конференции чернокожих, которая ознаменовала собой начало panaфриканского движения [30, с. 39–40]. На конференции присутствовали 32 делегата из Африки, Северной Америки, Вест-Индии и Британии.

Panaфриканская конференция имела широкий резонанс в среде интеллектуальной элиты. Оценки события были полностью противоположны. Одни считали, что конференция «явилась знамением времени и все должны принять это к сведению» [7, р. 286], другие, напротив, заявляли, что «фавориты конференции никогда не смогли бы стать настоящими лидерами надежд Африки» [17, р. 24]. В целом panaфриканское «собрание» укрепило прогрессивную лондонскую общественность в необходимости открыто высказывать недовольство имперской «напыщенностью» в надежде на скорое изменение курса парламента в направлении демократических реформ.

Африканские лондонцы восприняли идеи panaфриканизма, расового равенства и антиколониализма. Формирование расового сознания африканцев происходило за пределами Африки и базировалось на признании равных прав с белыми, хотя большинство чернокожих преследовало интеграционные цели. Лондон демонстрировал слияние африканских и вест-индийских интеллектуалов, богемы, которые, общаясь друг с другом, консолидировались в границах пан- или трансАфрики [31, р. 16], формируя и шлифуя грани расового самосознания. Самоидентификация на уровне профессии и расы стала очевидна. Сплочение происходило вокруг тех африканцев, кто был преисполнен желанием и готовностью интегрироваться, дать африканцам возможность ощутить себя частью «африканского» Лондона – города, возложившего на себя функции законодателя если не «моды», то, по крайней мере, правил в области развития интеллектуальных, общественно-политических и даже радикальных движений и идей. Консолидация затронула профессионалов, студентов, бедноту. У них была одна история на всех – от ямайцев, барбадосцев до ганаянцев и нигерийцев [32, р. 118] и свои кумиры: сьерра-леонцы Дж. Тэйлор (1880–1924), Л. Соланке (1886–1958), И. Ф. А. Уоллес-Джонсен (1894–1965), кениец Дж. Кениата (1897–1898 {?} – 1978), ганаянец Дж. Данква (1895–1965), выходцы с Карибских островов: Дж. Падмор (1903–1959), С. Джеймс (1901–1989), ямаец Г. Муди (1882–1947), азиат К. Чанчия (1886–1953), индиец С. Али (1905–1946 {?}) и многие другие.

Гарлемский Ренессанс⁴ – новая концепция культурной идентичности – повлек за собой освобождение лондонского общества от викторианской морали [32], способствуя формированию образа «нового» африканца, образованного и успешного. Африканцы стали едва ли не законодателями мод в том, что касалось музыки и джаза [33, р. 16]. Черные стали инициаторами проведения интеллектуальных вечеров, целью которых было единение всех, кто имел африканские корни [8, р. 4]; открытия элитных джазовых кафе, клубов, ресторанов, которые часто становились местом встречи интеллектуалов, писателей, артистов, заезжих знаменитостей, сторонников панафриканизма, студентов [34, р. 106–107].

К концу первой четверти XX века численность африканцев в Лондоне выросла. «Африканский» Лондон отличался вариативностью и креативностью, что вызывало неоднозначные оценки – от одобрения, симпатии и восхищения до порицания, возмущения и враждебности, что означало одно: в Лондоне африканцы, безусловно, стали заметны. Осознание своей «очевидности» для многих происходило параллельно с актуализацией идентичности. Африканцы по происхождению ощутили возможность позиционировать себя на уровне расы, а не «угловыми жильцами», начав избавляться от многих присущих им комплексов, включая комплексы вины и неполноценности [35, р. X–XII]. Африканцы пришли к необходимости идентифицировать себя не только на уровне профессии, статуса, но и расы. И хотя на рубеже XIX–XX в. это были преимущественно интеллектуалы-одиночки, именно они начали ретрансляцию своих идей в массы, что привело к трансформации представлений об африканцах не только в лондонском обществе.

Ссылки

1. Mbembe A. Critique of Black reason / A. Mbembe: translated by L. Dubois. Durham: Duke University Press, 2017. 215 p.
2. George M. D. London Life in the Eighteenth Century. L.: Penguin Books, 1992. 457 p.
3. Banton M. P. The Coloured Quarter. L.: Jonathan Cape, 1955. 254 p.
4. Shyllon F. Black People in Britain. Oxford: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1977. 290 p.
5. Gutman H. G. The Black Family in Slavery and Freedom, 1750–1925. N.-Y.: Pantheon Books, 1976. 664 p.

---

⁴ Гарлемский Ренессанс (ок. 1918–1937 гг., Гарлем, США) – расцвет афроамериканской культуры, который охватывал литературное, музыкальное, театральное и изобразительное искусства. Основной идеей стало избавление от насажденных белой нацией стереотипов об отсталости и недееспособности черных [31].

6. Walvin J. *Black and White: the Negro and English Society, 1555–1945*. L.: Allen Lane, 1973. 239 p.
7. Fryer P. *Staying Power: the History of Black People in Britain*. L.: Pluto Press, 1984. 632 p.
8. Matera M. *Black London: the Imperial Metropolis and Decolonization in the Twentieth Century*. California: University of California Press, 2015. 410 p.
9. Edwards P., Walvin J. *Africans in Britain, 1500–1800 // The African Diaspora. Interpretive Essays* / ed. by M. L. Kitson, R. I. Rotberg. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 510 p.
10. Myers N. *Reconstructing the Black Past: Blacks in Britain. 1780–1830*. L.: F. Cass, 1996. 157 p.
11. *The Morning Chronicle*. 1772. 22 June. P. 2.
12. *The Middlesex Journal*. 1772. 20–23 June. P. 3.
13. Ramdin R. *Reimagining Britain: Five Hundred Years of Black and Asian History*. L.: Pluto Press, 1999. 402 p.
14. Equiano O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself* [Electronic resource] // *Documenting the American South. Electronic Edition*. North Carolina: University of North Carolina at Chapel Hill, 2001. URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/equiano2/equiano2.html> (accessed: 10.04.2013).
15. Sharp G. *Memoirs of Granville Sharp, esq* / ed. by H. Prince. L.: Printed for Henry Colburne, 1820. 524 p.
16. Акройд П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Матылева. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 896 с.
17. Jones D. *An African in Imperial London: the Indomitable Life of A. B. C. Merriman-Labor*. L.: Hurst Publishers, 2018. 320 p.
18. Травельян Дж. *История Англии от Чосера до королевы Виктории* / пер. с англ. А. А. Крушинской, К. Р. Татариновой. Смоленск: Русич, 2007. 624 с.
19. Blyden E. W. *Christianity, Islam and Negro Race*. L.: W. B. Whittingham & Co, 1888. 442 p.
20. Blyden E. W. *Liberia's Offering: Being Addresses, Sermons, etc.* N.-Y.: John A. Gray, 1862. 167 p.
21. Horton A. *Black Nationalism in Africa 1867: Extracts from Political, Educational, Scientific and Medical Writings of Africanus Horton* / ed. by N. Davidson. Harlow: Longmans, 1969. 185 p.
22. Horton A. *West African Countries and People, British and Native*, 1868. Edinburgh: Edinburgh U. P., 1969. 281 p.

23. Okuro S. O. The African Diaspora and the Writing of African Historiography: A Critique / Teaching and Propagating African and Diaspora history and culture / Papers from the International Conference on Teaching and Propagating African History and Culture to the Diaspora and Teaching Diaspora History and Culture to Africa Held Nov. 11-13, 2008 at the State University of Rio de Janeiro, Brazil and organised by the Centre for Black and African Arts and Civilization (CBAAC) / ed. T. Babawale. Lagos, Nigeria: Centre for Black and African Arts and Civilization (CBAAC), 2009. P. 657–673.

24. Хохолькова Н. Е. Эдвард Уилмот Блайден: «либерийский пилигрим в Иерусалиме» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 27–31.

25. Статья африканского мыслителя Э. У. Блайдена «Африка для Африканцев». 1872 г. // История Африки в документах, 1870–2000: в 3 т. / отв. ред. А. Давидсон. М.: Наука, 2005. Т. 1.: 1870–1918. С. 26–31.

26. Nwauwa M. Far Ahead of His Time: James Africanus Horton's Initiatives for a West African University and His Frustrations, 1862–1871 [Electronic resource]. Cahiers d'études africaines. 1999. Vol. 39, № 153. P. 107–121. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cea_0008-0055_1999_num_39_153_1966 (accessed: 05.11.2014).

27. Black Writers in Britain, 1760–1890 / ed. by P. Edwards, D. Dabydeen. Edendurg: Edinburgh University Press, 1991. P. 239.

28. King-Dorset R. Black Dance in London, 1730–1850: Innovation, Tradition and Resistance. Jefferson, N. C.: McFarland, 2008. 196 p.

29. Black Victorians. Black Victoriana / ed. by G. Gretchen. L.: Rutgers University Press, 2003. 240 p.

30. Гавристова Т. М. Африканские интеллектуалы за пределами Африки. Ярославль: Принтер, 2002. 308 с.

31. Mazrui A. The politics of gender and the culture of sexuality: Western, Islamic, and African perspectives / ed. by E. Anwar. Plymouth: University Press of America, 2014. 381 p.

32. Harlem Renaissance // Britannica. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/event/Harlem-Renaissance-American-literature-and-art> (accessed: 31.01.2022).

33. Dabiri E. Don't touch my hair. L.: Allen Lane, 2019. 243 p.

34. Black experience and the Empire / ed. by P. D. Morgan, S. Hawkins. Oxford: Oxford University Press, 2004. 416 p.

35. Moten F. Stolen life. Durham: Duke University Press, 2018. 321 p.

Legal doctrine of F. A. Hayek: light and shadows

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-256-265

Research article
Full text in Russian

This article discusses the legal doctrine of the famous Austrian economist Friedrich August Hayek. Its author's assessment is given, in which special attention is paid to the position of the scientist in relation to the interaction of law and economics. The article emphasizes that Hayek assigned a significant place in his research to the general principles of law. It is concluded that Hayek paid the main attention to freedom, which to a certain extent was absolutized. Next, in importance, the scientist singled out legality, then equality, a very original interpretation of justice, and the principles of humanism and democracy were clearly underestimated.

Keywords: F. Hayek; law; economics; principles of law; freedom; legality

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sc. (History), Professor,
Chair, Department of labour law and financial law

Правовая доктрина Ф. А. Хайека: свет и тени

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-256-265
УДК 346

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье рассмотрена правовая доктрина известного австрийского экономиста Фридриха Августа Хайека. Дана ее авторская оценка, в которой особое внимание обращено на позицию ученого в отношении взаимодействия права и экономики. Сделан вывод, что Хайек существенное место в своих исследованиях отводил общим принципам права. Подчеркивается, что основное внимание среди них уделялось свободе, которая в известной степени абсолютизировалась. Далее по важности Хайек выделял законность, затем равенство, весьма оригинально трактуемую справедливость, а принципы гуманизма и демократизма им явно недооценивались.

Ключевые слова: Ф. А. Хайек; право; экономика; принципы права; свобода; законность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович

Е-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Фридрих Август Хайек (1899–1992) был известным экономистом, лауреатом Нобелевской премии по экономике (1974), признанным лидером новой австрийской школы. Между тем он был выпускником юридического факультета Венского университета, доктором права (1921) и доктором политических наук (1923). Знания австрийца в сфере права были глубоки и обширны, но его можно считать в большей степени не теоретиком, а философом права. Его правовая доктрина представляет существенный интерес

© Лушников А. М., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

еще и в связи с тем, что он рассматривал взаимодействие права и экономики, что особенно актуально как для юридической, так и экономической науки [1].

В частности, Хайек писал о пагубности последствий специализации знаний в экономической теории и юриспруденции так: «Правила справедливого поведения, изучаемые юристами, служат основанием определения порядка, характерные свойства которого юристу остаются неизвестными, а изучением этого порядка занимается, главным образом, экономист, который, в свою очередь, мало что знает о характерных особенностях правил поведения, на которых покоится изучаемый порядок» [2, с. 23]. Для него взаимодействие в изучении права и экономики – это двусторонний процесс, а право- «правила игры», одинаковые для всех игроков, причем государство может быть причастно только к определению этих самых правил игры.

Кроме того, Хайек неоднократно с гордостью говорил о своем юридическом образовании и утверждал, что знания в сфере права необходимы для экономистов. Более того, он выразил сомнение, не было ли в свое время разделение преподавания права и экономики ошибкой. А далее совсем неожиданное: «...Я лично всегда был благодарен тому, что, когда я начинал, занятия экономической теорией были возможны только в рамках изучения права» [3, с. 281, 282]. Примечательно, что в экономической литературе его вполне обоснованно именуют «юридическим империалистом», распространившим на экономическую науку юридическую методологию, а предлагаемую им модель человека именуют «человек юридический», для которого свобода первична в отношении экономической выгоды [4, с. 214].

Характеристику правовой доктрины Хайека стоит начать с того, что он достаточно убедительно показал: свободному обществу, основанному на идеях либерализма и рыночной экономики, имманентно необходимы четкие и изначально определенные правовые нормы. Для него право выступает предпосылкой существования свободы, собственности и порядка, причем со времен древних греков до наших дней. Австриец прямо утверждал, что «для создания эффективной конкуренции нужна продуманная система законов», а «там, где не удалось создать условия для эффективной конкуренции, надо использовать другие методы управления экономической деятельностью» [5, с. 55, 81–82]. Он не призывал «экономизировать» право, подчинить его экономической целесообразности. Право и его принципы для него были первичны.

Однако либерализм для него был абсолютной ценностью и ведущим принципом, имеющим приоритет над всеми остальными ценностями и принципами. В этой последовательности сильная и привлекательная сторона учения о праве Хайека, но одновременно и его главная слабость. Либерализм ученого основывался на крайнем индивидуализме, индивидуальной психологии, субъективизме. Можно сказать – в духе классика рус-

ской поэзии, – что им владела «одна, но пламенная страсть», которая, впрочем, и ему «изгрызла душу и сожгла». Не зря его в литературе именуют «либераловедом».

Обратной стороной такого подхода стало то, что Хайек был исключительно принципиальным критиком коллективизма и даже социальности во всех проявлениях. Он полагал, что все формы коллективизма, даже основанные на добровольном (но не спонтанном) сотрудничестве, могут существовать только при поддержке государства, а государственное вмешательство нарушает естественный ход развития общества и экономики. Его методологический индивидуализм категорически не сопрягался ни с какими формами коллективизма. Кроме отдельных свободных индивидов и «спонтанного сотрудничества свободных людей», для него ничего не существовало, а все основанное «на преднамеренном замысле» вело к ущемлению индивидуальной свободы и созданию искусственных и нежизнеспособных общественных структур [6, с. 29–32].

В этой связи здравомыслящий и оригинальный мыслитель довольно близоруко полагал, что все созданное по предварительному замыслу является изначально порочным, создающим угрозу «дороги к рабству». Представляется, что Хайек совершенно не разделял две достаточно различные категории: 1) возможность, потенциальную опасность и 2) действительность, осуществимость тоталитаризма. Наличие первой нельзя было отрицать, однако вероятность ее реализации, превращение в действительность для стран Запада была крайне мала, т. к. это требовало совпадения большого числа разнонаправленных и разноуровневых факторов. Хайек с упорством и даже некоторым фанатизмом анализировал именно потенциальную возможность тоталитаризма, почти начисто игнорируя изучение ее объективизации, осуществимости на практике.

Именно поэтому он не разделял политический и правовой режим фашизма и сталинизма, различных разновидностей социализма, либеральной демократии и социал-демократии и др. Все они казались ему «искусственно спроектированными», ведущими к ущемлению либерализма, а затем и к тоталитаризму. Борьбе со всеми проявлениями этой «искусственности» он, по сути, и посвятил свою жизнь, не замечая, что социал-демократия с сопутствующим развитым социальным законодательством являлась и является ведущей политической силой во многих государствах с рыночной экономикой, а ее правовая система отвечает самым высоким критериям правового государства. Именно вера в «спонтанный порядок», организуемый свободными индивидами, привела к тому, что он дал себе зарок никогда не употреблять слово «общество» или «социальный» [7, с. 189]. Все это имело принципиальное значение для выработки правовой доктрины Хайека.

Между тем Ф. А. Хайек был юрист не просто по образованию и первоначальному виду деятельности, но и по типу мышления и даже менталитету. Ему был присущ априоризм, свойственный большинству юристов и так

критикуемый философами. Экономические, как и правовые конструкции, он воспринимал как изначально заданные и не подлежащие эмпирической проверке или опровержению. В этом смысле он был верным последователем своего профессора по Венскому университету, австрийского юриста Г. Кельзена, автора «Чистого учения о праве» [8]. Подобно Кельзену, его ученик первоначально пытался рассматривать экономику, так сказать, в чистом виде, в отрыве от других общественных отношений, но в рамках правовых ограничений. При этом он отвергал учение о естественном праве, как и крайности юридического позитивизма. Впрочем, свои общие позитивистские воззрения Хайек сохранил и был близок в части изучения правовых явлений скорее к социологическому позитивизму.

Если на место «главной нормы» Кельзена можно было бы поставить свободу, то и в дальнейшем учение Хайека вполне сопрягалось бы с подходами Г. Кельзена. Более того, в своем каирском курсе лекций «Политический идеал верховенства закона» (1955) Фридрих Август пришел к выводу, что именно подчинение правилам со стороны индивидуальных элементов (людей и их объединений) может приводить к возникновению порядка [9, с. 161–334]. Заметим, этот вывод даже предшествовал выведению им концепции «стихийного порядка» в экономике. Однако его последовательная ставка на стихийность привела к тому, что даже для законов он ставил под вопрос предварительный замысел и цель их принятия. Для юриста это может казаться странным и даже абсурдным, т. к. принимать закон без цели, прощу прощения за тавтологию, бессмысленно.

Отечественные юристы сразу же отметили соответствие юридическое мировоззрения австрийца развитию рыночной экономики и в значительной части поддержали его позицию. Так, В. В. Лазарев благожелательно отнесся к основным положениям, выраженным в работе Хайека «Дорога к рабству» (1944), назвав ее «по-настоящему глубоко аргументированной... западной моделью либерализма и экономической свободы». Российский ученый констатировал, что эти положения, в числе других, должны учитываться в России при переходе к конкурентным отношениям [10, с. 212–214].

При этом к основным принципам права, которые должны применяться в совокупности, у Хайека было очень разное отношение. В его время, как и сейчас, основополагающими принципами права считались справедливость, свобода, равенство, гуманизм, демократизм и законность. При этом общепризнано, что принципы права должны функционировать в совокупности, т. к. реализация любого из них, взятого изолированно, может привести к отрицательным результатам. Так, демократизм может привести к охлократии, справедливость – к талиону, в духе «око за око, зуб за зуб», гуманизм – к всепрощению и исчезновению юридической ответственности, равенство – к фактической уравниловке, свобода – к произволу и др.

Однако именно принцип свободы, с учетом глубины его либеральных убеждений, стал для австрийского ученого доминирующим и, по сути,

определяющим действие всех остальных принципов. Свободу он понимал как возможность поступать по своему усмотрению при отсутствии внешнего принуждения, «независимость от произвольной воли другого» [11, с. 28–39, 107–110]. Если использовать терминологию британского философа И. Берлина (1909–1997), то он признавал «свободу от» (т. е. строго в негативном смысле), но мало интересовался «свободой для» [12, с.122–185]. Приоритет свободы привел его к достаточно спорному выводу о том, что правила поведения никогда не являются причинами действия, а, напротив, «правила поведения всегда действуют как запрет на действия, диктуемые другими причинами» [13, с. 367]. Между тем с учетом существования обязывающих и управомочивающих норм права такое утверждение весьма проблематично.

Пожалуй, самым странным и даже отталкивающим в его теории является то, что свобода от страха, необразованности, голода и нужды для него имели мало общего с личной свободой и даже находились с ней в конфликте. Используя правовую терминологию, он был за личные (предпочитая не называть их политическими и гражданскими) права и свободы, тогда как социальные и культурные права и свободы вчистую игнорировались. Так, австриец, безусловно, признавал ценность знания и образования, но был противником государственной системы обязательного образования, даже государственной гарантии его минимального уровня, хотя возможность государственной оплаты учебы самых нуждающихся им допускалась [11, с. 458–486]. Таким образом, Хайек прямо ставил уровень образования учеников в зависимость от толщины кошелька родителей.

Принцип равенства также понимался им сугубо в правовом смысле как формальное равенство, или равенство всех перед законом. Следовательно, со всеми людьми, независимо от того, что все они разные, надо обходиться одинаково. При этом Хайек считал утверждение, что «все люди рождаются равными», «просто-напросто ложным», потому что эволюция и генетические различия создали «безграничное разнообразие человеческой природы». Он подчеркнул важность природных задатков, сетуя на то, что стало слишком модно приписывать все человеческие различия социальной среде.

Исходя из того же принципа равенства, наш герой был категорически против прогрессивного налогообложения (не отрицая возможности прогрессии для отдельных налогов), опять же в качестве средства перераспределения дохода от богатых к бедным. Более того, он считал, что это вопрос, «от которого зависит характер нашего будущего». Австриец отмечал, что в большинстве стран дополнительные налоги, уплачиваемые богатыми, составляют небольшую долю общих налоговых поступлений, которая может уступать вызываемому им сокращению реальных доходов (выгоды меньше убытков), и что единственным важным результатом политики является «удовлетворение зависти менее обеспеченных». Кроме того,

получающие бесплатные услуги от налогов с богатых бедные утратят интерес к уплате даже небольших налогов, а основное налоговое бремя ляжет на лиц со средним доходом. Выведение на первые роли зависти к богатым очень характерно для австрийца, тогда как изначально свойственная человеку тяга к справедливости им практически игнорируется.

Он настаивал, что прогрессивное налогообложение противоречит не только принципу равенства всех перед законом, но и принципу демократии, в соответствии с которым большинство не должно навязывать дискриминационные правила в отношении меньшинства [11, с. 395–417]. Аргумент, на наш взгляд, более чем спорный, тем более что с прогрессивным налогообложением тесно связана именно идея социальной солидарности и социального сплочения, а не только социальной справедливости. Впрочем, индивидуалистический подход Хайека таких категорий просто не предполагал.

Вместе с тем аргументы австрийца против прогрессивного налогообложения весьма продуманы, в том числе с учетом необходимости учета уровня косвенного налогообложения, проблем налогового администрирования, экономической обоснованности прогрессии для тех или иных налогов и др. Это признается и некоторыми исследователями, которых нельзя отнести к представителям австрийской школы [14, с. 328–333]. Но главные возражения против его аргументов связаны не с экономическим обоснованием или проблемами техники, а с соблюдением иных принципов права и морали.

При этом Хайек защищал экономическое неравенство, считая его неизбежным порождением правового равенства, причем степень этого неравенства определяет только свободный рынок. Борьба с таким даже самым вопиющим неравенством посредством государства он считал не просто излишним, но и вредным. Соответственно, эффективное удовлетворение общественных потребностей не может быть гарантировано и в случае государственной монополии [11, с. 115–123, 159–164].

Кроме того, Хайек уделял ничтожно малое внимание «обратной стороне» принципа равенства, а именно дифференциации, необходимость которой отчасти диктовалась и принципом гуманизма (повышенная социальная защита детей, женщин, инвалидов и др.). Между тем принцип гуманизма для австрийца имел глубоко подчиненный и даже вторичный характер, что для юристов очень странно. Вся его философия права была не то что антигуманной, но, скорее, агуманной, когда любой результат функционирования рынка признавался наиболее гуманным вне зависимости от его реального содержания. Тут он недалеко ушел от К. Маркса и В. И. Ленина, утверждавших, что гуманно все то, что делается в интересах рабочего класса. Если рабочий класс заменить рынком, то получается почти то же самое. Например, он предлагал не оказывать помощь слаборазвитым странам (как бесплодный порыв облегчит страдания?), чтоб не породить у их населения излишних иллюзий и роста рождаемости [7, с. 214–215]. В общем, последовательным гуманистом Хайек не был ни с какой стороны.

При этом принцип справедливости в общепринятом смысле Хайек практически игнорировал, а социальную справедливость буквально не переносил на дух, а если и упоминал, то только в кавычках и в отрицательной коннотации. При этом коммуникативная справедливость имела определенное значение (о ней далее), а дистрибутивная (уравнивающая) отменялась с порога. Так как он сравнил рынок с игрой, в которой «нет смысла называть результат справедливым или несправедливым», то и утверждал, что «социальная справедливость – пустой звук, не имеющий определенного содержания». Точно так же «результаты усилий индивида обязательно непредсказуемы», в связи с чем вопросы о том, является ли результирующее распределение доходов справедливым или нет, просто бессмысленны.

Он считал любое перераспределение доходов или капитала с участием государства неприемлемым посягательством на индивидуальную свободу, говоря, что «введенный принцип справедливого распределения не будет выполняться, пока все общество не будет организовано в соответствии с ним, которое во всех существенных отношениях было бы противоположностью свободного общества». Фактически он сводил социальную справедливость к известному требованию «отнять у богатых и поделить между бедными», а ее побудительным мотивом считал зависть, что в корне неверно. Кроме того, Хайек считал, что распределение благ не должно зависеть от представлений общества о заслугах отдельных индивидов [11, с. 123–129, 131–133], что уж совсем не вяжется с принципом справедливости. При этом трактовку заслуг он почему-то сводил только к поступкам, достойным моральной похвалы. При этом он не отрицал, что ценность, извлекаемая членами общества из поступков других, подлежит вознаграждению, но через рыночные механизмы. В итоге справедливость сводится не к вознаграждению заслуг, а к оплате выгод.

Как уже указывалось выше, Хайек считал недопустимым конструктивистский подход к праву, сводил его развитие к стихийным процессам, но с ориентацией на изменчивую идею справедливости, которая понималась весьма своеобразно. Последняя, по его мнению, – система эволюционно сложившихся, но зачастую не формализованных правил. Отсюда и весьма странное утверждение, что право древнее законодательства и самого государства, а закон должен стремиться к справедливости, но не создавать ее [15, с. 394–396; 464–465]. С учетом того, что справедливость является следствием деятельности свободного рынка, такое утверждение выглядит внутренне противоречивым, поскольку сам рынок существует и функционирует в рамках норм и принципов права, важнейшим из которых является справедливость. В общем, в данном случае налицо некоторый конфликт между экономическим и правовым пониманием справедливости, на что обращалось внимание в юридической литературе [16].

Принцип демократизма им, с оговорками, признавался, однако в весьма оригинальной интерпретации. В духе либерализма задачей демократиче-

---

ского государства им провозглашается ограничение государства на применение принуждения, тогда как «демократические демократы» фиксируются на текущем мнении большинства. По его мнению, демократия только метод, средство, ничего не говорящие о целях правления. При этом расширение демократии – противоречивый процесс, причем им вполне допускается существование «тоталитарной демократии», которая нетерпима, и «либерального авторитаризма» как вполне допустимого политического режима. Более того, Хайек даже противопоставляет эти понятия: «Либерализм – это учение о том, каким должен быть закон, а демократия – учение о методе определения того, каким будет закон», и в соответствии с либеральными воззрениями принятый демократическим путем закон не всегда будет хорошим. Демократия не обеспечивает принятие адекватного ситуации решения, не отражает идеал свободы, не расширяет ее и, по сути, должна обслуживать либерализм. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что либеральный авторитаризм (пример – Чили при диктатуре А. Пиночета) в любом случае лучше тоталитарной демократии (пример – Чили при президенте С. Альендо). В целом Хайек отказался считать демократию фундаментальным принципом права, основополагающей ценностью, а ограничение права на участие в выборах по возрасту, имущественному цензу, признаку получения социальных пособий и др. он вполне допускал [11, с. 134–152]. В такой позиции был бы смысл, если демократия сочетается с либерализмом, но в данном случае она ему, повторимся, фактически подчиняется. В этой связи австрийца смущала даже модель либеральной демократии.

Законность для Хайека стояла, пожалуй, на втором месте после свободы, однако и здесь не обошлось без оригинальности. Так, он по не совсем понятным причинам считал, что верховенство закона – норма, но внеправовая (хотя и метаправовой принцип) и мыслится лишь как господствующее мнение о свойствах, которыми должен обладать хороший закон, который не может быть частью действующего законодательства и служит лишь критерием его оценки [9, с. 205–207, 216–217]. Между тем этот принцип текстуально закреплен в конституциях практически всех государств, а легализация норм-принципов давно стала мировой практикой. Тем не менее Хайек всегда верил в общество, управляемое законами. По его мнению, «нам нужен социальный порядок, позволяющий существовать и дальше, а не устав клуба самоубийц...мы даже не сможем высказаться о последствиях конкретных событий, если не примем в качестве предварительного условия всеобщее соблюдение определенных норм» [15, с. 468].

В итоге стоит отметить следующее: фрагментарная, местами однобокая и порой оригинальная трактовка австрийцем принципов права привела к весьма противоречивому и двойственному результату. Для большинства экономистов она не представляет особого интереса, а для большинства

юристов видится весьма оригинальной, но слишком оторванной от правовых реалий, даже в качестве философско-правовой основы.

Ссылки

1. Лушников А. М. Право и экономика. М.: Проспект, 2019. 192 с.
2. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСПЭН, 2006 (по изд. 1979). 644 с.
3. Хайек Ф. Экономика, наука и политика (по изд. 1963) // Собр. соч.: в 19 т. Т. 15: Рынок и другие порядки. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 281–303.
4. Латов Ю. В. Заключение // Дорога к Хайеку / под ред. Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова. М.: КНОРУС, 2021. 224 с.
5. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2021 (по изд. 1944). 352 с.
6. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 287 с.
7. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992 (по изд. 1988). 304 с.
8. Кельзен Г. Чистое учение о праве. М.: Альфа- Пресс, 2015. (по изд. 1960). 542 с.
9. Хайек Ф. Политический идеал верховенства закона // Собр. соч.: в 19 т. Т. 15: Рынок и другие порядки. М.; Челябинск: Социум, 2020. 604 с.
10. Лазарев В. В. Право и экономика // Общая теория права / под. общ. ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород: Нижегородская ВШ МВД, 1993. С. 204–221.
11. Хайек Ф. А. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018 (по изд. 1960). 528 с.
12. Берлин И. Два понимания свободы // Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
13. Хайек Ф. Заметки об эволюции систем правил поведения (по изд. 1967) // Собр. соч. Т.15. С. 364–383.
14. Блауг М. Хайек Фридрих А. фон // 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс, 2009. 384 с.
15. Хайек Ф. Результат человеческой деятельности, но не человеческого замысла (по изд. 1967); Ошибки конструктивизма (по изд. 1970) // Собр. соч. Т. 15. С. 384–398, 445–471.
16. Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстициформ, 2017. 280 с.

Forms of international cooperation in the field of taxation and Russian tax legislation

M. V. Lushnikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-266-277

Research article
Full text in Russian

The article gives the author's definition of modern forms of international cooperation in the field of taxation. These include: international tax administration; delimitation of the tax jurisdiction of states and the fight against unfair tax competition among states; convergence of the tax systems of states. In relation to each form of international cooperation, the international legal principles underlying them are noted: international tax transparency, tax sovereignty of the state and its tax jurisdiction; prohibition of unfair tax competition. Particular attention is paid to the implementation of these international forms of tax cooperation in Russian legislation.

Keywords: international tax law; international tax treaties for the avoidance of double taxation; the Tax Code of the Russian Federation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikova, Marina V.	E-mail: mvlushnikova@mail.ru
	Doc. Sc. (Jurisprudence), Professor, Department of labour law and financial law, Honored Lawyer of the Russian Federation

Формы международного сотрудничества в сфере налогообложения и российское налоговое законодательство

М. В. Лушникова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-266-277
УДК 341.24

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье дано авторское определение современных форм международного сотрудничества в сфере налогообложения. К таковым отнесены: международное налоговое администрирование; разграничение налоговой юрисдикции государств и борьба с недобросовестной налоговой конкуренцией государств; сближение налоговых систем государств. В отношении каждой формы международного сотрудничества отмечены международные правовые принципы, положенные в их основу: международная налоговая прозрачность, налоговый суверенитет государства и его налоговая юрисдикция; запрет недобросовестной налоговой конкуренции и др. Особое внимание уделено вопросам имплементации названных международных форм налогового сотрудничества в российское законодательство.

Ключевые слова: международное налоговое право; международные налоговые соглашения об избежании двойного налогообложения; сближение налоговых систем государств; Налоговый кодекс РФ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушникова, Марина Владимировна

E-mail: mvlushnikova@mail.ru

Доктор юридических наук, профессор кафедры
трудового и финансового права, Заслуженный
юрист Российской Федерации

Вопрос о международном налоговом праве как отрасли является довольно дискуссионным как в российской, так и зарубежной юридической науке. Не вдаваясь в существо этой дискуссии, тем более что она не обойдена вниманием исследователей [1, с. 54–145], расставим лишь необходимые

нам акценты в рамках предлагаемой к рассмотрению проблемы форм международного сотрудничества в сфере налогообложения. Начнем с того, что в международном налоговом праве четко прослеживаются две его составные части: международное публичное и международное частное налоговое право. Предметом международного публичного права выступают международные межгосударственные отношения. Под таковыми следует понимать отношения между государствами, международными организациями (глобальными (ОЭСР, ООН, ВТО), региональными (ЕС, ЕАЭС, БРИКС и др.), межрегиональными) по поводу заключения и исполнения международных налоговых соглашений с целью разграничения налоговой юрисдикции государств и обеспечения международного налогового сотрудничества в сфере налогообложения. Нормы международного публичного налогового права – это результат консенсуса, принятие в договорном порядке норм публичными субъектами (государствами, международными организациями). Отметим, что современной тенденцией является повышение роли гибкого налогово-правового регулирования (*soft law*), которое «начинает выполнять роль своеобразного цементирующего начала в условиях многообразия источников и довлеющей регионализации в международном налогово-правовом регулировании» [1, с. 125]. Имеются в виду финансовые правила в форме международных стандартов, основных принципов, кодексов поведения, лучшей практики, о чем речь пойдет ниже. Международное публичное налоговое право носит многоуровневый характер, включая глобальный (всеобщий) (например, международные стандарты в сфере налогообложения Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)), региональный (межрегиональный) (например, ст. 72; 73 Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)) и индивидуальный (например, двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения).

Предметом международного частного налогового права выступают отношения с иностранным элементом (иностраный элемент в субъекте или объекте налогообложения), т. е. это отношения по уплате налогов (трансграничное налогообложение). Они возникают между государством и иностранным субъектом и (или) между государством и налоговым резидентом государства в связи с объектами налогообложения за пределами государства.

Прежде чем перейдем к определению форм международного сотрудничества, отметим, что в литературе по международному налоговому праву ряд авторов выделяют среди принципов данной отрасли принцип сотрудничества, который рассматривается в качестве противовеса доминированию принципа налогового суверенитета государств [2, с. 147–216].

На сегодняшний день в рамках международного публичного налогового права сформировались, на наш взгляд, следующие правовые формы сотрудничества государств в сфере налогообложения:

Международное налоговое администрирование:

- а) обмен налоговой информацией;
- б) налоговый контроль;
- в) взаимосогласительные процедуры.

Разграничение налоговой юрисдикции государств:

- а) избежание двойного международного налогообложения;
- б) борьба с недобросовестной налоговой конкуренцией государств.

Сближение налоговых систем государств:

- а) международная налоговая гармонизация;
- б) международная налоговая унификация налоговых систем государств.

В условиях глобализации одной из определяющих тенденций в развитии международного налогового права становится выработка «единых стандартов и требований к механизмам функционирования национальных налоговых систем как в аспекте внутригосударственного, так и трансграничного регулирования в том числе, к транспарентности, обмену налоговой информацией, добросовестной налоговой конкуренции и т. п.» [1, с. 126].

Остановимся на краткой характеристике каждой из названных форм и порядке их имплементации в действующее российское налоговое законодательство. Начнем с международного налогового администрирования. Эта форма сотрудничества государств основана на принципе международной налоговой прозрачности.

До недавнего времени, а именно до ратификации РФ Конвенции Совета Европы и ОЭСР о взаимной административной помощи по налоговым вопросам (1988 г.) (Multilateral Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters, ETS № 127) (вступила в силу для РФ с 1 января 2015), эти проблемы решались, как правило, на уровне отдельных индивидуальных международных соглашений об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) РФ с конкретным государством и предусматривали довольно сложные формы взаимодействия государств, завязанные на судебные процедуры.

С ратификацией РФ данной многосторонней Конвенции (ФЗ от 04.11.2014 № 325-ФЗ) ситуация принципиально меняется. В настоящее время эту Конвенцию ратифицировали 119 государств. Названная Конвенция предусматривает обмен налоговой информацией государствами, ратифицировавшими Конвенцию, а) по запросу налоговых служб государства; б) в порядке инициативного обмена; в) обмена в автоматическом режиме на основании

дополнительных международных соглашений. Определяются в Конвенции режимы налоговых проверок: а) одновременные совместные проверки с обменом результатами; б) налоговые проверки за границей, но на основании дополнительного международного соглашения. Результатом международного сотрудничества государств в рамках рассматриваемой Конвенции является и взыскание налоговой задолженности: а) взыскание недоимки по налогам с граждан и компаний по запросу другого государства; б) применение обеспечительных мер по запросу другого государства.

Применительно к Российской Федерации эта Конвенция распространяется практически на все виды налогов, за исключением страховых взносов в ПФ, ФСС и ФОМС. Во исполнение международных норм Конвенции внесены дополнения в действующий НК РФ. Появился Раздел VII.1 НК РФ «Выполнение международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения и взаимной административной помощи по налоговым делам» (ФЗ от 27.11.2017 № 340-ФЗ). Глава 20.1 посвящена автоматическому обмену финансовой информацией с иностранными государствами (территориями). В главе 20.2 устанавливается порядок международного автоматического обмена страновыми отчетами в соответствии с международными договорами Российской Федерации. Определена процедура такого автоматического обмена финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств. Агрегаторами информации о налогоплательщиках и лицами, осуществляющими обмен, называются налоговые органы присоединившихся государств. На финансовые организации возложена обязанность по сбору и аккумулированию информации о налогоплательщике и проведению соответствующей проверки указанных сведений. Нельзя не отметить и главу 14.4-1 НК РФ «Представление документации по международным группам компаний», в рамках подзаконного нормотворчества – Постановление Правительства РФ от 16 июня 2018 г. № 693 «О реализации международного автоматического обмена финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств (территорий)» и Приказ ФНС России от 03.11.2020 № ЕД-7-17/788@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией», включающий 79 государств. Кстати, перечень юрисдикций, между которыми происходит автоматический обмен информацией, размещается на официальном сайте ОЭСР.

Между тем рассматриваемая Конвенция была ратифицирована РФ с оговоркой в части взыскания налоговой задолженности и применения обеспечительных мер. РФ полагает, что вопросы оказания помощи по взысканию налоговых платежей иностранным государствам на территории нашего государства должны решаться на уровне двусторонних междуна-

родных договоров государств на основе принципа взаимности. В этой связи в НК РФ никаких дополнений и изменений не вносилось.

Несколько замечаний следует сказать в отношении международных административных взаимных согласительных процедур (*mutual agreement procedure*), которые предусматриваются СИДН и преследуют цель разрешить вопрос, возникающий в ходе исполнения его обязательств. В литературе отмечается, что в рамках данной согласительной процедуры «налогоплательщику не гарантировано, что налогообложение в нарушение соглашения может быть устранено, несмотря на то, что он может принудить компетентные власти начать эту процедуру [3, с. 228]. В СИДН, заключенных РФ, обычно содержится специальный раздел, посвященный взаимосогласительным процедурам, и практически отсутствует согласие сторон на применение арбитража или процедур по взысканию налогов. Но ратификация РФ Конвенции об административной помощи по налоговым делам в значительной степени «снижает роль двусторонних инструментов в сфере отношений по взысканию трансграничных налоговых платежей» [1, с. 375].

Как отмечалось выше, следующая форма международного сотрудничества нацелена на разграничение налоговой юрисдикции государств, избежание двойного международного налогообложения и принятие международных мер борьбы с недобросовестной налоговой конкуренцией государств. Двойное (множественное) налогообложение является результатом конфликта налоговых юрисдикций государств, и разрешение этого конфликта предполагает совместные международные усилия государств. Эта форма международного сотрудничества основана на международных принципах налогового суверенитета государства и его налоговой юрисдикции, а также принципе запрета недобросовестной налоговой конкуренции с использованием офшорных зон и низконалоговых юрисдикций. Отметим, что в этой части особое место отводится «мягкому» международному праву. Речь идет о Типовых моделях международных налоговых соглашений об избежании двойного налогообложения: Типовой Конвенции ООН об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами (2011); Типовой Конвенции ОЭСР в отношении налогов и доходов между развитыми странами. Первая основана на принципе территориальности, т. е. преимущественного налогообложения источника дохода, иными словами, налогообложение в странах, где извлекается доход. В качестве метода устранения двойного налогообложения предлагается метод налогового кредита. Вторая типовая Конвенция – Конвенция ОЭСР – имеет в основе принцип резидентства, т. е. преимущественного налогообложения в государстве налогового резидента, и предусматривает

два метода устранения двойного налогообложения: метод освобождения и метод налогового кредита. Значение этих модельных конвенций трудно переоценить, поскольку они являются основой для унификации договорных норм при заключении государствами СИДН.

В настоящее время в РФ заключено 92 соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН), действуют 83. Налоговые соглашения РФ следуют Модели ОЭСР с отдельными элементами использования Модели ООН, что отражено в Типовом соглашении об избежании двойного налогообложения доходов и имущества (утв. Постановлением Правительства РФ № 84 от 24 февраля 2010 г.). Международные договоры об избежании двойного налогообложения образуют правовую основу межгосударственных отношений в сфере налогообложения доходов, имеющих трансграничную природу, и обеспечивают фискальные интересы государств. Между тем в XXI веке набирает силу и значимость новая тенденция в международном налогово-правовом регулировании, когда формируется многосторонний инструмент (многосторонние договоры), призванные модифицировать систему двусторонних договоров об избежании двойного налогообложения [7]. Одну из таких многосторонних Конвенций об административной помощи по налоговым делам мы рассмотрели выше, о следующей – пойдет речь далее.

Налоговый суверенитет государств имеет и «свои издержки». Речь идет о недобросовестной налоговой конкуренции государств. Конкуренция имеет место на международном рынке не только товаров, работ, услуг, но и налоговых юрисдикций государств. Межгосударственная налоговая конкуренция заключается в соперничестве налоговых юрисдикций государств за право привлечь максимальное количество налоговых ресурсов под влияние своего национального налогового законодательства, создать такой режим налогообложения, который приведет к перемещению части налоговой базы на другую территорию, что в конечном итоге означает «размывание налоговой базы». В этом ключе представляет несомненный интерес источник «мягкого» международного налогового права – План действий ОЭСР по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения от 15 октября 2015 г. (Base Erosion and Profit Shifting (BEPS)). В рамках этого Плана государствам были предложены рекомендации, подразделенные на три категории: 1) относительно национального законодательства; 2) относительно налоговых соглашений; 3) по фактору развития международного сотрудничества в данной сфере. Все они могут быть квалифицированы как международные рекомендации по разработке антиуклонительных мер, т. е. мер против уклонения от налогообложения: система правил, препятствующих применению низ-

коноалоговых юрисдикций (anti-haven measures); правил о трансфертном ценообразовании (transfer pricing rules); правила о контролируемых корпорациях (controlled foreign corporation); правила о бенефициарном владельце (beneficial owner) и др.

Значительная часть этих рекомендаций в той или иной мере нашла отражение в изменениях в действующем российском налоговом законодательстве и его дополнениях. Так, в рамках рекомендаций Плана, адресованных национальному законодателю, отмечается, что государства должны принять правовые нормы, регулирующие деятельность контролируемых иностранных компаний (КИК), и применять их с целью противодействия уклонению от уплаты налогов. Соответственно, в НК РФ (ФЗ от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ) появился новый специальный субъект налогового права – контролируемая иностранная компания (КИК), определен критерий установления статуса налогового резидента для организаций – по месту управления (ст. 246.2 НК РФ); внедрены институт самопризнания обособленного подразделения иностранной организации в России российским налоговым резидентом, понятие «лицо, имеющее фактическое право на доходы».

Призыв Плана (BEPS) к национальному законодателю в отношении трансфертного ценообразования нашел отражение в Разделе V.I НК РФ «Взаимозависимые лица и международные группы компаний. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании. Документация по международным группам компаний» (ФЗ от 18.07.2011 № 227-ФЗ с посл. изм. и доп.) Неслучайно считается, что XXI век – это «налоговая среда распределения дохода транснациональных корпораций между государствами» [3, с. 209].

Особое место в рассматриваемом Плане (BEPS) отведено рекомендациям в отношении международных налоговых соглашений в части включения в них положений, предусматривающих ограничение права получения льгот по данным соглашениям в отношении лиц и доходов, затронутых мерами недобросовестной налоговой конкуренции, а также устранение неопределенностей и неясностей в ключе совместимости национального законодательства и налоговых соглашений. Названные рекомендации впоследствии были «подняты» на уровень международных стандартов в рамках многосторонней «Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения» (2016).

РФ подписала эту Конвенцию, и она вступила в силу в июле 2018 г. Данная Конвенция имеет «гибкий» механизм ратификации, который допу-

скает ратификацию минимального набора ее статей, с последующим расширением этого перечня. Во исполнение ст. 7 многосторонней Конвенции «Предотвращение злоупотреблений положениями договора» Российской Федерацией был выбран вариант «PPT + SLoB», т. е. тест основной цели (PPT), дополненный упрощенным положением об ограничении льгот (SLoB) [5, с. 36–40]. Применение налоговых льгот, преференций соглашений об избежании двойного налогообложения будет признано налоговым органом неправомерным, если совокупность сделок (операций) свидетельствует о том, что их главной целью являлось выведение дохода, полученного в России, из-под налогообложения и формальное совершение операций для использования преимуществ по этим международным договорам. Анализ судебной практики, проведенной ФНС, показывает, что основной вопрос в спорах о применении норм СИДН, который исследуется судом, – это оценка деловой цели и правильность квалификации существа совершенных сделок (операций) (письмо ФНС от 28.04.2018 № СА-4-9/8285). Налогоплательщики должны обосновывать необходимость совершения сделок и конкретных спорных операций и необходимость привлечения иностранных компаний в структуру бизнеса, а также представлять доказательства обоснованности предпринимательского риска и разумности сделанного выбора, иными словами, бремя доказывания лежит на налогоплательщике.

Соблюдение принципа запрета злоупотребления международными налоговыми соглашениями связано с легализацией в НК РФ с 1 января 2015 г. концепции лица, имеющего фактическое право на доходы (бенефициарного владельца). Льготные положения, преимущества международных соглашений об избежании двойного налогообложения при выплате доходов иностранному лицу применяются именно к фактическому получателю доходов. В соответствии с международными стандартами применения СИДН в НК РФ (ст.7) были внесены дополнения и определены признаки лица, имеющего фактическое право на доходы (ФПД). Концепция лица ФПД, имеющего фактическое право на доходы, распространена не только на пассивные доходы, но и активные доходы от экономической деятельности. При этом налоговые льготы, предусмотренные СИДН, подразделяются на два типа: а) полное освобождение дохода от удержания у источника выплаты (российского налогового агента); б) удержание налога у источника выплаты (российского налогового агента) по пониженным ставкам.

В Письме ФНС от 28.04.2018 № СА-4-9/8285 особо подчеркивается, что право на применение льготы напрямую поставлено в зависимость от того, является ли лицо, получающее льготу, фактическим собственником получаемого дохода, а также находится ли реальный центр прибыли в стране, предоставляющей льготы. Фактический получатель дохода

противопоставляется номинальному владельцу дохода (кондуитной компании). Здесь следует также упомянуть довольно информативный обзор судебных споров по вопросам применения положений международных налоговых договоров и злоупотребления законодательством при трансграничных операциях (Письмо ФНС от 6 мая 2019 г. № СА-4-7/8448@).

Важно заметить, что в рамках национального контекста российского налогового законодательства концепция лица фактического получателя дохода рассматривается как проявление более общей доктрины необоснованной налоговой выгоды [6, с. 76–77].

Многосторонняя Конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения стала фактором, определившим не только новации в российском налоговом законодательстве, но и пересмотр системы СИДН РФ (Кипр, Мальта, Нидерланды и др.) в части повышения налоговых ставок на пассивные доходы (дивиденды, проценты), выплачиваемые за рубеж.

Налогообложение трансграничных пассивных доходов регулируются и СИДН, и национальным законодательством. В последнем случае имеются в виду правила тонкой (недостаточной) капитализации. В целях реализации антиуклонительных мер в НК РФ (ст. 269) были внесены изменения и дополнения (ФЗ от 15 февраля 2016 г. № 25-ФЗ), которые направлены на пресечение незаконных налоговых схем. Суть этих схем заключалась в том, что под видом процентов по долговым обязательствам иностранным организациям фактически выплачивались дивиденды.

И, наконец, «дошла очередь» до третьей формы международного сотрудничества – сближения налоговых систем государств. Она является «оборотной стороной» медали в отношении налогового суверенитета государства и налоговой юрисдикции государства. В рамках этой формы международного сотрудничества государства в согласительном порядке в определенной ими части ограничивают свой налоговый суверенитет и налоговую юрисдикцию [7, с. 96–103]. Такая форма сотрудничества актуальна и наиболее эффективна в рамках, как правило, международных региональных и межрегиональных организаций, в которых провозглашаются принципы единого (общего) рынка и принципы свободы движения товаров, работ, услуг, капиталов. Сближение налоговых систем государств проводится в двух правовых процедурах: гармонизации и унификации налоговых систем государств. Гармонизация налоговых систем государств – это установление общих подходов, принципов правового регулирования налоговых отношений, чаще всего на основе рекомендательных международных норм. Показательными примерами является ряд соглашений СНГ

о взаимодействии в налоговой сфере (например, Соглашение о взаимодействии государств – участников Содружества Независимых Государств – по сближению механизма налогообложения на железнодорожном транспорте (Москва, 10.03.2000); модельное налоговое законодательство СНГ (например, Модельный Налоговый кодекс СНГ)). Унификация налоговых систем государств – установление единообразных норм и юридических конструкций в регулировании налоговых отношений. При этом разграничивается косвенная унификация, когда государства обязуются ввести в национальное законодательство унифицированные международные нормы, и прямая унификация, т. е. прямое и непосредственное действие унифицированных международных норм на территории государств.

Названная форма международного сотрудничества реализуется государствами – участниками Евразийского экономического союза. В соответствии с Договором о ЕАЭС от 29.05.2014 (п. 2 ст. 5) государства – члены союза – осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах, которые установлены данным Договором и иными договорами Евразийского союза, в иных случаях – в соответствии с п. 3 ст. 5 – государства только стремятся к подобному осуществлению. Очевиден посыл к гармонизации налоговых систем государств, но вместе с тем государства – участники ЕАЭС – ограничивают возможность самостоятельной реализации своих суверенных прав в случаях, которые установлены Договором. В рамках ограничения своего налогового суверенитета и обеспечения гармонизации налоговых систем государства также договорились о признании и соблюдении общих принципов налогообложения. Речь идет в первую очередь о принципе применения национального режима в отношении налогообложения ввоза товаров на территорию государства – члена Союза с территории другого государства – члена Союза. Но при этом каждое государство вправе определять свои ставки косвенных налогов. Договором о ЕАЭС (ст. 73) ограничены суверенные права государств в части налогообложения доходов физических лиц на основе применения унифицированного принципа национального налогового режима места работы. К доходам трудящегося ЕАЭС применяется ставка того государства, в котором он работает.

Во взаимной торговле государства ЕАЭС также договорились о соблюдении принципа единства экономического пространства государств ЕАЭС, т. е. принимаемые государствами меры в сфере налогообложения не должны создавать препятствия свободному перемещению товаров, работ и услуг в границах ЕАЭС и нарушать условия конкуренции.

В отношении сближения налоговых систем в части косвенного налогообложения (НДС, акциз) просматриваются наряду с гармонизацией

и элементы унификации налогового законодательства государств на основе унифицированных международных норм Договора о ЕАЭС. В ст. 72 Договора установлен единый для государств-участников принцип косвенного налогообложения – принцип страны назначения. При этом ограничены суверенные права государств в части взимания и механизма контроля за уплатой, унифицировано определение места реализации товаров, работ, услуг для целей исчисления НДС (Приложение к Договору о ЕАЭС № 18 Протокол о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг).

Таким образом, XXI век для России – время активной имплементации международных налоговых стандартов. Если в прошлом веке «правили бал» двусторонние международные налоговые соглашения об избежании двойного налогообложения, то в настоящее время набирает силу многостороннее международное сотрудничество в направлении принятия как международных стандартов по антиуклонительным мерам, так и международных норм по гармонизации и унификации налоговых систем в рамках международных организаций.

Ссылки

1. Винницкий Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2017. 463 с.
2. Шахматъев А. А. Международное налоговое право. М.: Международные отношения, 2014. 824 с.
3. Шепенко Р. А. Международные налоговые правила в системном изложении. М.: Проспект, 2021. 240 с.
4. Хаванова И. А. Международные договоры Российской Федерации об избежании двойного налогообложения: монография / под ред. И. И. Кучерова. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2016. 352 с.
5. Хаванова И. А. Диагностика налоговой выгоды в национальном и международном праве (методологические аспекты) // Налоги. 2021. № 1. С. 36–40.
6. Демин А. В., Николаев А. В. Доктрина бенефициарного собственника в налоговом праве. М.: Проспект, 2021. 296 с.
7. Актуальные проблемы финансового и налогового права / отв. ред. М. В. Карасева. М.: Проспект, 2020. 272 с.

Codification of legislation in the transitional period: pro et contra

A. B. Ivanov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-278-283

Research article
Full text in Russian

The article considers the question of the expediency of legal codification in the transitional periods of the development of society. The debatable nature of this issue in the legal doctrine is shown – from the complete denial of the possibility of creating a high-quality and effective codified act in an unstable era, to the admission of their development under certain conditions and recognition of the transition period as the most favorable for the purposes of codification. There is a lack of unified approaches to understanding the essence of the transition period, clear criteria for distinguishing it from related concepts and other periods of social development identified by scientists («stabilization», «the beginning of a new order of relations», etc.). The article draws attention to the fact that the need of society for legal certainty, in an orderly and appropriate to specific historical conditions legislation exists regardless of the era experienced by society, and the transition period in this case cannot be considered an exception. When deciding on codification, it is important to take into account not only the state of society, but other factors (the quality of the current code, the availability of material for a new codification, the level of development of legal doctrine in the country, the existing experience of codification, legal regulation and law enforcement in a particular area, etc.). It is important to develop the conceptual aspects of codification and its strategic directions taking into account the transitional state of society. Legal science has a key role to play in solving these issues.

Keywords: Codification, transitional period, codified act, legal certainty, legal science

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanov, Artyom B. | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
| Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Кодификация законодательства в переходный период: pro et contra

А. Б. Иванов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-278-283
УДК 340.136

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается вопрос о целесообразности проведения юридической кодификации в переходные периоды развития общества. Показывается дискуссионный характер этого вопроса в правовой доктрине – от полного отрицания возможности создания качественного и эффективного кодифицированного акта в нестабильную эпоху до допущения их разработки при наличии определенных условий и признания переходного периода как наиболее благоприятного для целей кодификации. Отмечается отсутствие единых подходов к уяснению сущности переходного периода, четких критериев для отграничения его от смежных понятий и иных выделяемых учеными периодов социального развития («стабилизация», «начало нового порядка отношений» и др.). В работе обращается внимание на то, что потребность общества в правовой определенности, в упорядоченном и соответствующем конкретным историческим условиям законодательстве существует независимо от переживаемой социумом эпохи и переходный период в этом случае нельзя считать исключением. Принимая решение о кодификации, важно учитывать не только состояние общества, но и иные факторы (качество действующего кодекса, наличие материала для новой кодификации, уровень развития правовой доктрины в стране, имеющийся опыт кодификации, правового регулирования и правоприменения в конкретной сфере и др.). Концептуальные аспекты кодификации, ее стратегические направления важно разрабатывать с учетом переходного состояния общества. В решении данных вопросов ключевую роль призвана сыграть юридическая наука.

Ключевые слова: кодификация; переходный период; кодифицированный акт; правовая определенность; юридическая наука

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов, Артем Борисович | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Вопрос о целесообразности юридической кодификации в переходные периоды общественного развития имеет как теоретическое, так и прикладное значение, поскольку потребность в правовой определенности, лучше

© Иванов А. Б., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

всего обеспечиваемой именно кодификацией, является актуальной для социума независимо от переживаемой им эпохи.

В научных работах традиционно обращается внимание на зависимость качества кодифицированного акта от степени устойчивости общественных отношений, относящихся к предмету его регулирования, в связи с чем делается общий вывод о неэффективности кодификации, осуществляемой во времена социальных трансформаций. «Будучи отражением жизни, – писал дореволюционный исследователь В. М. Нечаев, – право становится ясным и устойчивым только тогда, когда в самой жизни намечаются определенно симпатии общества и государства и господствует или определенно устанавливается прочный порядок быта. Эпохи переходные, поэтому меньше всего пригодны для кодификации, так как борьба отживающих и новых принципов препятствует ясному проведению тех или иных из них в кодексе» [1, с. 539]. К похожим выводам приходила и советская доктрина. Видный ее представитель – С. Н. Братусь – констатировал, что для кодификации важна «определенная стабильность отношений». В противном случае «жизнь опережает кодекс, появляются новые нормы, обеспечивающие проведение текущей политики, фактически прекращающие действие норм кодекса» [2, с. 11]. И в постсоветский период подход к рассматриваемому вопросу у большинства ученых не изменился. Так, В. В. Сорокин был убежден в том, что «кодекс, принятый в переходных условиях, в принципе не может являть собой согласованную систему правовых мер», в то время как он «по определению должен выступать целостным и устойчивым законом, на который сориентирован весь действующий нормативно-правовой массив и ему строго соподчинен». Вследствие отмеченного противоречия автор считал возможным введение официального «моратория» на принятие кодексов в переходную эпоху [3, с. 60].

В целом правовая доктрина делает акцент на следующих «побочных эффектах» кодификации (кодексов) переходного периода развития общества. Это:

1. Неспособность обеспечить баланс интересов различных социальных групп, отразить утраивающие большинство граждан направления правового регулирования;
2. Несоответствие регулируемым общественным отношениям, быстро возрастающее в условиях динамичных социальных изменений;
3. Невозможность стать правовым ядром в своей сфере регулирования, обеспечить системное развитие соответствующего законодательства.

Соглашаясь частично с рассмотренным подходом, важно вместе с тем подчеркнуть, что понятия «переходный период» и «кодификация» все же не следует категорично считать взаимоисключающими. Проблема кодификации в переходный период при ее более детальном анализе представляется более сложной. Даже у приверженцев тезиса «переходная эпоха – нестабильный и несбалансированный кодекс» допускаются оговорки, которые, как минимум, являются исключениями из общего правила; более того, в их рассуждениях можно увидеть и противоречия.

Так, В. М. Нечаев считал наиболее благоприятным для кодификации такой период, когда происходит «решительный разрыв со старым порядком отношений и ясно намечается новый, господство которого утверждается симпатиями огромного большинства нации». Ученый называл этот период «эпохой, начинающей новый порядок отношений». По его убеждению, такая эпоха «дает возможность легкого определения принципов... развития» [1, с. 538, 539]. Выделив эпохи «переходные» и «начинающие новый порядок отношений»¹, В. М. Нечаев, однако, не установил четких критериев для их разграничения, не определил «индикаторы», наличие которых позволяет инициировать кодификацию. Представляется, что грань между указанными эпохами достаточно условная, поскольку и в том и в другом случае нельзя исключать социальных противоречий, нестабильности и других общих черт. Например, время после распада СССР (постсоветский период 1990-х гг.) можно в принципе считать эпохой, «начинающей новый порядок отношений», хотя современники рассматривали ее не иначе как переходную [4, с. 53–54], что, однако, не помешало осуществить в данные годы ряд отраслевых кодификаций. Таким образом, целесообразность «размежевания» названных эпох вызывает сомнения; по крайней мере, для этого требуются точные критерии.

Другой упомянутый исследователь – С. Н. Братусь – допускал, что кодификация может быть успешной в условиях не только социальной стабильности, но и когда имеет место лишь «расчет на эту стабильность» [2, с. 11]. Тем самым ученый, по всей видимости, признавал возможным осуществление законодательной реформы и в нестабильные переходные периоды. К сожалению, С. Н. Братусь не сделал пояснения относительно своей формулировки «расчет на стабильность», не углубился в проблему. Даже В. В. Сорокин, предложив ввести «мораторий» на кодификацию, сделал пояснение, что он «не отвергает значения кодификации в переходных условиях вообще». Автор, в частности, считал оправданной разработку в таких условиях процессуальных кодексов, так как «нормы, посвященные вопросам процедуры судебного разбирательства, в отличие от материальных норм, не носят принципиального политического характера» [3, с. 60]. Кроме того, иные, помимо кодексов, акты кодификации (основы законодательства, уставы, регламенты, положения), по убеждению ученого, «вполне себя оправдывают в переходный период», поскольку являются «временными по юридической природе документами» [3, с. 60]. Оставляя «за скобками» работы вопросы об оправданности «разрыва» кодификации процессуального и материального законодательства и о «временном действии» отдельных кодифицированных актов, следует лишь подчеркнуть, что В. В. Сорокин допускал, хотя и с оговорками, возможность кодификации в переходный период.

В связи с исследуемой проблемой важно обратить отдельное внимание на современные тенденции в ее изучении. В ряде работ переходный период общественного развития перестает позиционироваться как бес-

¹ Также В. М. Нечаев выделял третью эпоху – упадка, в которой, как и в переходной эпохе, кодификация не может быть успешной.

перспективный с точки зрения раскрытия потенциала кодификации. Так, по словам Т. Ф. Ящук, «для переходных периодов, особенно следующих за революцией, кодификация представляет самый подходящий и поэтому распространенный способ обновления законодательства». Кодификация же, в свою очередь, позволяет «быстро и в должном объеме обеспечить соответствующее новым условиям правовое регулирование» [5, с. 381]. Данный вывод базируется на анализе эмпирического материала, относящегося к советским кодификациям. Т. Ф. Ящук установила, что в данную эпоху именно переходный период «сопровождался интенсивной кодификацией», а, «учитывая, что большую часть своей истории советское государство и право находились в переходном состоянии, кодификация выступала приоритетной формой систематизации законодательства» [5, с. 381]. Периоды же «стабилизации» и «стабильности» исследователь считала наиболее подходящими для иных разновидностей юридической систематизации, соответственно для хронологической и предметной инкорпорации и для «сводообразования».

В целом сам по себе факт нахождения общества и государства на переходной ступени развития не исключает возможностей для кодификации, как и период стабилизации вовсе не обязательно приведет к успеху в данной сфере юридической деятельности. Рассматривая вопрос о целесообразности конкретной кодификации, важно подходить к нему комплексно, помимо фактора стабильности общественных отношений, учитывать и целый ряд других моментов. К их числу относятся: состояние законодательства (степень его полноты и упорядоченности, наличие возможностей для адаптации действующего кодекса к изменяющимся отношениям и достаточного объема нормативного материала для нового акта); имеющийся опыт кодификации, правового регулирования и правоприменения в определенной сфере (как отечественный, так и зарубежный); наличие твердой политической воли на проведение кодификации, готовности и возможности обеспечения ее необходимыми средствами и ресурсами (материально-техническими, финансовыми, кадровыми и др.); уровень развития юридической науки, глубина доктринальной разработки проблем кодификации, степень вовлечения научной общественности в процесс создания кодекса и др.

Последний из перечисленных факторов играет ключевую роль в деле кодификации, предопределяет ее результативность, в особенности в переходные периоды. Еще дореволюционные авторы характеризовали данный вид юридической систематизации как «вид законодательства, оплодотворенный юридической наукой» [6, с. 145]. Велика роль правовой доктрины в поиске и выявлении стратегических направлений кодификации, в изложении ее концепции. Так, успех многих российских отраслевых кодификаций постсоветского переходного периода был в значительной степени предопределен весьма активным участием в них представителей различных юридических школ и институтов.

Ярким примером в данном случае стала кодификация трудового права, завершившаяся принятием в декабре 2001 г. Трудового кодекса РФ. Именно трудовправовой доктриной были определены и сформулированы основные

концептуальные подходы к развитию отраслевого законодательства и его последующей кодификации в условиях социальной нестабильности, перехода от плановой системы к рыночным отношениям [7, с. 280–282]. Считая новую кодификацию актуальной задачей, ученые-трудовики при этом подчеркивали необходимость ее адаптации к условиям переходного периода [см., напр., 8, с. 42–48; 4, с. 53–61; 9, с. 5 и след.]. Предлагалось не форсировать принятие кодекса, а, учитывая изменчивость социально-экономической обстановки, реформировать трудовое право путем принятия пакета новых законов и лишь впоследствии на опыте их применения создать новый кодекс. «Оставление в силе КЗоТ, – отмечал Е. Б. Хохлов, – принесет меньше вреда развивающимся социально-экономическим процессам, нежели поспешное принятие нового Кодекса, недостатки которого презюмируются еще до его принятия» [8, с. 47]. «При формировании новой концепции трудового права, – писал С. А. Иванов, –... надо быть реалистом, приспособлять право к этому периоду, ориентироваться на него» [4, с. 53]. В этой связи трудовая наука предлагалось уделить большое внимание защитным мерам, сохранить определяющее влияние государства на регулирование трудовых отношений, обеспечить преобладание публичных начал над частными, централизации над децентрализацией. Впоследствии многие предложения доктрины нашли отражение в новом кодифицированном акте.

В целом юридическую кодификацию в переходный период развития общества можно считать допустимой при условии учета законодателем особенностей переходной эпохи.

Ссылки

1. Нечаев В. М. Кодификация // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 15-а С. 535–551.
2. Развитие кодификации советского законодательства / отв. ред. С. Н. Братусь. М., 1968. 247 с.
3. Сорокин В. В. О систематизации переходного законодательства // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 59–61.
4. Иванов С. А. Трудовое право переходного периода: некоторые проблемы // Государство и право. 1994. № 4. С. 51–56.
5. Яцук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период: монография. Омск, 2021. 414 с.
6. Люблинский П. И. Кодификация // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о» / под ред. Ю. С. Гамбарова [и др.], М., 1914. Т. 24. С. 413–432.
7. Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001. 384 с.
8. Маврин С. П., Хохлов Е. Б. О кодификации трудового законодательства // Государство и право. 1996. № 6. С. 42–48.
9. Куренной А. М. Трудовое право: на пути к рынку. М., 1997. 368 с.

Debatable issues of need assessment in the context of providing social support measures to families with children

N. V. Roshchepko¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-110-293

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the problems of implementing the introduced mechanism of comprehensive assessment of need for the purpose of assigning benefits to women who have been medically registered in early pregnancy, payments for children aged 3 to 7 years, from 8 to 17 years. It is emphasized that the need to form an integrated system of targeted provision to families with children is long overdue, as well as the change in the parameters of the definition of low-income. The comparison of the average per capita income of a family with the subsistence minimum in this context is not representative. The legal structure of a comprehensive need assessment has significant advantages. Thus, the «zero income» rule not only encourages employment (employment) on a systematic basis, but also removes uncertainty regarding the assessment of a particular circumstance as objectively preventing a family from getting out of a state of need. At the same time, the author notes a number of contradictions and gaps of the mentioned norms, which confirms the analysis of judicial practice.

Keywords: family; children; targeting; social support; neediness; comprehensive assessment; per capita income; zero income

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Roshchepko, Natalya V. | E-mail: n.roshchepko@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Дискуссионные вопросы оценки нуждаемости в контексте предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми

Н. В. Рощепко¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-110-293
УДК 349.3

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблемам реализации введенного механизма комплексной оценки нуждаемости для целей назначения пособия женщинам, вставшим на медицинский учет в ранние сроки беременности, выплат на детей в возрасте от 3 до 7 лет, от 8 до 17 лет. Подчеркивается, что необходимость формирования целостной системы адресных предоставлений семьям с детьми назрела давно, равно как и изменение параметров определения малообеспеченности. Только сопоставление среднедушевого дохода семьи с величиной прожиточного минимума в этом контексте не репрезентативно. Правовая конструкция комплексной оценки нуждаемости имеет значительные преимущества. Так, правило «нулевого дохода» не только стимулирует к трудоустройству (занятости) на системной основе, но и снимает неопределенность в части оценки того или иного обстоятельства как объективно-препятствующего выходу семьи из состояния нуждаемости. Вместе с тем автор отмечает ряд противоречий и пробелов упомянутых норм, что подтверждает проведенный анализ судебной практики. В статье сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми (норм, определяющих состав семьи заявителя, а равно правило «нулевого дохода»).

Ключевые слова: семья; дети; адресность; социальная поддержка; нуждаемость; комплексная оценка; среднедушевой доход; нулевой доход

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рощепко, Наталья Владимировна | E-mail: n.roshchepko@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

В 2021 г. комплекс мер государственной поддержки семей с детьми дополнен рядом социально-обеспечительных благ. Теперь в ситуации малообеспеченности семьи система адресных пособий способна сопровождать от периода беременности женщины, рождения ребенка и в общей сложности до достижения им 17 лет. Она включает:

© Рощепко Н. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

- ежемесячное пособие беременным женщинам, вставшим на учет в медицинские организации в ранние сроки беременности (введено с 1 июля 2021 г.)¹;
- ежемесячные выплаты на первого и второго ребенка до 3 лет (рожденных с 1 января 2018 г.)²;
- ежемесячная выплата на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет (введена с 1 января 2020 г.)³;
- ежемесячное пособие на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет, проживающего в семье с единственным родителем или семье, имеющей право на алименты в силу решения суда (введено с 1 июля 2021г.)⁴. С 1 апреля 2022 г. право на данное пособие получают все семьи с детьми указанного возраста.

Данные выплаты дополняют иные действующие в России меры защиты, которые тем не менее не обеспечили доход семьи выше прожиточного минимума в субъекте РФ (А. А. Фомин) [1, с. 27–28]. На федеральном уровне особо подчеркнута необходимость сохранения установленных региональным законодательством пособий, выплат и прочих мер социальной поддержки, назначенных в связи с рождением и воспитанием детей (Н. В. Антонова, О. Ю. Еремина) [2, с. 91–92]. Заметим, помимо общей направленности рассматриваемых выплат, схожести оснований назначения и круга получателей, большинство из них характеризуется повышенными критериями установления нуждаемости лица (семьи). Речь о так называемой комплексной ее оценке, когда право на пособие обуславливает не только низкий среднедушевой доход, но и общее имущественное положение заявителя, членов его семьи. Наличие в собственности движимого и недвижимого имущества, депозитных счетов (вкладов) «сверх допустимо» служит основанием к отказу в назначении соответствующей выплаты, пособия. Аналогично действует и «правило нулевого дохода»: отсутствие в расчетном периоде доходов от трудовой деятельности (в широком смысле) и некоторых других поступлений по причинам, которые не подпадают под установленный перечень «объективных», влечет отказ удовлетворить заявление лица. Комплексная оценка нуждаемости не затронула порядок назначения ежемесячных выплат на детей до 3 лет. Право их получения определяется величиной среднедушевого дохода семьи без учета причин, не позволивших преодолеть состояние малообеспеченности, или предъявлением каких-либо требований о трудоустройстве (занятости) родителей⁵. До апреля 2021 г. по таким же параметрам решался вопрос о праве на ежемесячную выплату на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет.

¹ Ст. 9, 10 Федерального закона от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Российская газета. 1995. 24 мая, № 99.

² Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Указ Президента РФ от 20.03.2020г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁴ Ст. 10.1–10.3 Федерального закона от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

⁵ Письмо Минтруда России от 07.03.2018 № 12-1/10/П-1584 // СПС «Гарант».

Но с повышением, дифференциацией ее размера (увеличение с 50 до 75 % или 100 % прожиточного минимума в регионе) законодатель предусмотрел новый механизм оценки нуждаемости. Инициатива пересмотра исходила непосредственно от субъектов РФ, поскольку выплата на детей от 3 до 7 лет является расходным обязательством последних (при софинансировании из федерального бюджета). Что касается соответствующего пособия беременным женщинам, выплат на первого и второго ребенка до 3 лет, пособий на детей от 8 до 17 лет, то они предоставляются за счет средств федерального бюджета⁶.

Совершенствование параметров оценки нуждаемости призвано выявить наиболее незащищенных лиц, повысить адресность новых видов социально-обеспечительных благ, а равно стимулировать активную занятость трудоспособных граждан (Е. И. Андреева, Д. Г. Бычков, О. А. Феоктистова) [3, с. 124–126]. Именно этим целям служит «правило нулевого дохода» Поскольку от четкого и однозначного закрепления введенных правил зависит реализация прав граждан, остановимся на анализе основных из них. Так, во исполнение Указа Президента РФ от 20.03.2020г. № 199 порядок назначения ежемесячной выплаты на ребенка 3–7 лет установлен Постановлением Правительства РФ от 31.03.2020 № 384⁷ (далее – Постановление № 384). De facto его нормы (в редакции 2021г.) продублированы в Постановлении Правительства РФ от 28.06.2021 № 1037 (далее – Постановление № 1037)⁸, закрепившем правила назначения ежемесячного пособия беременным женщинам и пособия на детей 8–17 лет. Субъектами РФ также приняты акты по вопросам выплат на детей 3–7 лет, но в основном они воспроизводят Постановление № 384, поэтому преимущественно мы будем обращаться к нормам последнего, отмечая особенности, закрепленные Постановлением № 1037. Следует подчеркнуть, что, несмотря на недолгий срок действия рассматриваемых мер поддержки, нормы Постановления № 384, 1037 в 2022 г. претерпели ряд изменений с целью детализации отдельных имущественных критериев и единообразного применения комплексной оценки нуждаемости⁹. Так, скорректировано правило «нулевого» дохода, исключены некоторые поступления из числа учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи, уточнен перечень оснований прекращения выплат. Некоторые новеллы призваны преодолеть отрицательную правоприменительную практику, сложившуюся относительно учета отдельных видов доходов (напри-

⁶ ст.2 Федерального закона от 28.12.2017 №418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», ст. 4 Федерального закона от 19.05.1995 №81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

⁷ Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 03.04.2020г.

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

⁹ См.: Постановление Правительства РФ от 17.02.2022 № 197 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, Постановление Правительства РФ от 28.01.2022 № 68 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 6, ст. 879.

мер, от операций с ценными бумагами)¹⁰. Очевидно, механизм комплексной оценки продуман не до конца, что подчеркивает актуальность настоящего анализа.

Начнем с состава семьи для целей определения права на получение выплат (пособий), исчисления среднедушевого дохода. Это непосредственно заявитель, т. е. родитель (усыновитель) или опекун ребенка, супруг заявителя, несовершеннолетние дети. Нормы п. 19 требований Постановления № 384 позволяют учитывать и детей в возрасте до 23 лет, обучающихся по очной форме, в том числе находящихся под опекой (за исключением детей, состоящих в браке). Суммы стипендии в этой связи включаются в расчет среднедушевого дохода семьи (пп. в) п. 21 требований Постановления № 384). Одновременно законодатель принял во внимание, что учиться по очной форме может и сам заявитель или его супруг и не всегда обучение сопровождается стипендией. Поэтому из правила «нулевого» дохода предусмотрено разумное исключение для заявителя или членов его семьи до 23 лет, обучающихся по очной форме и не получающих стипендию в расчетном периоде (пп. ж) п. 16. требований Постановления № 384). Казалось бы, все логично и четко. Но и здесь найдется место дискуссиям. Проблема в том, что Постановления № 384 и 1037 не конкретизируют, на какую дату определяется состав семьи заявителя. Отсутствуют соответствующие нормы и на уровне регионального законодательства. На практике чаще всего «отправной точкой» служит дата подачи заявления на выплату. Так, именно на эту дату устанавливается факт владения заявителем или членами его семьи движимым или недвижимым имуществом, служащий основанием к отказу в назначении пособия беременным женщинам, выплаты (пособия) на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет. Не предусмотрены и нормы, позволяющие при исчислении среднедушевого дохода учесть динамику изменения состава семьи. Согласно п. 22 требований Постановления № 384 такой доход рассчитывается исходя из суммы доходов всех ее членов за последние 12 календарных месяцев, предшествующих 4 месяцам перед месяцем подачи заявления, путем деления $1/12$ суммы доходов всех членов семьи за расчетный период на число членов семьи. Эта норма не вызовет разночтений при неизменности состава семьи в расчетном периоде и на дату подачи заявления. В равной степени она послужит пользе заявителя, если состав семьи определяется на дату подачи заявления, а в расчетном периоде присутствовали доходы лица, который в последующем был исключен из состава семьи. Например, супруги развелись на день обращения матери ребенка (детей) за выплатой (ее перерасчетом)¹¹. Вместе с тем обозначенный пробел позволяет органам социальной защиты, судам

¹⁰ До февраля 2022 г. доходы от операций с ценными бумагами определялись с так называемого оборота, т. е. по общей сумме поступлений от продажи ценных бумаг без уменьшения на расходы по их покупке, что приводило к безосновательному завышению сумм доходов от искомых операций. Действующая редакция Постановлений № 384 и 1037 предусматривает исчисление спорных доходов за минусом расходов.

¹¹ В такой ситуации среднедушевой доход семьи, которую составляют мать и ребенок (дети), должен определяться исходя из доходов этих лиц, хотя в течение расчетного периода семья включала и супруга.

придерживаться и иного подхода. Так, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции по делу № 8Г-3380/2021¹² посчитал неправомерными выводы нижестоящих судов, указавших, что состав семьи определяется на дату подачи заявления, а действующим законом не предусмотрено устанавливать число членов семьи на период, за который истребуются доходы семьи¹³. В итоге кассация в составе семьи учла старшего сына заявителя, достигшего 18 лет за два месяца до обращения за выплатой¹⁴.

Особенно остро неясность норм Постановлений № 384 и 1037 ощущается в ситуации регистрации заявителем брака и соответствующего увеличения числа трудоспособных членов его семьи в течение расчетного периода или следующих 4 месяцев. Должен ли доход супруга учитываться при определении среднедушевого дохода семьи заявителя за период, когда они не состояли в браке? Если следовать позиции о необходимости определения состава семьи на дату подачи заявления, то супруг является членом семьи и применительно к расчетному периоду все его доходы принимаются во внимание. Уполномоченные органы придерживаются именно такого подхода, подчеркивая: действующие правовые акты не возлагают обязанности определять финансовое участие супруга в жизни и воспитании детей, факт совместного проживания семьи и другие обстоятельства жизни заявителей за период до вступления в брак. Заявители, напротив, обосновывают правомерность учета доходов супруга пропорционально количеству месяцев брака в расчетном периоде или предлагают вовсе не учитывать (если брак был зарегистрирован по его истечении). Эти доводы пока не получили поддержки у судов¹⁵. Действительно, нет оснований для исчисления среднедушевого дохода семьи сообразно динамике ее состава в расчетном периоде. Выплаты (пособия) на детей устанавливаются на будущее. Отсюда необходим актуальный состав семьи заявителя на дату его обращения и прогноз материальной обеспеченности на основе анализа денежных поступлений предшествующего периода, принимаемого в расчет. Что касается доходов супруга заявителя, ставшего таковым к моменту подачи заявления, то их значимость для принятия решения о назначении выплаты на детей бесспорна. Указанный доход будет идти на нужды семьи, членом которой лицо ныне является. Фактически определяется средний показатель того, сколько супруг может дать своей новой семье. Подобные ключевые вопросы не должны являться предметом судебных споров, а потому обращение за ежемесячной выплатой на дату определения состава семьи заявителя должно быть легально закре-

---

¹² Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2021 г. по делу № 8Г-3380/2021[88-4933/2021] // СПС «Гарант».

¹³ См.: Решение Ленинского районного суда г. Перми от 29.09.2020 г. по делу 33-11535/2020 оставлено в силе Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда от 07.12.2020 г. // СПС «Гарант».

¹⁴ Решение принималось на основе норм, действовавших до изменений от 31.03.2021 г. В настоящее время в составе семьи могут учитываться дети старше 18 лет, если им нет 23 лет и они обучаются по очной форме.

¹⁵ Решение Рыбинского районного суда Красноярского края от 19.02.2021 г. по делу № 2-228/2021 // СПС «Гарант».

плено в п. 20 требований Постановления № 384. Созвучного дополнения требуют ФЗ № 418, Постановление № 1037, тем более что примеры нормативного решения имеются. Можно обратиться к порядку назначения ежемесячной выплаты на третьего ребенка или последующих детей (рожденных после 31 декабря 2012 г.) до достижения им возраста 3 лет. Такую выплату рекомендовано установить субъектам РФ Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»¹⁶. Действуя в русле рекомендаций, субъекты РФ не оставили без внимания дату установления состава нуждающейся семьи. Так, согласно Постановлению Правительства Мурманской области от 01.08.2012 № 393-ПП, указанной цели служит именно дата обращения за ежемесячной денежной выплатой.

Четкость норм о составе семьи важна и в контексте правила «нулевого дохода», точнее, его уважительных причин. Их перечень приведен в п. 16 требований Постановления № 384. Кроме прочего, здесь названы прохождение заявителем или членом его семьи военной службы, отбывания лишения свободы¹⁷. Кажется бы, объективность этих причин отсутствия дохода в расчетном периоде сомнений не вызывает. Но, обращаясь к п. 20 тех же требований, мы видим совпадение с перечнем лиц, не включаемых в состав семьи¹⁸. Речь о следующих категориях: лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, находящиеся на принудительном лечении по решению суда или претерпевающие меру пресечения в виде заключения под стражу, а также лица, проходящие военную службу по призыву. Возникает конкуренция норм п. 16 и п. 20 требований Постановления № 384 – одно и то же лицо может как учитываться, так и не учитываться в составе семьи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Можно предположить, что, если данные обстоятельства имели место в отношении заявителя, приоритет отдается п. 16 требований Постановления № 384. Но как будет решаться вопрос, если речь идет о члене семьи заявителя, скажем его супруге? Причиной неясности является отсутствие правовой регламентации даты определения составе семьи заявителя. Можно обозначить варианты применения п. 20 и п. 16 требований Постановления № 384 в зависимости от того, когда имело место соответствующее обстоятельство (скажем, военная служба по призыву):

- если в расчетном периоде член семьи заявителя проходил военную службу по призыву, но на момент подачи заявления (он же момент определения состава семьи) демобилизован, то учитывается в составе семьи, а искомый период службы (включая следующих «льготных» 3 месяца) являются объективной причиной отсутствия дохода;

¹⁶ Российская газета. 2012. 9 мая, № 102.

¹⁷ Включая период не более 3 месяцев со дня демобилизации или освобождения соответственно.

¹⁸ В их числе лица, ограниченные или лишенные родительских прав в отношении ребенка, на которого подается заявление; лица, находящиеся на полном гособеспечении (кроме заявителя и детей под опекой).

- если член семьи заявителя проходит военную службу по призыву на момент подачи заявления, он подлежит исключению из состава семьи, несмотря на то что в расчетном периоде (полностью или в части) не являлся военнослужащим.

Изложенное служит еще одним доводом в пользу нормативного закрепления даты определения состава семьи заявителя. Это обеспечит единообразие применения Постановления № 384, а равно Постановления № 1037.

Неоднократно упоминавшееся правило «нулевого» дохода заслуживает отдельного анализа. Как основание для отказа в назначении выплаты законодатель закрепляет отсутствие дохода¹⁹ у заявителя в расчетном периоде. При этом «нулевой доход» приемлем для единственного родителя или одного из родителей в многодетной семье, а также обоснован некоторыми иными «уважительными» причинами (часть из них мы называли)²⁰. С 1 апреля 2022 г. перечень таких расширен. Так, не принимается решение об отказе в ежемесячной выплате (пособии) по основанию «нулевого дохода», если женщина – заявитель и (или) члены ее семьи были беременны, а срок беременности охватывает 6 и более месяцев расчетного периода или на момент подачи заявления составляет 12 и более недель²¹. Не считая этой специальной нормы, редакция общего правила ставит вопрос о продолжительности периода «нулевого дохода» для принятия уполномоченным органом «отказного» решения? Из буквального прочтения пп. ж) п.16 требований Постановления №384 следует - «нулевой доход» должен охватывать весь расчетный период (12 месяцев). Аналогичные разъяснения дает Минтруд РФ²², а также органы Пенсионного фонда РФ в контексте назначения выплат беременным женщинам, вставшим на учет в ранние сроки, а равно одиноким родителям детей в возрасте от 8 до 17 лет²³. Но тогда правило можно без труда обойти, достаточно эпизодически иметь соответствующие незначительные поступления. Заметим, на практике, период «нулевого дохода» (ввиду необъективных причин) может оцениваться по-разному. В отдельных регионах отсутствие до-

---

¹⁹ Касается доходов по закрытому перечню, а именно пп. а), б), в) ж), л.), н) – п) и с) п. 21 требований Постановления № 384; в частности, это: вознаграждение за выполнение трудовых или иных обязанностей, вознаграждение за работу, услуги, действия в рамках гражданско-правового договора, доходы по договорам авторского заказа, об отчуждении исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, доходы от предпринимательской деятельности, пенсии, стипендии.

²⁰ Из не названного ранее: наличие статуса безработного (не более 6 месяцев) или непрерывное лечение (свыше 3 месяцев); уход за ребенком до 3 лет, уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, инвалидом с детства I группы, инвалидом I группы или престарелым, которому требуется по медицинскому заключению постоянный посторонний уход, либо достигшим 80 лет. Перечень ситуаций, определяющих отсутствие дохода, может быть расширен актами субъектов РФ. Но последние пока ограничиваются дублированием или отсылками к Постановлению № 384.

²¹ Изменения вступают в силу с 1 апреля 2022 г. и закреплены абз. 11 пп. ж) п. 16 требований Постановления № 384, абз. 11 пп. з) п. 13 правил Постановления № 1037.

²² Самые частые вопросы: пособия малообеспеченным семьям на детей от 3 до 7 лет. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/314>.

²³ Информация отделения Пенсионного фонда РФ по Ярославской области от 12.10.2021г. URL: <https://pfr.gov.ru/branches/yaroslavl/news/~2021/10/12/232166>.

хода «без уважительных причин» согласно перечню даже в одном из 12 месяцев расчетного периода влечет отказ в назначении ежемесячной выплаты.

Если следовать разъяснениям Минтруда РФ, наличие дохода хотя бы в одном из месяцев расчетного периода (причем не обязательно за весь этот месяц) исключает «нулевой доход», а значит, причины его отсутствия в других 11 месяцах не имеют юридического значения. Более того, даже при полном отсутствии дохода в расчетном периоде необязательно действие объективных причин должно ему соответствовать. Как установлено Постановлением № 384, причины по пп. ж) п. 16 требований учитываются в совокупности и, если составляют 10 и более месяцев расчетного периода, решение об отказе не принимается. Иными словами, законодатель допускает «нулевой доход» по неуважительным причинам в течение 1–2 месяцев расчетного периода при условии, что за иное время заявитель подтвердит его обусловленность объективными обстоятельствами.

Повторим, при таком законодательном решении правило «нулевого дохода» едва ли будет эффективным стимулом для выхода получателя и членов его семьи на самообеспечение. В равной степени норма не исключит претензии на назначение пособий со стороны лиц, скрывающих реальные доходы как от налогообложения, так и для целей безосновательного получения социального обеспечения. Например, за мерами поддержки семей с детьми считают возможным обращаться предприниматели, официально имеющие весьма условный доход от указанной деятельности; учредители и (или) руководители юридических лиц, не получающие дивидендов по причине нераспределения «чистой прибыли», а также заработной платы ввиду многолетнего нахождения в отпуске без ее сохранения и т. д. До рассматриваемых новелл отказ в помощи таким лицам следовал при выявлении факта сокрытия доходов, например исходя из анализа крупных расходов семьи заявителя, и обосновывался п. 16 требований Постановления № 384 – «представление заявителем недостоверной и (или) неполной информации»²⁴. Так, по делу № 2-601/2021 истица обратилась за ежемесячной выплатой на детей 3–7 лет, указав в числе трудовых доходов семьи заработную плату 7 300 руб. в месяц. Вместе с тем уполномоченный орган располагал документами (сведениями) о приобретении семьей в расчетном периоде недвижимого имущества (жилой дом и земельный участок) общей стоимостью 5,3 млн руб. Поскольку пояснений относительно источника таких расходов истица не представила, а официальный доход семьи не позволял их произвести, суд признал законным отказ уполномоченного органа, отметив, что именно заявитель несет ответственность за полноту и достоверность сведений, указанных им в заявлении, а также в представленных им документах (сведениях)²⁵. Приведенные судебные акты как нельзя лучше

²⁴ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска Ульяновской области от 18.11.2020 г. по делу № 2-4161/2020 // СПС «Гарант»; Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 28.09.2020 г. по делу № 88-4571/202, оставлено в силе Апелляционным определением Ульяновского областного суда от 22.12.2020 г.; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 г. по делу № 8Г-2997/2021 // СПС «Гарант».

²⁵ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска Ульяновской области от 26.02.2021 г. по делу № 2-601/2021 // СПС «Гарант».

подтверждают сложность квалификации не только de jure, но и de facto семей как малообеспеченных, и далеко не всегда суды свободны от формального подхода к ситуации²⁶. С другой стороны, нельзя забывать, что комплексная оценка нуждаемости является новеллой и правоприменительная практика позволит определить направления ее корректировки. На наш взгляд, факт отсутствия доходов по «неуважительным» причинам должен приниматься во внимание, но учет необходим в разрезе каждого из 12 месяцев расчётного периода. В противном случае требования Постановления № 384 породят новый вид «злоупотреблений» – временное трудоустройство (занятость) и получение эпизодических доходов для цели нивелирования норм «о нулевом доходе». В целом анализируемый компонент оценки нуждаемости имеет аналог в сфере социального обеспечения. Так, обусловленность «состояния малообеспеченности» причинами, не зависящими от семьи или одиноко-проживающего гражданина, дает право на государственную социальную помощь²⁷. Дефиниция или перечень «независящих причин» законодателем не закреплены, поэтому в каждом конкретном случае их установление зависит от усмотрения органов социальной защиты. Отсюда и многочисленные споры о признании права на государственную социальную помощь. Некоторую ясность внес Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 2021, где в п. 15 приведены объективные причины, лишаящие семью (гражданина) возможности иметь среднедушевой доход выше прожиточного минимума²⁸. Тем не менее в свете оценочного характера категории «независящих причин» это не снижает остроты вопроса о праве на социальную помощь. В сравнении с ней правовая конструкция «нулевого дохода» предпочтительнее, поскольку снимает неопределенность касаясь оценки того или иного обстоятельства (в том числе с учетом его продолжительности во времени), как объективно-препятствующего выходу семьи из состояния нуждаемости. Хотелось бы четкости и по остальным параметрам предоставления дополнительных мер социальной поддержки семьям с детьми.

Ссылки

1. Фомин А. А. Принципы социальной политики Российской Федерации в сфере преодоления бедности // Социальное и пенсионное право. 2019. № 3. С. 26–31.

2. Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 89–102.

3. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Оценка нуждаемости при адресной социальной поддержке // Экономическая политика. 2020. Т. 15, № 5. С. 112–129.

²⁶ Так, Решением Инзенского районного суда Ульяновской области от 31.07.2020 г. по делу №88-5148/2021 исковые требования заявителя (учредитель организации и одновременно ее работник с заработной платой в пределах МРОТ) были удовлетворены. Но суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали позицию органа социальной защиты, признав отказ в пособии на детей 3-7 лет обоснованным (Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 16.10.2020г. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 г. по делу № 8Г-2170/2021// СПС «Гарант»).

²⁷ Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Российская газета. №142. 23.07.1999.

²⁸ Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021г. // СПС «Гарант».

Using the Internet to Spread Extremist Ideology

I. S. Repin¹

¹Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 1 Letchika Pilyutova str., Saint Peterburg, 198206, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-294-303

Research article
Full text in Russian

This article examines regulatory legal acts in the field of information security of the Russian Federation and countering extremism, including plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, regulating such concepts as “extremism” and “social networks”, as well as the main activities in this area. The author studies national and foreign scientists’ views on the issue of understanding the concept of social media including the youth environment. Legislative decisions of different countries in the sphere of information confrontation with extremism are analyzed. The article discusses the problem of rapid development of ways and methods being used to involve new participants of extremist and other unlawful activity by means of telecommunication networks including the Internet. The author stresses the need for improving the state information security system and interaction between countries. Sharing extensive experience as well as preventing extremist behaviour and extremism through measures of administrative and criminal responsibility appear to be necessary.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, Code of Administrative Offences of the Russian Federation, extremism, extremist activity, Internet, social media, social network, latency, differentiation of responsibility, corpus delicti

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Repin, Ivan S. | E-mail: 1234567890076@bk.ru
| Postgraduate

Использование сети Интернет в целях распространения экстремистской идеологии

И. С. Репин¹

¹Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-294-303
УДК 343.98

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье рассмотрены нормативно-правовые акты в области информационной безопасности Российской Федерации и противодействия экстремизму, в том числе постановления пленума Верховного суда Российской Федерации, регламентирующие такие понятия, как «экстремизм», «социальные сети», и основные направления деятельности в данной сфере. Приведены позиции отечественных и зарубежных ученых по вопросу понимания понятия социальных медиа, в том числе в молодежной среде. Проанализированы законодательные решения различных стран в области ведения информационного противодействия экстремизму, проблематика, связанная со скоростью усвоения среди правонарушителей способов и методов вовлечения все новых и новых участников в экстремистскую и иную противоправную деятельность посредством телекоммуникационных сетей, включая Интернет. Доказывается необходимость совершенствования Российской системы информационной безопасности государства, взаимодействия России со странами, в том числе путем обмена накопившегося опыта, а также введения мер административной и уголовной ответственности по предупреждению преступлений экстремистской направленности на основе открытых статистических данных, отражающих Российский сегмент сети Интернет.

Ключевые слова: УК РФ; КоАП РФ; экстремизм; экстремистская деятельность; Интернет; социальные медиа; социальная сеть; латентность; дифференциация ответственности; состав преступления

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Репин, Иван Сергеевич | E-mail: 1234567890076@bk.ru
Адъюнкт Санкт-Петербургского университета
МВД России

В России действует совокупность нормативных правовых актов, которые используют при рассмотрении вопроса об экстремизме. Одним из основных документов является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹. Основной идеей данного документа является запрет на создание на территории РФ любых организаций и сообществ, деятельность которых связана с экстремизмом либо его пропагандой.

Именно в целях профилактики экстремистской деятельности органами власти всех уровней принимаются меры воспитательного, пропагандистского характера, в том числе и путем отслеживания размещенной информации в средствах массовой информации.

Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² запрещено распространение информации, направленной на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Уголовная ответственность предусмотрена за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), создание и деятельность экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

Административная ответственность предусмотрена за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2 КоАП РФ); пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иной атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 20.3 КоАП РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1 КоАП РФ); публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 20.3.3 КоАП РФ).

---

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС Консультант Плюс.

Отдельно стоит отметить внесенные изменения Федеральным Законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ в ст. 282 УК РФ. Так, до 07 января 2019 г. уголовная ответственность наступала за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства вне зависимости от того, сколько раз виновное лицо совершало данное деяние. Преступление считалось оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, указанного в диспозиции статьи. По информации, размещенной на официальном сайте судебных актов Судак.ру, за период с 2013 по 2018 г. включительно к уголовной ответственности по статье 282 УК РФ привлечено более 27 тысяч лиц.

Внеся же поправки в Уголовный закон, законодатель смягчил ответственность за данное противоправное деяние, предоставив возможность исправления без наложения на гражданина судимости: теперь уголовная ответственность наступает лишь после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Указанная поправка значительно повлияла и на судебную практику, и на поведение людей, что свидетельствует о положительной профилактической работе со стороны органов власти.

Вместе с тем стоит отметить, что в большинстве случаев к ответственности привлекаются граждане, которые не сами загрузили материалы на свою личную страницу, а лишь сделали «репост» графического материала, видеороликов и др. При этом подобные действия рассматриваются правоприменителями как акт распространения, что прямо следует в том числе и из постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Если даже человек хотел привлечь внимание своих подписчиков к данной проблеме, при этом не высказывая положительного отношения к данному факту, он является распространителем и может также стать участником судебных разбирательств (преамбула к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11)³.

Исходя из нормативных правовых актов, необходимо дать индивидуальное толкование терминам «социальные медиа», «интернет-технологии», «PR-технологий».

В частности, социальные медиа (от англ. social media, social networking services) представляют собой коммуникативные средства, которые используются при взаимодействии через Интернет. Единого четкого определения этому понятию найдено не было, так как оно относительно новое, тем более связано с Интернетом, который является динамично развивающимся

---

³ О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16. URL: <https://rg.ru/2010/06/18/smi-vs-dok.html> (дата обращения: 19.03.2022).

явлением. Использование термина «социальные медиа» берет свое начало в 1960-х гг., когда впервые учеными была озвучена проблема изменения коммуникативных средств по причине расширения поля взаимодействия и общения субъектов между собой. Так, использование различных контекстов взаимодействия явилось причиной появления различных трактовок определения «социальные медиа».

Ниже рассмотрим наиболее популярные подходы к определению данного понятия, которые представлены специалистами в области журналистики, рекламы, маркетинга, связей с общественностью и др.

С точки зрения научного сотрудника Ассоциации исследований новых средств коммуникации П. Гиллена, именно социальные медиа представляют собой инструмент, оказывающий значительное влияние на все сферы жизнедеятельности человека. Он связывает их с процессом «объединения различных онлайн-технологий, которые позволяют пользователям общаться друг с другом» [1, с. 625]. Каждый человек, создающий аккаунт в социальных сетях, вправе наполнять его той информацией, какой считает нужным, при этом на основе общих интересов может найти среди иных пользователей собеседников для обсуждения общих тем [1, с. 625].

В своих трудах американский журналист называет интернет-технологии «трамплином», с помощью которого произошло резкое увеличение популярности социальных медиа, ставших платформой для взаимодействия между людьми, которых разделяет расстояние, социальные статусы и т. д. [2, с. 113–115].

При этом советник в области PR С. Блэк в своих работах описал систему инновационных технологий как систему взаимоотношений групп людей с целью обмена мнениями, информацией и т. д.

В своих научных трудах под социальными медиа британский специалист в области PR-технологий С. Блэк описывает систему инновационных технологий, позволяющих взаимодействовать между собой группам людей с целью обмена мнениями, информацией и т. д. [2, с. 113–115].

Несмотря на факты, подтверждающие подключение сети Интернет в России лишь в 1990-х гг., есть свидетельства, согласно которым подобного рода эксперименты проводились в 1950-х гг. при построении сети для удаленного обмена информацией между ЭВМ («Диана-I», «Диана-II», М-40 и др.) [3], что не повлияло на популяризацию данного вида коммуникации. Крупный прирост частных пользователей в России был зафиксирован в начале 2000-х гг., что было связано со стабилизацией экономической и политической ситуации в стране, а также увеличением представителей среднего класса.

За первые 10 лет активного использования Интернета в России наблюдается увеличение количества пользователей онлайн-технологиями более

чем на 1826 % [4]. Данный факт вывел РФ на первое место среди иных стран СНГ, а в общем списке мирового сообщества данный прирост закрепил за Российской Федерацией 48-е место из 159 возможных мест [4].

Исследования, организованные в 2014 году, показали, что на постоянной основе в РФ более 55 млн граждан пользовались онлайн-технологиями. Уже через 5 лет результаты исследования, организованные ВЦИОМ, свидетельствуют, что более 66 % граждан РФ на ежедневной основе используют онлайн-технологии [5]. Стоит отметить, что количество постоянных пользователей Интернета практически совпадает с общей цифрой пользователей. Основными интернет-посетителями был сегмент молодежи в возрасте 16–24 лет, их процент достиг 90. [6]. Такая популярность Интернета изменила его статус с технологии для военных на формирование отдельной виртуальной реальности, в которой каждый человек может находить аудиторию по интересам, создавать сообщества, общаться, вести параллельно иную жизнь.

Анализ теоретических источников позволяет сделать вывод об особенностях социальных медиа: они привлекают пользователей, так как каждый из них может сам создавать контент или пользоваться информацией, которой поделился другой субъект на интернет-портале, веб-сайте.

Использование социальных медиа упрощает и в то же время обогащает процесс коммуникации в современном мире. Каждый человек может начать общение с другим пользователем из любой точки мира, при этом получит (а может и не получить) оперативный ответ, подкрепленный графическими материалами, ссылками на интересующую тему, что позволяет воспроизвести полную картину о вопросе на любую тематику.

Ниже опишем тренды, присущие социальным медиа, которые способствуют популяризации онлайн-площадок. К ним относят [7]:

- динамичный характер деятельности пользователей, которые используют самый разнообразный контент в сети Интернет;
- использование синдикации: RSS и другие технологии применяются пользователями при самостоятельном контроле над потребляемой информацией;
- возможность выбора медиаканала без привязки к устройству-передатчику;
- мультимедийный характер взаимодействий на онлайн-площадках;
- возрастание популярности (только благодаря интернету) блогеров – пользователей, ведущих интернет-дневники, создающих контент, в который могут входить фото, видео, письменные материалы в виде высказываний или комментариев на различные темы.

Существует такое мнение, что Интернет является свободной от оценки площадкой для выражения своего мнения. Вместе с тем в странах Евросоюза, СНГ, США на законодательном уровне приняты нормативно-правовые

акты, устанавливающие цензуру. Несмотря на «относительную свободу», правительственные структуры используют систему регулирования и контроля информации, поступающей в социальные медиа.

Интернет является очень «удобной» площадкой для пропаганды экстремистских взглядов среди молодежи. Это объясняется возможностью создавать сообщества вне зависимости от географического положения ее создателя. При этом его личность может оставаться анонимной, участники могут обмениваться различными материалами, оговаривать готовящиеся мероприятия.

В частности, в Китае Интернет используется официальными представителями государственной власти с целью реализации своих целей, конкретно для создания «электронного правительства» и возможности проведения агитационной деятельности.

Одним из подразделений Государственного совета Китайской Народной Республики (главного административного органа) является Бюро по пропаганде, деятельность которого заключается в ограничении распространения информации, не соответствующей принятой идеологии, в прессе и телевидении, что свидетельствует о реализации концепции «сетевой» цензуры. Система, которая была сформирована сотрудниками Бюро, имеет название «Великий китайский файерволл».

С целью дополнительного управления информационным интернет-поток в 1996 году правительством КНР принято решение о необходимости установления двухступенчатого доступа к интернет-ресурсам. Алгоритм заключался в подключении пользователей к интернет-сети с помощью ключевых узлов, созданных в ограниченном количестве с целью контроля со стороны центральных министерств и проправительственных групп. На современном этапе интернет-сеть Китая «окутана» системой файерволлов, которые позволяют ограничивать информационный поток и не дают возможность пользователям иметь доступ к внешним, противоречащим интересам государства ресурсам.

Конгрессом США, несмотря на либерально-демократическую форму правления, разработан ряд мер императивного характера, направленных на установление цензуры в сети Интернет. Первоначально осуществление контроля было вынужденной мерой с целью выявления угроз, исходящих от неадекватных, неуравновешенных граждан, а также членов экстремистских группировок. В дальнейшем контроль за деятельностью социальных медиа позволил отслеживать изменения общественного мнения, являющиеся результатом деятельности политических субъектов во внутренней и внешней политике.

Одно из крупнейших международных агентств информации и новостей Associated Press после посещения секретного технопарка

Центр разведывательного управления опубликовал статью о деятельности подразделения под неофициальным названием «Библиотечные ниндзя», под контролем которого происходит активный анализ транслируемой в социальной медиа информации. При этом, несмотря на очевидный тотальный контроль и нарушения прав на неприкосновенность и тайну переписки, такая деятельность ЦРУ имеет положительную оценку со стороны официальных представителей президента США.

Тенденция осуществления контроля информационного потока прослеживается также и в странах Европейского союза. В частности, во Франции существует возможность ограничить доступ пользователей к сети Интернет с целью регулируемой защиты прав в цифровом обществе с соблюдением нейтральности Интернета.

Французский закон «О безопасности интернета» содержит механизм применения мер контроля и управления за деятельностью интернет-источников, а также пользователей сети Интернет, в том числе возможность привлечения к ответственности пользователей, осуществляющих распространение в сети Интернет детской порнографии, за совершение кражи персональных данных и использование их в личных целях. Законодателем разрешено сотрудникам правоохранительных органов производить с помощью удаленного доступа контроль за лицами, подозреваемыми в совершении преступлений, а также использовать программы передачи данных о действиях, которые совершают пользователи в сети Интернет [8].

Относительно законодательного закрепления данного вида деятельности в Российской Федерации следует отметить ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴, направленный на обеспечение безопасности Российской информации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации [2].

С каждым годом социальные медиа становятся все популярнее, в том числе в качестве инструмента для распространения информации политического характера, для осуществления призывов к свержению власти, организации несогласованных митингов, государственному перевороту.

Уже в середине 2020 г. блокировке подверглись более 500 тыс. материалов с деструктивной информацией [9]. Владельцы заблокированных аккаунтов размещали данные пропагандистского характера террористической и экстремистской направленности, материалы с порнографическим изображением несовершеннолетних, а также с информацией о способах совершения самоубийства, призывах к их совершению.

---

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС Консультант Плюс

На данном этапе представителями Роскомнадзора предпринимаются меры для сокращения срока вычисления правонарушений в области распространения информации противоправного характера. Чем быстрее будет выявлен источник информации, тем вероятнее найти ее автора, так как с каждым годом технологии, позволяющие зашифровать личные данные, развиваются, что приводит к безнаказанности автора информации.

По данным контролирующего ведомства наиболее популярными сервисами в России остаются «ВКонтакте», YouTube, Instagram и «Одноклассники», TikTok.

Стоит отметить, что в январе 2021 года именно TikTok стал площадкой для активных призывов несовершеннолетних к участию в митингах в поддержку Алексея Навального. Массовый характер обращений был достигнут путем использования целой системы программ-ботов, созданных для выполнения однотипных и повторяемых задач по определенному алгоритму, распространяющих неподтвержденные данные о количестве приверженцев политики А. Навального, в том числе о представителях власти, правоохранительных органов и т. д.

Развитие онлайн-технологий привнесло в социальную жизнь граждан большие изменения. Так, пользователи получили возможность не только общаться на расстоянии, но и обмениваться мнениями, информацией, объединяться в сообщества по интересам и т. д. При этом рост пользователей социальных медиа свидетельствует о влиянии данного инструмента на сознание людей, что не может не сказаться на распространении материалов экстремистского, пропагандистского характера в социальных сетях, ставших мощным инструментом привлечения целевой аудитории.

Большим «достоинством» социальных сетей, которые используют в своей деятельности террористические и экстремистские организации, является конфиденциальный характер публикуемых сообщений. Ввиду того что технологии продвинулись глубоко вперед, вычислить реального автора публикуемых материалов становится все сложнее, что «играет на руку» преступникам.

Необходимо учитывать данный факт при введении новых мер сдерживания распространения информации пропагандистского и экстремистского характера, что позволит сохранить информационную безопасность в российском обществе.

Таким образом, ввиду того что «социальные медиа» не нашли своего отражения в нормативных правовых актах, необходимо внесение изменений в федеральное законодательство, что обеспечит разрешение правовой ситуации в области уголовной и административной ответственности, а также более качественную работу по борьбе с экстремизмом в сети Интернет.

Ссылки

1. Гиллен П. Новые агенты влияния. Нью-Йорк, 2009. 823 с.
2. Блэк С. Введение в публик рилейшнз. Ростов-на-Дону, 2011. 317 с.
3. Социальные сети в России: цифры и тренды. URL: <https://vc.ru/social/182436-socialnye-seti-v-rossii-cifry-i-trendy> (дата обращения: 01.03.2022).
4. ВКонтакте со следователями. Почему дела об экстремизме возбуждают только за посты в этой соцсети. URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/05/vkontakte-so-sledovatelyami> (дата обращения: 10.02.2022).
5. Потребление интернета в России: исследование Mediascope. URL: <https://adindex.ru/news/digital/2018/04/18/170628.phtml> (дата обращения: 28.02.2022).
6. Понятие «социальные медиа», его соотношение с понятием «новые медиа». Виды социальных медиа / Российская государственная библиотека. URL: http://www.rsl.ru/upload/mba2007/mba2007_05.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
7. РКН в 2020 году заблокировал около 500 тыс. материалов с деструктивной информацией. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11482847> (дата обращения: 15.02.2022).
8. Atwill N. France: New Law on Internal Security. URL: <http://www.loc.gov/lawweb/servlet/> (дата обращения: 16.02.2022).
9. Социолог объяснил, почему оппозиция выбрала «Тик-ток» для призывов к митингам. URL: https://news.rambler.ru/internet/45657848/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.02.2022).
14. Коробова С. Ю., Грязева-Добшинская В. Г., Аскерова А. Т. Особенности идентификации с персонажами культового фильма в контексте проблем социальной идентичности зрителей // Психология. Психофизиология. 2018. Т. 11, № 3. С. 24–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-identifikatsii> (дата обращения: 01.12.2020).
15. Конева Е. В., Процевская В. Н. Восприятие интернет-контента в зависимости от возраста // Новое слово в науке: стратегии развития. 2020. № 1. С. 68–70. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/738/Action738-553048.pdf> (дата обращения: 17.06.2021).

Functions of criminal law axioms in law-making activities

V. M. Kabanov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-304-311

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the functions of criminal law axioms in law-making activity, on the basis of which such functions as: social, regulatory, evaluative, of stimulating law-making activity, compensatory, epistemological and aesthetic are distinguished functions. Each of them are revealed and justified. In particular, it is concluded that the social function of criminal law axioms underlies the idea of social justice, equality of all before the law, responsibility and humanism; the regulatory function manifests itself both in achieving the necessary law-making result in the form of the adoption of legal acts, and in the establishment of certain prohibitions, duties and regulations; with the help of the evaluation function, a study of a specific legal phenomenon, an event that may be embedded in a certain norm; the function of stimulating law-making activity motivates the legislator to create and change legal norms; the compensation function allows you to fill in the gap by applying an analogy; the epistemological function is manifested in the fact that with its help a certain doubt is allowed, without which the process of cognition is impossible; the aesthetic function is to give the axiom a logically constructed, meaningful and complete form. Examples of the implementation of the functions of specific criminal law axioms are given and the opinions of various authors on this issue are analyzed. At the end of the article, relevant conclusions are drawn based on the results of the study.

Keywords: axioms; functions; lawmaking; axioms of criminal law; legal technique; criminal law

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kabanov, Vyacheslav M. | E-mail: Slavakoban1001@mail.ru
Postgraduate

Функции уголовно-правовых аксиом в правотворческой деятельности

В. М. Кабанов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-304-311
УДК 343.326

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проводится анализ функций уголовно-правовых аксиом в правотворческой деятельности, на основании которого выделяются социальная, регулятивная, оценочная, стимулирования правотворческой деятельности, компенсационная, гносеологическая и эстетическая функции, каждая из которых раскрывается и обосновывается. В частности, сделаны выводы, что социальная функция уголовно-правовых аксиом лежит в основе идеи социальной справедливости, равенства всех перед законом, ответственности и гуманизма; регулятивная – проявляется как в достижении необходимого правотворческого результата в виде принятия правовых актов, так и в установлении определённых запретов, обязанностей и предписаний; при помощи оценочной функции происходит исследование конкретного правового явления, события, которое, возможно, будет заложено в определённой норме; функция стимулирования правотворческой деятельности мотивирует законодателя на создание и изменение правовых норм; компенсационная – позволяет заполнить пробел путем применения аналогии; гносеологическая – проявляется в том, что с ее помощью допускается определённое сомнение, без которого невозможен процесс познания; эстетическая – заключается в придании аксиоме логически сконструированной, содержательной и законченной формы. Приводятся примеры реализации функций конкретных уголовно-правовых аксиом и анализируются мнения различных авторов по обозначенному вопросу. Делаются соответствующие выводы, основанные на результатах проведенного исследования.

Ключевые слова: аксиомы, функции, правотворчество, аксиомы уголовного права, юридическая техника, уголовный закон

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кабанов, Вячеслав Михайлович | E-mail: Slavakoban1001@mail.ru
Аспирант

Правовые аксиомы, как и любое другое правовое явление, не могут существовать без функций как специфических проявлений их свойств и значений; более того, будучи идеальным явлением, аксиомы проявляются только через функции [1, с. 48]. Указанные положения касаются и уголовно-правовых аксиом. Таким образом, функцию уголовно-правовых аксиом в процессе правотворчества можно определить как определенное воздействие на реальную уголовно-правовую действительность через развитие уголовно-правового мышления, конструирование уголовно-правовых норм и правореализующую практику, осуществляемую с целью регулирования общественных отношений в области уголовного права.

К функциям правовых аксиом, по мнению А. В. Масленникова, относятся регулятивная, ориентационная, оценочная, компенсационная, информационно-образовательная, дидактическая, стимулирующая творческую деятельность, теоретико-методологическая, технико-юридическая и интерпретационная [1, с. 48]. Классификации видов функций уголовно-правовых аксиом в юридической научной литературе обнаружено не было, поэтому в данной статье мы осуществим собственную попытку определения видов функций уголовно-правовых аксиом.

Первая функция – социальная. Она имеет близкую связь с правотворчеством, в котором участвуют конкретные люди с их субъективными взглядами и концепциями. Именно от них зависят содержание и принятие конкретной нормы права. В то же время принятие правового акта ограничивает права одних и отражает интересы других групп населения, социума вообще или представляет собой абстрактное выражение права. Если в принятии конкретной нормы участвует уголовно-правовая аксиома, то так или иначе она играет определенную роль, и прежде всего – непосредственно социальную. Социальная функция отражается в самой природе уголовно-правовых аксиом, например, в идее социальной справедливости, равенства всех перед законом, ответственности и гуманизма; «Закон равен для всех»; «Суров закон, но это – закон»; «Наказание должно быть соразмерным тяжести преступления и личности виновного».

Вместе с тем субъективные факторы правотворческого процесса действуют в рамках объективных факторов и правовой системы, и потому субъективные идеи и воля законодателей не могут выйти за определенные границы. Идеи при этом могут рождаться как в самом социуме, в его общественной психологии, так и через их представителей, в законодательном органе. Воля служит переводу источников права в реальные правовые регуляторы. Она, как отмечает Ю. А. Тихомиров, «формирует тот нормативный концентрат, который ложится в основу прежде всего

законов и иных правовых актов. Именно в ней выражены интересы структур и социальных слоев, управомоченных принимать правовые акты и «одушевлять» другие формы права. Это стремление урегулировать отношения и решить проблемы» [2, с. 113].

Из социальной функции вытекает вторая функция – регулятивная. Она проявляется, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, в достижении необходимого правотворческого результата в виде принятия правовых актов, нацеленных на решение текущих проблем правового регулирования. Во-вторых, в установлении определённых запретов, обязанностей и иных предписаний в содержании уголовно-правовой аксиомы, которые в результате её закрепления в нормативном правовом акте в дальнейшем будут выражаться в нормах и принципах права. Эта функция отражена, к примеру, через аксиому «нет преступления без указания на то в законе»; «объективное вменение (то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда) не допускается (ч. 2 ст. 5 УК РФ), тем самым подчеркивается, что аксиомы закреплены в законодательстве в форме принципов, которые позволяют «раскрыть их наименьшим числом нормативных предписаний, значительно сократить физический объем текста закона и уменьшить таким образом объем всего нормативно-правового массива» [3, с. 164]. Кроме того, можно согласиться с мнением В. М. Горшенева, согласно которому аксиомы как нетипичные предписания вызываются потребностями оптимизации юридической практики и обеспечивают своего рода надежность в стыковке норм права между собой и в связи с этим закрепляются, объективируются в соответствующих нормативных правовых актах и потому выступают общеобязательными предписаниями [4, с. 115].

Третья функция уголовно-правовых аксиом – оценочная. По мнению А. В. Масленникова, оценка происходит с точки зрения полезности и целесообразности, определяется, какая норма не соответствует аксиоме и допустимо ли расхождение либо необходимо устранение несоответствий [1, с. 50]. В уголовном праве с ее помощью происходит исследование конкретного правового явления, события, которое, возможно, будет заложено в определённой норме. Аксиома в данном случае используется в качестве критерия оценки социальных отношений, а также на практике при рассмотрении уголовного дела или некоторых ситуаций в суде. Так, к примеру, оценочная функция аксиомы – «нельзя дважды судить за одно преступление» – проявилась при проверке конституционности статей 18, 68 УК РФ в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса РФ, регламентирующих правовые последствия судимости лица,

неоднократности и рецидива преступлений»¹. В соответствии с п. 1.1 указанного документа «при оценке конституционности оспариваемых положений УК РФ надлежит исходить из вытекающих из Конституции РФ общих принципов юридической ответственности, которые, определяя как пределы усмотрения законодателя в процессе уголовно-правового регулирования, так и конституционно-правовой статус гражданина, привлекаемого к уголовной ответственности, по своему существу составляют основу взаимоотношений государства и личности в соответствующей сфере».

Четвертая функция уголовно-правовых аксиом – стимулирование правотворческой деятельности. Л. Л. Кругликов относит аксиомы к средствам законодательной техники [5, с. 199]. Очевидно, что не закрепление какой-либо аксиомы, при наличии объективных предпосылок, может в последующем привести к внесению изменений в уголовное законодательство. Так, принятие Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ устранило пробелы в ч. 2 ст. 69 УК РФ. В редакции федерального закона от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в эту же статью были внесены вновь изменения в соответствии с аксиомой-принципом: «Наказание должно соответствовать преступлению». Как отмечал русский правовед-криминалист С. И. Баршев, «при назначении наказания должно быть избираемо то, что приличествует преступлению, моменты, на соображении которых определяется, какое наказание прилично преступлению, называются в их совокупности мерой наказания» [6, с. 152].

С предыдущими функциями – социальной, регулятивной, оценочной и функцией стимулирования правотворческой деятельности – имеет определённую связь пятая, компенсационная функция. Она реализуется в отсутствии нормы уголовного права, которая специально должна быть создана для правового регулирования или иной социально-правовой ситуации. Эта функция позволяет заполнить пробел путем применения аналогии, в соответствии с социальным назначением уголовно-правовой аксиомы, то есть исходя из идеи социальной справедливости, равенства и гуманизма. Так, Уголовный кодекс РФ, описывая виды умысла в ст. 25, не требует от лица осознания противоправности содеянного, а указывает на необходимость осознания лишь общественной опасности. В то же

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

время такая аксиома, как «незнание закона не является оправданием», лежит в основе квалификации деяний при наличии фактической судебной ошибки. На этом основании А. И. Рарог отмечает, что «оценка лицом деяния как непроступного (в то время как оно является преступным) не исключает умышленной вины, ибо незнание закона не равнозначно непониманию общественной опасности деяния и не может оправдать лицо, совершившее запрещённое уголовным законом деяние» [7, с. 172]. Другими словами, отсутствие в законодательстве положения о том, что «незнание закона не является оправданием», является основанием и предпосылкой к применению аксиомы «Ignoratio juris nocet», то есть незнание закона не освобождает от соблюдения закона, а значит, и от ответственности и наказания.

Указанную выше аксиому осознает большинство граждан, несмотря на то что данная норма напрямую даже не закреплена в законе, но выводится косвенно из ч. 2 ст. 5, ст. 25–26 УК РФ и используется судебными органами², что вполне логично, поскольку для любого социального субъекта важны базовые знания тех законодательных норм, которые касаются лично его свобод, прав и обязанностей. «Знание закона – это заведомо выстроенная защита для себя и своих близких от перемены статуса “законопослушный гражданин” на статус “преступника”» [8, с. 150].

В этой связи выделим ещё одну, шестую, функцию уголовно-правовых аксиом – гносеологическую. Своеобразность этой функции проявляется в том, что с ее помощью допускается определённое сомнение, без которого невозможно познание как при конструировании уголовно-правовой нормы, так и при ее осознании субъектом отношения. Благодаря данной функции познающий субъект имеет возможность выносить как объективные, так и субъективные суждения о юридической конструкции или конкретном действии (бездействии) в социальной реальности. Упомянутая ранее аксиома «незнание закона не освобождает от ответственности» объясняет, что неосознание правонарушения, а также непризнание своей вины на основании незнания закона не является основанием освобождения от уголовно-правовых последствий. Эта аксиома как главный принцип суще-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова». Постановление. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Жилина. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиева по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» // СПС «Консультант Плюс».

ствуует практически во всех правовых системах и обеспечивает в одно и то же время стабильность и развитие социума.

Гносеологическая функция аксиомы обращена и к субъектам, которые обладают специальными познаниями в области юриспруденции, в том числе и уголовном праве. И здесь нет ничего особенного. Например, Н. Я. Соколов отмечает, что показатели знания конкретных норм отраслевого законодательства у юристов-практиков намного ниже, чем знание презумпций, так как презумпции воспринимаются в качестве руководства в правоприменительной деятельности [9, с. 174]. То же самое касается и аксиом.

Очевидно, что практически любая аксиома выглядит логически сконструированной, содержательной и законченной. На этом основании можно предположить, что уголовно-правовая аксиома имеет седьмую – эстетическую – функцию.

Эстетика уголовно-правовой аксиомы отточена временем, а также практикой вынесения как справедливых, так и несправедливых приговоров [10, с. 64]. В истории человечества таких примеров достаточно. Эстетическое сознание – вид общественного сознания, специфика которого заключается в эмоционально окрашенном восприятии действительности и оценочном отношении к тем или иным явлениям или процессам как к прекрасным или безобразным, возвышенным или низменным, трагическим или комическим и т. п. Уголовно-правовые аксиомы вместе с другими смежными категориями относятся к юридическим конструкциям и символам, специальным средствам или, как отмечает В. Н. Горшенев, нетипичным нормативным предписаниям, которые усиливают и дополняют нормативные свойства права, придают праву композиционную завершенность и полноту [4, с. 114].

Таким образом, в правотворчестве можно выделить следующие виды функций уголовно-правовых аксиом: социальная, регулятивная, оценочная, стимулирования правотворческой деятельности, компенсационная, гносеологическая и эстетическая, каждая из которых оказывает существенное влияние на правотворческий процесс.

Ссылки

1. Масленников А. В. Правовые аксиомы: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 151 с.
2. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 398 с.

3. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития: в девяти выпусках. Выпуск пятый: Логический инструментарий права // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России. 2014. № 4. С. 162–168.
4. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.
5. Кругликов Л. Л. Аксиомы, презумпции и фикции в уголовном праве: динамический аспект // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 191–200.
6. Левицкий Г. А. Русские и западноевропейские ученые XIX и начала XX вв. об уголовном законе, преступлении и наказании. Хрестоматия. СПб.: Университет, 2004. 341 с.
7. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 304 с.
8. Исмаилов Д. И., Овакимян Р. Г. Незнание закона не освобождает от ответственности // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. С. 149–150.
9. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М.: Наука, 1988. 224 с.
10. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 2 (32). С. 61–65.

article one

Metasystem organization of subject determinants of professional activity

A. V. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-212-325

Research article
Full text in Russian

Theoretical-methodological and empirical-experimental materials are presented that reveal and explain the specifics of the organization of the most important category of subjective determinants of labor activity – professional competencies. It is shown that its main principle is the principle of metasystem organization. From these positions, a new solution is given to the key problem of the psychology of activity – the problem of the correlation of two main classes of professional competencies, denoted by the concepts of «hard» and «soft» skills (hard-skills and soft-skills). The formulated theoretical provisions are concretized in relation to the tasks of psychological analysis of one of the most significant and decisive types of professional activity in the structure of the modern division of labor – information, implemented on the basis of computer technologies.

Keywords: subjective determinants; professional activity; competencies; professionally important qualities; activity; metasystem approach; soft skills; hard skills

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Anatoly V.	E-mail: anvikar56@yandex.ru
	Doc. Sc. (Psychology), Professor, Corresponding Member of RAO

Funding: Russian science foundation, project 21-18-00039.

статья первая

Метасистемная организация субъектных детерминант профессиональной деятельности

А. В. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-212-325
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены теоретико-методологические и эмпирико-экспериментальные материалы, раскрывающие и объясняющие специфику организации важнейшей категории субъектных детерминант трудовой деятельности – профессиональных компетенций. Показано, что ее основным принципом является принцип метасистемной организации. С этих позиций дано новое решение ключевой проблемы психологии деятельности – проблемы соотношения двух основных классов профессиональных компетенций, обозначаемых понятиями «жестких» и «мягких» навыков (hard-skills и soft-skills). Сформулированные теоретические положения конкретизированы по отношению к задачам психологического анализа информационной деятельности, реализуемой на основе компьютерных технологий.

Ключевые слова: субъектные детерминанты; профессиональная деятельность; компетенции; профессионально важные качества; деятельность; метасистемный подход; мягкие навыки; жесткие навыки

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Финансирование: Российский научный фонд, проект № 21-18-00039.

I

Одним из основных положений психологии профессиональной деятельности является тезис, согласно которому важнейшими факторами, определяющими ее результативные параметры, выступают детерминан-

© Карпов А. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ты субъектного плана. Оно не только стало своего рода «классикой жанра», но и фактически единодушно разделяется исследователями в данной области. Разночтения начинаются уже после его признания в качестве основополагающего и касаются в основном детализирующих и конкретизирующих вопросов, связанных, в частности, с систематикой и классификацией такого рода детерминант, с их типологизацией и кластеризацией, с разработкой вариантов обобщающих представлений об их совокупности и пр. Кроме того, как и любая «классика», это положение, сохраняя свою актуальность и значимость в целом – в его принципиальном содержании, в то же время весьма чувствительно и к тем изменениям, которые объективно присущи развитию научных представлений, равно как и к изменяющимся требованиям со стороны практики. В силу этого оно предстает в новом свете в каждый конкретный исторический период. Одно из показательных проявлений этого заключается в следующей особенности современной трактовки данного положения, которая заслуживает, по нашему мнению, специального анализа.

Дело в том, что логика развития представлений в этой области привела к включению в сферу субъектных детерминант профессиональной деятельности, наряду с их традиционно дифференцируемыми категориями (например, с категорией профессионально важных качеств, дифференцирующейся, в свою очередь, на различные типы) и принципиально новой категории, обозначаемой обобщающим понятием *компетенции*. Это, как известно, обусловило становлению компетентностного подхода как такового, получившего весьма широкое распространение и ставшего, по существу, парадигмальным основанием для разработки данной проблемы в целом на современном этапе ее развития [1–3]. Важную роль в обретении им такого статуса сыграло и то, что само понятие компетенции является комплексным – синтетическим. Оно позволяет интегрировать в себе не только факторы собственно субъектного плана, но и те детерминанты, которые сопряжены с факторами, имеющими исходно внесубъектную локализацию – в особенности с социальным опытом и системами знаний, интернализуемых субъектом и определяющих регуляцию деятельности. Не вдаваясь, разумеется, здесь во все перипетии развития данного подхода, в его достоинства и ограничения (поскольку это не только особая, но и фактически безбрежная тема, требующая специального рассмотрения), отметим лишь одну, но крайне значимую особенность такого развития, которая обычно не становится предметом методологической рефлексии.

Она состоит в том, что в русле данного подхода – как под влиянием собственной логики его развития, так и под воздействием факторов вне-теоретического, прикладного, плана – оформились и стали весьма популярными, широко применяемыми два тесно связанных понятия, обозначающих две группы профессиональных компетенций. Это понятия так

называемых «жестких» и «мягких» навыков (*hard-skills* и *soft-skills*) [4–5]. Характерно и то, что эти понятия стали настолько распространенными и популярными, что вышли за границы их специального употребления в повседневную жизнь и в естественный язык. Кроме того, важно подчеркнуть, что они возникли отнюдь не в самой психологии и даже не в исследованиях иных дисциплин; они имеют в основном сугубо практические основания, очень хорошо прижились, продемонстрировав свою конструктивность и операциональность. Другими словами, эти понятия возникли не как следствие эволюции теоретических представлений в области профессиональной деятельности, а также сопряженных с ней направлений, а в силу логики развития самой этой деятельности – практики ее осуществления и эволюции ее видов и типов, форм и классов. Это – убедительное свидетельство их жизненности, верифицированности практикой и оценкой этой практики со стороны социума. В дальнейшем данные понятия постепенно стали подвергаться осмыслению и с собственно методологических позиций, постепенно ассимилироваться и психологической проблематикой. Однако такую методологическую рефлексю пока нельзя считать достаточной и в полной мере разрывающей их истинную природу и действительную многоплановость. Более того, пока фактически отсутствуют и сколько-нибудь оформленные и развитые специальные методологические подходы, направленные на это. Как следствие этого, практически отсутствует какая-либо специальная и тем более психологическая теория в этой области; кроме того, задача разработки такого рода теории также не сформулирована в явном виде и не осознана как первоочередная необходимость.

II

Острота констатированной выше ситуации состоит и в том, что, строго говоря, с собственно психологических позиций в целом и с точки зрения классических представлений теории деятельности в частности эти понятия вообще не выдерживают никакой критики уже только потому, что в них используется термин «навык». Действительно, в психологии им принято обозначать совершенно иную сущность – автоматизированные, неосознаваемые и потому относительно *наименее* сложные ее структурные «составляющие». Однако в сложившихся понятиях зафиксированы совершенно иные несопоставимо *более* сложные и уж, во всяком случае, отнюдь не неосознаваемые компоненты деятельности, а, напротив, ее сложнейшие составляющие. Кроме того, понятия *hard-skills* и *soft-skills* вообще внутренне противоречивы, поскольку они могут использоваться как средство обозначения и навыков, то есть относительно наименее сложных с психологической точки зрения составляющих деятельности, и компетенций как, наоборот, одних из наиболее сложных интегративных ее субъектных детерминант. Наряду с этим, они используются

и как средство обозначения еще одной разновидности субъектных детерминант – умений. Причем, как правило, вопрос о недопустимости смешения в терминах *hard-skills* и *soft-skills* таких принципиально разных с психологической точки зрения сущностей даже не ставится и не обсуждается. В результате эти понятия являются в значительной степени лишь собирательными и имеющими лишь операциональный, а не субстанциональный, то есть объяснительный, характер. Они фиксируют в себе некоторые подчеркнута *функциональные* сущности, формирующиеся и реализующиеся как средства обеспечения деятельности и синтезирующие для этого в себе отмеченные выше гетерогенные образования. Вместе с тем данное обстоятельство, по нашему мнению, вовсе не должно рассматриваться как причина для отказа психологией использования этих понятий. Оно должно быть основанием для необходимости концептуального осмысления сложившейся ситуации, для выявления рационального зерна этих представлений. Другими словами, необходимо определить, как же все-таки реальная практика эволюции «мира деятельности», зафиксированная в данных понятиях, может и должна быть осмыслена собственно теоретическими представлениями в целом и психологическими представлениями в частности, а также ассимилирована понятийной системой психологии деятельности. Это означает, что более конструктивным является не подчеркнута критический взгляд на терминологическую некорректность, недостаточную строгость понятий *hard-skills* и *soft-skills*, а попытка выявления их истинного содержания и смысла, а также включения в психологические представления о деятельности.

III

В плане ее реализации весьма значима, по нашему мнению, необходимость осознания следующего очень существенного обстоятельства. Оно состоит в том, что собственная логика развития представлений относительно сущности понятий *hard-skills* и *soft-skills*, а также их роли в организации профессиональной деятельности привела к такому результату, который является своеобразной «подсказкой» для преодоления сформулированных выше противоречий. Дело в том, что их трактовка именно с позиций компетентностного подхода привела к необходимости введения еще одного важного понятия – *метакомпетенций* [5, 6]. Посредством его была осуществлена дифференциация всей совокупности компетенций на две основные группы. Первая включает те компетенции, которые *непосредственно* обусловлены самой деятельностью – ее содержанием и условиями, предметом и средствами ее реализации. Вторая группа включает принципиально иные по генезу компетенции, сущность которых заключается в следующем. Реальная и достаточно обширная практика анализа многих *современных* и относительно наиболее *сложных* видов деятельности, в особенности тех, которые базируются на компьютерной технике,

весь опыт их исследования вскрыли важное обстоятельство. Общая совокупность компетенций не может быть сведена только к тем «составляющим», которые обозначаются понятием *hard-skills* и которые локализованы на собственно деятельностных уровнях. Значимой «составляющей» всей совокупности компетенций выступает также и то, что в обобщенном виде обозначается понятием «мягких навыков» (*soft-skills*) и включает в себя такие компетенции, которые имеют внедеятельностный характер. Они непосредственно не выводятся из содержания самой деятельности и не сводятся к нему. Высказывается даже мнение, согласно которому общая результативность целого ряда современных видов деятельности и, в частности, деятельностей, базирующихся на компьютерных технологиях, более чем на половину определяется именно *soft-skills* [6]. И даже если в этом утверждении есть некоторое преувеличение, то в любом случае оно отражает несомненную реальность – важную роль такого рода образований в ее осуществлении. Они выступают реально действующими и весьма сильными детерминантами ее организации, то есть включаются в общую систему компетенций деятельности. Причем они не просто включаются в нее, но в значительной степени влияют на все иные компетенции: содержание, меру выраженности и, в особенности, на их организацию. Однако все они сопряжены не с самим содержанием деятельности непосредственно, а с тем более широким контекстом, образованным факторами социального, организационного и профессионального плана, в который она включена и который оказывает очень существенное влияние на ее реализацию и результативность. Первые из такого рода детерминант, имеющие исходно *интрадеятельностную* локализацию, образуют класс *hard-skills*, а вторые, имеющие исходно *экстрадеятельностную* локализацию, образуют класс *soft-skills*. При этом, конечно, возникает целый ряд трудностей, обусловленных двумя основными причинами. Во-первых, как мы отмечали выше, само понятие *soft-skills* сложилось отнюдь не как собственно психологическое и закрепилось не только и даже не столько в психологической литературе. В результате этого его собственно психологическое содержание остается во многом неопределенным, не эксплицированным с точки зрения традиционной понятийной системы психологии, недостаточно соотношенным с ее базовой проблематикой. Во-вторых, приходится учитывать и крайне выраженный эмпиризм в данной области, проявляющийся прежде всего в большом количестве и разноплановости – фактически в эклектичности дифференцируемых *soft-skills*, а также их перечней, классификаций. Они носят в значительной степени эклектический, несистематизированный и неструктурированный характер; являются результатами обобщения практического опыта, но не итогом каких-либо теоретически обоснованных обобщений. Трудности их теоретического осмысления связаны и с тем, что, как правило, эти перечни предлагают-

---

ся не профессиональными психологами, а потому носят и не вполне корректный с точки зрения психологической терминологии характер (а часто и выражено некорректный). В них представлены сущности совершенно разного уровня обобщенности и уж тем более отсутствует критерий их дифференциации. Вместе с тем, несмотря на такую «пестроту» и несистематизированность, все же дифференцируется их относительно инвариантный набор, который чаще всего включает в себя следующие: коммуникативные навыки, социальный интеллект, умение работать в команде, критическое мышление, клиентоориентированность, саморегуляция, принятие решений, тайм-менеджмент, эмоциональный интеллект, работа в режиме неопределенности, самоанализ и саморефлексия [4– 5].

Вследствие этого возникает наиболее принципиальная с точки зрения традиционных представлений трудность. Оказывается, что в качестве субъектных детерминант деятельности выступают и такие факторы, которые лежат вне ее самой, имеют так сказать экстрасистемную локализацию. Они, не принадлежа ей исходно, тем не менее оказывают на нее очень существенное влияние и, более того, *включаются* в общий состав ее собственных субъектных детерминант. Они, равно как и ее собственные детерминанты – *hard-skills*, обозначаются одним и тем же базовым понятием – понятием *skills*, что как раз и подчеркивает их функциональную общность, включенность и тех и других в содержание самой деятельности. Подчеркнем, что особо важно и показательно то, что оба этих класса детерминант и обозначаются одним и тем же понятием – понятием *skills*, что как раз и символизирует их принадлежность к одной и той же категории субъектных детерминант, а не к их разным категориям. Иными словами, логика развития представлений в этой области привела к необходимости их рассмотрения именно как двух разновидностей одной и той же сущности, а не двух разных категорий. Они *одновременно* локализованы и внутри деятельности, и вне ее, поскольку исходно локализованы в более общих по отношению к ней метасистемах, то есть выступают как своего рода *метауровень* по отношению к ней. Именно это, собственно говоря, и зафиксировано в использовании понятия метакомпетенций для обозначения *soft-skills*. Дело в том, что сами метакомпетенции, даже с чисто формальной и просто этимологической точки зрения, являются образованиями, в известной степени выходящими за пределы деятельности, которую они в действительности и «обслуживают». Они не связаны напрямую с ее содержанием и организацией, с ее технологией и операционным содержанием, хотя и необходимы для них. Тем самым они, являясь наддеятельностными и потому надсистемными образованиями, выступают как проявления именно *метасистемной организации* деятельности. Как следствие этого, по отношению к организации деятельности и ее субъектных детерминант складывается принципиально новая

и существенно более сложная психологическая реальность. Несколько схематизируя складывающуюся ситуацию, можно сказать и так: в реальности деятельность включает в себя и то, что ей исходно вовсе *не принадлежит* и что отнюдь не вытекает непосредственно из ее содержания. Она ассимилирует в себе – в своем собственном составе – и такие сущности, которые имеют по отношению к ней как системе внешнюю, то есть *экстрасистемную* локализацию. И именно они, *функционально включаясь*, «встраиваясь» в нее, образуют один из уровней ее субъектных детерминант – уровень метакомпетенций, который и образован классом soft-skills. Они при этом не только оказывают отнюдь *внешнее* и потому относительно менее существенное влияние на деятельность, но и нередко играют вообще ведущую и определяющую роль в ее организации. Поэтому они не только не должны, но и объективно не могут быть проинтерпретированы как факторы только *внешнего* плана, как хотя и сильные, но все же внешние детерминанты деятельности. Они обретают все атрибуты, присущие ее собственным, то есть *внутренним*, детерминантам деятельности. Понятно, что такая, повторяем, существенно более сложная, нежели это полагается традиционно, деятельностная реальность ставит перед психологической теорией деятельности новые и весьма трудные задачи; она должна стать предметом осмысления и объяснения. При этом не только не исключено, но, напротив, весьма вероятно, что, в силу новизны и «необычности», противоречивости и отчасти парадоксальности констатированной выше ситуации, в этих целях необходимо использовать не только традиционно сложившиеся теоретические представления, но и новые методологические подходы.

IV

Очень показательно, а одновременно и доказательно, что оправданность этого предположения проявляется достаточно непосредственным образом, поскольку в настоящее время сложился именно такой методологический подход, который релевантен сути сформулированных выше теоретических задач. Это – сформулированный и развитый в целом ряде наших предыдущих работ *метасистемный* подход [7–8]. Данный подход, являясь логическим продолжением и развитием общенаучного принципа системности, позволяет конструктивно преодолеть целый ряд его ограничений, которые особенно рельефно проявляются при разработке психологической проблематики деятельности [9]. Главным положением данного подхода является обоснование и доказательство существования особого класса систем, которые не были дифференцированы ранее, но которые в наибольшей мере адекватны специфике объектов собственно психологического исследования. Эти системы характеризуются двумя наиболее важными и в то же время наиболее специфическими особенностями. Во-первых, метасистема, которая является более общей по отношению

к ним и в которую они сами онтологически входят, сама функционально включается в них: она встраивается в их собственное содержание. Наиболее общей и репрезентативной иллюстрацией данной особенности выступает организация психики в целом, поскольку ее важнейшей атрибутивной чертой как раз и является функциональная представленность в ней (как в субъективной реальности) той метасистемы, в которую она сама включена – объективной реальности. Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая «внешнеположена» ей, оказывается функционально представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной. Объективный мир (как метасистема по отношению к психике), а также взаимодействия с ним оказываются функционально «встроенными» в саму систему (психику). Во-вторых, эти системы характеризуются способностью к саморепрезентации своего содержания в целом и тем самым к порождению нового уровня собственной организации – метасистемного. Наиболее яркой иллюстрацией этой особенности опять-таки является организация психики, поскольку именно данный атрибут и составляет ее важнейший и наиболее специфический атрибут – феномен сознания. Оно в целом и его базовое свойство – свойство трансцендентности – фактически тождественно порождению такого метауровня. Такого рода системы были обозначены нами понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Они обладают целым рядом новых, не описанных в традиционных вариантах принципа системности особенностей и свойств. Эти особенности и составляют адекватную методологическую основу для разработки многих собственно психологических проблем в целом и проблемы субъектных детерминант деятельности в частности.

С этих позиций традиционно сложившаяся трактовка понятия «деятельность как система» должна быть существенно скорректирована, поскольку она, как показано в работах, также принадлежит к этому очень специфическому классу систем. Однако по отношению к деятельности существует не одна, а, как минимум, три основные метасистемы. В их качестве выступает, во-первых, сама личность субъекта деятельности; во-вторых, совокупность объективных факторов социальной микро- и макросреды (социума); в-третьих, сам процесс взаимодействия первой со вторыми, представляющий собой специфический тип систем – систему временного, собственно темпорального типа. Следовательно, в ней функционально представлены, «встроены» в нее содержательные, структурные и многие иные компоненты одновременно. Выступая в указанном качестве, то есть функционально включая в свой состав и содержание нескольких метаси-

стем одновременно, она с необходимостью раскрывается и как предельно гетерогенное, атрибутивно многокачественное образование.

V

В плане основных задач данной работы очень показательны, что именно эти *ключевые* для всего метасистемного подхода положения оказываются полностью конгруэнтными эмпирически эксплицированным и, следовательно, объективно существующим соотношениям *soft-skills* и *hard-skills*. Действительно, первое из них обладает принципиальной двойственностью, двуединством своего статуса. С одной стороны, оно фиксирует в себе такие сущности, которые (по определению) локализованы вне самой деятельности, точнее, над ней и выступают как аспекты более общих целостностей – метасистем. Собственно говоря, именно на основе этого они вообще и дифференцируются. Однако, с другой стороны, не менее характерно и то, что все они также по определению и, соответственно, по содержанию выступают и как собственно деятельность образования. Причем это отнюдь не рядовые компоненты деятельности, а во многом важнейшие и определяющие. Можно видеть, что возникает типичная очень показательная для принципа метасистемности ситуация. Нечто – в данном случае *soft-skills* – имеет двойную локализацию. Они одновременно принадлежат и определенной метасистеме, и какой-либо из включенных в нее систем (в данном случае – деятельности). Однако именно это и означает, что в данном случае эксплицируется базовое для всего метасистемного подхода явление, точнее, механизм. Это – «встраивание» метасистемы в систему, мультиплицирование первой во второй и обретение ею статуса системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Наряду с этим, не менее важно и показательны именно то, что представленные выше материалы как раз и эксплицируют конкретные по содержанию, но общие по смыслу средства такого «встраивания», такой мультипликации. В их качестве, как можно видеть из проведенного выше анализа, выступает вся совокупность *soft-skills*. Тем самым, однако, их дифференциация и их несомненная представленность во многих видах деятельности, их «жизненность и правдивость», а также их верифицированность всей практикой многих видов деятельности выступает важнейшим доказательством обоснованности и корректности самих базовых положений метасистемного подхода. Фактически имеет место конвергенция развития представлений в двух исходно совершенно не связанных друг с другом направлениях. С одной стороны, это подчеркнута методологические представления, сложившиеся в русле метасистемного подхода. С другой стороны, это столь же подчеркнута практико-ориентированные разработки, направленные на оптимизацию профессиональной деятельности, носящие к тому же преимущественно не психологический, а организационный характер. Причем такая конвергенция, как можно видеть из представ-

ленных материалов, настолько органична и глубока, а одновременно и рельефна и доказательна в плане своих результатов, что можно говорить и о синтезе этих двух направлений. Он как раз и достигается через понятие soft-skills, точнее, посредством данного понятия и, разумеется, заслуживает его должной методологической рефлексии. В то же время эмпирически установленный феномен метакомпетенций находит свое естественное и органично присущее его природе место в общей структуре компетенций и, соответственно, деятельности. Он получает необходимые средства для его теоретической экспликации и собственно психологического объяснения. Одновременно и сам этот уровень, равно как и понятие метакомпетенций, оформившееся исходно именно в теоретических исследованиях, находит свое подтверждение и, следовательно, доказательство в практически ориентированных разработках. Теория и практика взаимно верифицируют друг друга, подтверждая тем самым и объясняя важнейший феномен метакомпетенций как таковой. Вследствие всего этого находит свое подтверждение и сам общий методологический подход, сформулированный нами ранее, – метасистемный.

Итак, в свете изложенного можно констатировать полную «сходимость» – конвергенцию теоретико-методологических представлений, сложившихся в психологии, и эмпирических представлений относительно субъектных детерминант деятельности, сложившихся на практике, взаимную направленность логики развития методологии и практики. Они тем самым выполняет взаимоверифицирующую функцию по отношению друг к другу [10–12]. Подчеркнем также, что степень очевидности данного обстоятельства максимальна именно по отношению к сложным видам деятельности. Вполне закономерно поэтому, что именно в ходе их изучения и оптимизации необходимость в дифференциации самих понятий soft-skills и hard-skills и их последующего теоретического осмысления вообще и оформилась как таковая. Кроме того, в результате этого складывается ситуация, при которой исследование выступает как *метод* развития психологической теории деятельности в целом и расширения представлений о ней, формулируемых с позиций метасистемного подхода. В более общем плане можно заключить, что практически все очень многочисленные и разнородные исследования, реализуемые в понятиях hard-skills и soft-skills, равно как и обобщение практического опыта ее реализации, являются очень важным и комплексным *верификатором* тех методологических представлений, которые и составляют суть метасистемного подхода. Причем, повторяем, степень полноты и очевидности такого соответствия достаточно велика.

VI

В заключение целесообразно остановиться на еще одном важном, по нашему мнению, аспекте рассматриваемой проблемы. Представленные

выше материалы достаточно непосредственно и убедительно свидетельствует о том, что общая совокупность деятельностных компетенций может считаться полной лишь тогда, когда она включает в себя не только *hard-skills*, но и *soft-skills*. Именно их общая совокупность подвергается синтезу, интеграции в целостность и предстает в результате как собственно системное образование – как феномен компетентности. Он, именно в силу лежащих в его основе интегративных механизмов, отнюдь не сводится только к их аддитивной совокупности отдельных компетенций. Данное обстоятельство является столь же существенным, сколько и общепринятым – сам феномен компетентности рассматривается именно как интегральный, обобщающий, соотносящийся с обеспечением деятельности в целом как системы. Однако явно недооцененным и не учитываемым в должной мере выступает еще одно не менее существенное обстоятельство, выявляющееся посредством проведенного выше анализа. Он состоит в том, что общая структура и, соответственно, организация компетентности как общедеятельностного феномена не может быть эксплицирована только субъектными детерминантами внутреннего плана – категорией *hard-skills*. Очень существенная часть содержания и потенциала компетентности определяется не теми компетенциями, которые локализованы внутри системы деятельности (*hard-skills*), а теми, которые локализованы вне ее – в тех метасистемах, в которые реально включена сама система деятельности. Это максимально отчетливо представлено по отношению к сложным деятельности, особенно к деятельности, базирующимся на компьютерной технике, и эксплицировано в понятии *soft-skills*. Более того, само это понятие является очень веским аргументом и даже доказательством того, что компетентность как система вовсе не сводится только к результирующим эффектам интеграции ее внутренних компонентов (первичных и вторичных компетенций), но обязательно предполагает также синтез, интеграцию экстрасистемных компонентов – частей тех метасистем, в которые включена сама система. Пора, на наш взгляд, не только со всей отчетливостью осознать, но и реализовать следующее важнейшее обстоятельство. Общесистемный уровень организации, на котором представлена не какая-либо гносеологическая декомпозиция целостности, а сама она в ее онтологическом статусе – в реальном и не нарушенном познавательными процедурами виде – включает в себя не только внутреннее содержание, но и эффекты взаимодействия с более общими целостностями – метасистемами. Такого рода эффекты (по отношению к деятельности – метакомпетенции (*soft-skills*)) органично включаются в состав и содержание функционирования систем. Поэтому сложные системы могут быть поняты как продукты интеграции «внутреннего» и «внешнего». Причиной этого является то, что само «внешнее» функционально представлено в той интеграции, которая и лежит в основе

формирования систем. Понятно, что данный вывод и такая существенно скорректированная трактовка категории системы в целом несколько нетрадиционна. Вместе с тем она непосредственно естественным образом вытекает из представленных выше материалов и существенно расширяет представления об интегративных механизмах, лежащих в основе системобразования. Система – продукт интеграции не только «внутреннего», но и «внешнего». Складывается ситуация, при которой само «внешнее» оказывается функционально представленным в составе «внутреннего»; оно включается в функционирование систем как его собственная «составляющая». Повторяем, что это, казалось бы, сугубо методологическое положение находит яркое и очевидное проявление именно в анализе деятельности. Оно заключается в несомненном факте включенности в общий состав компетенций и, следовательно, в структуру компетентности как системного образования и как важнейшей «составляющей» деятельности в целом.

Наконец, подчеркнем, что данное заключение имеет еще и более общее, фактически методологическое значение, поскольку с достаточно высокой степенью убедительности свидетельствует о том, что деятельность действительно принадлежит к особому, качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Причем обоснованность этого сопряжена не только с аргументами собственно теоретического характера, которые были сформулированы и ранее, в частности в работах [7, 9], но и с наиболее общими, важнейшими тенденциями эволюции видов и классов профессиональной деятельности, с возникновением их принципиально новых разновидностей. Она связана также и с реальной практикой профессиональной деятельности и попытками ее осмысления самими практиками – ее субъектами, профессионалами. Несколько схематизируя, можно сказать и так: эволюция «мира деятельности» своей логикой фактически подтвердила те собственно теоретические представления, которые были сформулированы ранее, верифицировав тем самым и общий методологический подход, обозначенный как принцип метасистемности в исследовании психики и деятельности. В связи с этим очевидным становится и еще одно обстоятельство. Та теоретическая экспликация деятельности, которая предписывается этим принципом и которая осуществлена нами в упомянутых работах, является действительно существенно более сложной и многоплановой, причем настолько, что провоцирует вопросы: а является ли она необходимой? не слишком ли она сложна и методологически избыточна? В свете представленных выше материалов вполне естественен и даже необходим отрицательный ответ на этот вопрос – нет, не слишком. Как раз наоборот, эти материалы показывают, что не этот подход является «слишком сложным», а те представления самой теории деятельности, которые доминировали до его оформления,

были симплифицированными, «слишком простыми», не отражающими реальную сложность организации деятельности. Практика – сама эволюция «мира деятельностей» – не только доказала то, что было предсказано теорией, но и создала комплекс новых стимулов для ее развития, показав ее определенную ограниченность и даже указав на возможные направления ее дальнейшего развития. Она показала также, что сама метасистемность организации деятельности является уже несомненным фактом – реальностью, которая хотя и более сложна для понимания и изучения, но существенно более адекватна ее организации и которую уже никак нельзя игнорировать, а наоборот, именно ее и необходимо сделать предметом приоритетного изучения.

Ссылки

1. Равен Д. Компетентность в современном обществе. М.: Когито-центр, 2002. 584 с.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2010. 447 с.
3. Карпов А. В., Карпова Е. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. М.: РАО, 2019. Т. 1. 650 с.
4. Кеннеди Д. Жёсткий менеджмент. М.: Альпина Паблишер, 2014. 257 с.
5. Гольдратт Э., Кокс Д. Цель. Процесс непрерывного совершенствования 2-е изд. М.: Цифровая книга, 2009. 496 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004. 602 с.
8. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. М.: РАО, 2017. 640 с.
9. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. М.: РАО, 2015.
10. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности. М.: РАО, 2021. 616 с.
11. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса (статья первая) // Ярославский психологический вестник. 2021. № 3. С. 39–47.
12. Смолл Г., Ворган М. Мозг Онлайн. М.: Колибри, 2011. 352 с.

Metacognitive determinants of gender differences in management activity in the conditions of remote forms of its implementation

A. A. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-326-333

Research article
Full text in Russian

The article presents materials that reveal the specifics of the influence of the gender factor on the organization of the metacognitive sphere of personality in management activity. Differences in the indices of the structural organization of the components of the metacognitive plan for samples differentiated by gender have been established. The provisions are formulated according to which remote forms of implementation of management activity act as a means of enhancing metacognitive potential, on the one hand, and reducing the role of the gender of managers, on the other.

Keywords: metacognitive sphere of personality; management activity; subject-information class; virtual leadership; structural organization; metacognitive potential; gender differences

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Alexander A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Doctor Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: Russian science foundation, project 21-18-00039.

Метакогнитивные детерминанты половых различий в управленческой деятельности в условиях дистанционных форм ее реализации

А. А. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-326-333
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены материалы, раскрывающие специфику влияния фактора пола на организацию метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Установлены различия в показателях индексов структурной организации компонентов метакогнитивного плана для выборок, дифференцированных по признаку пола. Сформулированы положения, согласно которым дистанционные формы реализации деятельности управленческого типа выступают в качестве средств усиления метакогнитивного потенциала и снижения роли половой принадлежности руководителей.

Ключевые слова: метакогнитивная сфера личности; управленческая деятельность; субъектно-информационный класс; «виртуальное руководство (лидерство)»; структурная организация; метакогнитивный потенциал; половые различия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Александр Анатольевич | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Доктор психологических наук, доцент

Финансирование: Российский научный фонд, проект № 21-18-00039.

Постановка проблемы

Как известно, проблематика управленческой деятельности характеризуется сочетанием ярко выраженной фундаментальной теоретической значимости с не менее очевидной практической ценностью. Она является одной из наиболее сложных и «психологически насыщенных» содержанием видов профессиональной деятельности и поэтому максимально полно воплощает в себе главный атрибут всей психологической теории деятельности – ее предмет. Вместе с тем значимость данной проблематики определяется и причинами еще более общего плана, связанными с современной ситуацией исследовательской практики.

© Карпов А. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Во-первых, к настоящему моменту в современной психологии сложились два очень крупных и во многом определяющих направления – психологическая теория деятельности [1–2] и метакогнитивизм (и шире – «метакогнитивная психология») [3–5]. При этом объективно складывающаяся *внедеятельностная* парадигма развития метакогнитивизма порождает его главную теоретическую трудность – проблему *экологической валидности*. Практически нераскрытыми остаются многие метакогнитивные процессы, которые лежат в основе осознаваемой произвольной регуляции деятельности. В связи с этим возникает объективная необходимость реализации исследований именно «на стыке» данных направлений, что может в значительной степени способствовать преодолению указанных выше негативных особенностей, а в конечном итоге – и развитию как психологии управления, так и метакогнитивной психологии.

Во-вторых, известно, что традиционно обсуждаемым вопросом психологии управления и теории (и, в особенности, практики) менеджмента является проблема *половых различий* уровня выраженности управленческих способностей. Она нашла свое отражение в отдельном крупном направлении под общим названием «*гендерный менеджмент*» [6–7]. Вместе с тем определяющим среди многообразия подобных аспектов является, разумеется, вопрос о главных *детерминантах* половых различий, о тех *индивидуальных качествах*, которые лежат в их основе. В этом случае данная проблема является частным случаем общего вопроса о дифференциации систем *профессионально важных качеств*. В связи с этим в наших предыдущих работах [8] этот вопрос был подвергнут самостоятельному исследованию и заключался в выявлении и интерпретации *факторов метакогнитивного* плана как одного из классов субъектных детерминант управленческой деятельности. В то же время в текущей работе была предпринята попытка дополнения этих результатов ввиду некоторых принципиальных обстоятельств, оказывающих весьма существенное влияние на организацию управленческой деятельности, что отражено далее.

В-третьих, следует констатировать, что многообразие «мира профессий» на современном этапе его развития чрезвычайно велико. Это с очевидностью приводит к усилению эволюции форм трудовой деятельности – появлению, помимо ставших уже традиционными субъект-объектного и субъект-субъектного классов, нового *субъектно-информационного* класса. При этом важно подчеркнуть, что важнейшей отличительной характеристикой субъектно-информационного класса является то, что в нем имеет место фактически та же самая трансформация, которая привела в свое время к необходимости дифференциации субъект-объектного и субъект-субъектного классов. Это трансформация основного атрибута деятельности – ее *предмета*. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – *информация*. Подобные радикальные перемены в «филогенезе деятельности», разумеется, не могли не отразиться и на менеджменте. В настоящее время многие специалисты, используя механизмы дистанционных

коммуникаций, могут выполнять работу, не покидая дома или находясь в отдаленных местах, что способствует постановке определенных новых исследовательских задач перед психологией управления, а само по себе такое явление можно охарактеризовать как «*виртуальное руководство (лидерство)*». Вместе с тем, наряду с широким спектром открытых вопросов, невыясненной остается и роль подобных условий реализации управленческой деятельности в контексте фактора пола как детерминанты организации метакогнитивной сферы личности в менеджменте.

Методы исследования

Проводимое исследование было организовано следующим образом. Вначале формировалась выборка, выравненная по половому признаку как основному; она включала 100 человек. В число испытуемых входили руководители высшего и среднего управленческих звеньев коммерческих и некоммерческих учреждений и организаций, муниципальных органов власти, производственных предприятий промышленности, лесного, сельского хозяйства, IT-сферы. Все испытуемые в течение практически всего рабочего времени в период исследования применяли средства дистанционной работы. Далее была реализована комплексная процедура психодиагностического обследования по ряду основных параметров метакогнитивного плана (с указанием конкретных методик их диагностики): «Метакогнитивная включенность в деятельность» (посредством методики «Metacognitive Awareness Inventory» – MAI) [9]; «Ретроспективная рефлексия», а также «рефлексия настоящего», «рефлексия будущего» и интегральный показатель развития рефлексивности (по методике диагностики рефлексивности А. В. Карпова и В. В. Пономаревой [9]); «уровень выраженности и направленности рефлексии» по субшкалам диагностики ауторефлексии и социорефлексии по методике М. Гранта [9]; «Самооценка метакогнитивного поведения» по методике Д. ЛаКоста (по [5, 9]), а также индивидуальный уровень выраженности процессов метамышления (А. А. Карпов [7]); мера и характер метакогнитивного мониторинга в части двух его разновидностей – «планирование действий» и «самопроверка» посредством субшкал методики Д. Эверсон (по [5]). В качестве методов обработки и интерпретации результатов были использованы как статистические методы аналитического плана, так и те, которые принадлежат к группе методов структурно-психологического анализа.

Анализ результатов исследования

На *аналитическом* этапе исследования было установлено, что совокупные количественные показатели метакогнитивных параметров личности у мужчин и женщин руководителей отличаются, однако количественно расположены очень близко друг к другу (по методу параллельных профилей). Эти результаты были подтверждены далее благодаря расчету U-критерия Манна–Уитни. Согласно данным, полученным в ходе его применения, оказалось, что эмпирические значения находятся в зоне незначимости.

Аналитический этап был дополнен структурным уровнем исследования –вычислением матриц интеркорреляций по уже полученным данным.

Каждая из матриц вычислялась отдельно для каждой из групп испытуемых, разделенных по признаку пола. В результате для каждой из двух групп испытуемых соответствует своя матрица интеркорреляций метакогнитивных параметров. По результатам построения данных матриц был выполнен подсчет индексов когерентности структур (ИКС), отражающих степень интегрированности (согласованности) структурных элементов, дивергентности (отражает степень расхождения структурных элементов) и организованности структур метакогнитивных параметров (ИКС, ИДС и ИОС) на основании полученных значимых связей [5, 8].

Таблица 1

Индексы структурной организации метакогнитивных параметров в группах испытуемых руководителей – мужчин и женщин

Индексы	Группы	
	Мужчины	Женщины
ИКС	28	40
ИДС	0	0
ИОС	28	40

Анализ показателей индексов структурной организации основных исследуемых параметров позволил получить следующие результаты.

Во-первых, структуры метакогнитивных детерминант у руководителей-мужчин и руководителей-женщин являются различными. Этот результат не вполне согласуется с полученными ранее при реализации аналитического этапа исследования данными, установленными в ходе применения метода параллельных профилей и U-критерия Манна–Уитни. Подобная ситуация не является редкой, а, напротив, допустима и состоит в том, что результаты аналитического этапа исследования могут и должны быть дополнены и уточнены более «чувствительными» методами, которые включены в состав структурного этапа исследования и которые обладают большей «разрешающей способностью». Полагаем, наиболее явный и в то же время важный результат состоит в наличии достаточно выраженных и значимых в статистическом отношении различий между выборками, дифференцированными по половому признаку, в степени структурированности – общей организованности исследованных факторов на уровне их структурной организации.

Во-вторых, общая степень структурной организации метакогнитивных параметров в группе испытуемых-женщин оказалась выше, чем у испытуемых-мужчин, что отразилось в значениях индекса когерентности структуры (ИКС), и индекса общей организованности (ИОС) При этом обращает на себя внимание и очевидно значительное увеличение ИКС и ИОС в группе руководителей-женщин. Это свидетельствует о явных изменениях в организации метакогнитивной сферы личности у таких управленцев. Таким образом, можно видеть, что сами эти различия в существенной мере обусловлены различиями именно величины ИКС, а не ИДС. Вследствие этого главную роль

в различной мере выраженности «структурных» эффектов, приводящих к разной степени организации, играют именно средства и механизмы собственно интегративного плана.

В-третьих, очевидно, что в группе руководителей-женщин важное значение имеют не отдельно взятые метакогнитивные параметры (и их высокий и выше среднего уровень выраженности), но, напротив, общая мера организации всей метакогнитивной сферы. Между компонентами структуры (метакогнитивными характеристиками) имеют место отношения интегративного плана, эффекты синергии и «супераддитивности». Иначе говоря, высокий уровень выраженности каждого из них фасилитирует потенциал структуры, действует «во благо общего дела» – усиления (обеспечения) роли метакогнитивной сферы в управленческой деятельности.

В-четвертых, по всей видимости, по отношению к выборке женщин-руководителей выявлено преимущественно относительно более выраженное развитие вполне конкретных метакогнитивных параметров, таких как метакогнитивная включенность в деятельность и метамышление. Примечательно и то, что в группе мужчин-руководителей также наблюдаются специфически «мужские качества». Это, вероятно, выступает одним из факторов, обуславливающим различия в эффективности управленческого труда у женщин и мужчин руководителей. В то же время, как указывается в [8], это же свидетельствует и о том, что развитие метакогнитивной сферы как системного образования во многом обусловлено фактором пола. Специфически «мужские» или «женские» качества метакогнитивного плана могут быть определены за счет установления базовых качеств в каждой из исследуемых структур.

Наряду с этим, в качестве дополнительного метода, позволяющего оценить меру различий между исследуемыми структурами, был применен метод χ^2 (в своем экспресс-варианте) для определения степени гомогенности-гетерогенности матриц интеркорреляций. Согласно содержанию метода экспресс- χ^2 в нашем исследовании ранжируются структурные «веса» всех элементов каждой из групп испытуемых в отдельности. После присвоения рангов проводится корреляционный анализ каждой из структур друг с другом. Таким образом, в случае получения значимых корреляций между группами испытуемых можно говорить лишь о количественных различиях структур. И, наоборот, незначимые различия будут свидетельствовать о качественных изменениях внутри рассматриваемых структур [5, 8]. Результаты расчета экспресс- χ^2 представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Результаты реализации метода экспресс- χ^2
для групп испытуемых руководителей – мужчин и женщин**

Пол	Пол	
	Мужчины	Женщины
Мужчины	1,00	0,41
Женщины	0,41	1,00

Из полученных результатов видно, что различия между структурами метакогнитивных параметров являются значимыми. Исходя из этого можно сделать вывод, что в данном случае имеют место лишь количественные перестройки структур. Иначе говоря, структуры метакогнитивных параметров испытуемых, принадлежащих к двум исследуемым группам, при их сопоставлении друг с другом (посредством вычисления коэффициента ранговой корреляции Спирмена) оказались принципиально гомогенными; между ними наблюдаются количественные различия. Это свидетельствует о том, что данные структуры являются подобными – гомогенными. Можно предположить, что этот результат является вполне закономерным, поскольку отражает общий интегративный характер метакогнитивного потенциала независимо от пола испытуемых руководителей. Другими словами, практически все метакогнитивные параметры функционируют единым образом в целях достижения общего результата – повышения эффективности управленческой деятельности. Этот результат также вполне согласуется с ранее полученными данными реализации U-критерия Манна–Уитни. И у мужчин и у женщин руководителей метакогнитивный потенциал выступает важным ресурсом усиления эффективности управленческой деятельности, однако у женщин-руководителей структура метакогнитивных параметров, несмотря на такие общие тенденции, является все же более организованной, что и стало предметом интерпретации полученных результатов.

Вместе с тем вполне логичным представляется вопрос о влиянии условий дистанционных форм реализации деятельности управленческого типа на ее результативные параметры. Для ответа на него, полагаем, целесообразно обратиться к результатам исследований осуществленных нами ранее [8]. Согласно им эксплицируются очевидные и значимые различия в показателях индексов структурной организации компонентов метакогнитивного плана и отдельных метакогнитивных подсистем для мужской и женской частей общей выборки. Более того, соответствующие им структуры метакогнитивных параметров оказались принципиально гетерогенными. В ходе текущего исследования было показано, что, несмотря на установление специфически «мужских» и «женских» качеств и их разной функциональной роли в исследуемых структурах, показатели меры общей организованности оказались весьма высоки для обеих частей выборки, в то время как дезинтегративные тенденции, выражающиеся в отрицательных связях между отдельными метакогнитивными параметрами, вообще отсутствуют. Вследствие этого, можно сделать предварительное заключение о конструктивной роли дистанционных форм реализации управленческой деятельности относительно эффективности применения совокупности метакогнитивных стратегий, навыков и др. (то есть организации метакогнитивной сферы в целом). Кроме того, различия между мужской и женской частями выборки руководителей очевидно «сглаживаются», а метакогнитивный потенциал характеризуется общей направленностью – усилением меры эффективности деятельности. Нельзя также, на наш взгляд, исключать и высокой роли факторов метакогнитивного плана в субъектно-информационных видах деятельности, к кото-

---

рым, как известно, в последнее время стало целесообразно относить и управленческую деятельность.

Выводы

Во-первых, выявлены различия в показателях индексов структурной организации основных метакогнитивных параметров для мужчин и женщин руководителей. Общая степень структурной организации метакогнитивных параметров в группе испытуемых-женщин оказалась выше, чем у испытуемых-мужчин. При этом на фоне высоких показателей индекса когерентности и индекса общей организованности значения индекса дивергентности не были установлены, что свидетельствует об отсутствии дезинтегративных тенденций в исследуемых структурах и, напротив, об усилении метакогнитивного потенциала в каждой из них.

Во-вторых, установлено, что метакогнитивный потенциал обладает интегративными свойствами независимо от пола испытуемых-руководителей. Метакогнитивные параметры функционируют единым образом в целях достижения общего результата – повышения эффективности управленческой деятельности. Это обуславливает относительное снижение меры различий между структурами метакогнитивных параметров в группе руководителей – мужчин и женщин, что выразилось, в частности, в данных сравнения структур на предмет их гомогенности–гетерогенности.

В-третьих, показано, что дистанционные формы реализации деятельности управленческого типа, а также использование технологических средств информационно-коммуникативного плана оказывают конструктивное влияние на раскрытие метакогнитивного потенциала опять-таки независимо от половой принадлежности руководителей.

Ссылки

1. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. Ярославль: ЯрГУ; М.: РАО, 2016. 644 с.
2. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М.: Институт психологии РАН, 2013. 419 с.
3. Metcalfe J. Evolution of metacognition. New York: Psychology Press, 2008. 46 p.
4. Perfect T. J., Schwartz B. L. Applied Metacognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 220 p.
5. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.
6. Комаров Е. И., Жукова В. Ф. Гендерный менеджмент: учебник. М.: ИНФРА-М, 2012. 186 с.
7. Резник С. Д., Макарова С. Н. Гендерный менеджмент. Женщины в управлении: учебное пособие для вузов. М.: Финансы и статистика, 2009. 415 с.
8. Карпов А. А. Фактор пола как детерминанта функциональной организации метакогнитивной сферы личности в деятельности управленческого типа // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 89–92.
9. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: ИП РАН, 2005. 352 с.

Social psychology of the crowd in the works of foreign scientists of the late 19th – early 20th century

N. A. Vlasov¹

¹Gannushkin Psychiatric Hospital, 3 Poteshnaya str., Moscow, 107076, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-234-343

Research article
Full text in Russian

The article examines the ideas about the socio-psychological characteristics of the crowd described in the works of foreign scientists of the late 19th – early 20th century, analyzes the works on this topic by S. Sighele, G. Le Bon, G. Tarde, O. Cabanes and L. Nass. In the course of the study, a generalized picture of the views of these specialists on the phenomenology of large social groups was obtained. In general, it is recognized that the crowd is impulsive, unstable, irresponsible, susceptible to suggestions, gullible, intolerant and conservative. The behavior of an individual in a group differs from his behavior outside it, and the average intelligence of the crowd is generally lower than the individual. Of particular interest in the works under consideration is the criminal crowd, in which all the features of large social groups are expressed to an extreme degree. Its features are the susceptibility to imitation and suggestion, large numbers, moral intoxication, actualization of instinct and the specific, mostly marginal composition of the crowd. The merging of individuals into a crowd occurs with the help of a community of ideas and beliefs, through suggestion and imitation. The results obtained in the course of the study can be used both in social and political psychology and in historical science, where the scope of their application is outlined by the boundaries of mass phenomena of the past, present and future.

Keywords: social psychology; crowd; large social group; suggestion; imitation; beliefs

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vlasov, Nikita A. | E-mail: vlasov@psyinst.moscow
| Cand. Sc (Psychology)

Социальная психология толпы в работах зарубежных ученых конца XIX – начала XX века

Н. А. Власов¹

¹Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П. Б. Ганнушкина, ул. Потешная, 3, Москва, 107076, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-234-343
УДК 316.62

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются представления о социально-психологических особенностях толпы, описанные в работах зарубежных ученых конца XIX – начала XX века, анализируются труды по данной тематике С. Сигеле, Г. Лебона, Г. Тарда, О. Кабанеса и Л. Насса. В ходе исследования получена обобщенная картина взглядов указанных специалистов на феноменологию больших социальных групп. В целом признается, что толпа импульсивна, неустойчива, безответственна, податлива внушениям, легковерна, нетерпима и консервативна. Поведение индивида в группе отличается от его поведения вне ее, а усредненный интеллект толпы оказывается в целом ниже индивидуального. Особый интерес в рассматриваемых работах вызывает преступная толпа, в которой все особенности крупных социальных групп выражены в крайней степени. Ее особенностями являются подверженность подражанию и внушению, большая численность, нравственное опьянение, актуализация инстинкта и специфический, преимущественно маргинальный состав толпы. Слияние индивидов в толпу происходит при помощи общности идей и верований, посредством внушения и подражания. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы как в социальной и политической психологии, так и в исторической науке, где область их приложения очерчивается границами массовидных явлений прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: социальная психология; толпа; большая социальная группа; внушение; подражание; верования

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов, Никита Анатольевич | E-mail: vlasov@psyinst.moscow
Кандидат психологических наук

Введение

Социальные группы являются одним из основных предметов изучения социальной психологии, социологии, политологии и антропологии. Понимание культурно-исторической природы становления личности человека невозможно без понимания того общественного поля, продуктом которого он в значительной мере является. Системный характер всей внешней и внутренней реальности требует рассмотрение психики не как изолированного

© Власов Н. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

феномена, а как сложного явления, включенного в множество разнообразных структур, в том числе и социальных.

В последнее время массовидные психические явления продолжают наблюдаться не реже, а порой и чаще, чем раньше. Погромы после убийства Дж. Флойда, организованные движением «Black Lives Matter» в США (2020), массовые протесты из-за введения карантинных ограничений по причине пандемии COVID-19 в Европе (2020–2021), штурм Капитолия после проигрыша президентских выборов Д. Трампом в США (2021), беспорядки в начале 2022 года в Казахстане – это лишь некоторые примеры деструктивных действий толп за последние два года. Если же взять, скажем, период длиной в 10 лет, то таких массовых выступлений наберется намного больше.

Различные аспекты социальных групп рассматриваются в трудах как отечественных (В. В. Новиков [1]; Г. Ю. Чернов [2]; А. В. Юревич [3]; А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова и др. [4]), так и зарубежных (Р. Бэрн, Д. Бирн и Б. Джонсон [5]; С. Московичи [6]; Д. Майерс [7]; Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг [8]) авторов. Традиционно такие общности делятся на два типа (большие и малые), хотя в последние годы все больший интерес привлекают средние социальные группы [9]. Вместе с тем количество исследований малых общностей превалирует над количеством исследований больших, что связано в первую очередь с их лучшей теоретической разработанностью и методологической «доступностью».

Вследствие этого большие группы, в том числе толпы, часто оказываются на периферии социально-психологических исследований, что, несомненно, не отвечает современным реалиям. Можно ли, стремясь познать их феноменологию, обратиться к трудам ученых (психологов, социологов, правоведов и др.), написанным более чем сто лет назад? По всей видимости, ответ на этот вопрос будет положительным, так как в то время, на рубеже XIX и XX века, толпы представляли особый интерес для исследователей, а на потенциальную критику такой позиции с точки зрения «устарелости» полученных тогда знаний для современного мира можно ответить словами выдающегося философа прошлого века Л. Витгенштейна: «Проблемы разрешаются не получением новых данных, но упорядочиванием того, что давно известно» [10].

Ход и результаты исследования

Еще с конца XIX века объектом социально-психологических исследований в истории были так называемые массовидные психические явления. Феномен преступной толпы изучался итальянским социологом и криминологом Сципионом Сигеле (Scipio Sighele, 1868–1913). В его книге «Преступная толпа. Опыт коллективной психологии» («La coppia criminale»), изданной в 1892 году, проводится анализ совершающих преступление больших социальных групп. С точки зрения автора, толпа является разнородным организмом, включающим в себя людей обоих полов различной классовой принадлежности, отличающихся в возрастном отношении.

Толпа, по Сигеле, становится преступной по следующим причинам:

- Подверженность подражанию и внушению – в толпе актуализируются массовые психические процессы, связанные с повторением определенных действий и со сниженной критичностью [11].

- Большая численность – чем больше численность толпы, тем сильнее размывается индивидуальная ответственность каждого из ее участников и тем более заметным становится ощущение собственной безнаказанности [11]. При этом, как отмечает Сигеле, «толпа – это среда, где микроб зла развивается более легко, чем микроб добра».

- Нравственное опьянение – в преступной толпе человек не чувствует себя более стесненным в своем поведении рамками общества вообще, ведь окружающий его микросоциум в данный момент состоит из таких же индивидов, как и он сам. Вследствие этого каждый член толпы ориентируется не на социальные нормы «вообще», а на сиюминутные «нормы» своего действующего окружения. В результате этого толпа присваивает себе право быть и судьей, и палачом [11].

- Актуализация инстинкта убийства – в кризисной ситуации у многочисленной и опьяненной вседозволенностью толпы просыпается желание убивать других людей. При этом не требуется особого рационального объяснения для выбора жертвы, достаточно лишь одного вскрика для того, чтобы пролилась кровь [11].

- Специфический состав толпы – «ударным ядром» преступной толпы являются различные маргинальные слои – бродяги, преступники, сумасшедшие и алкоголики [11]. Хотя в такой стихийной группе много представителей более социализированных общностей, наиболее активными являются именно представители «вырождающихся типов».

Для иллюстрации вышеописанных тезисов Сигеле выбрал, как и многие его современники, Великую французскую революцию. Все указанные особенности преступной толпы проявились во время нее максимально отчетливо: внушаемость и ведомость, многочисленность, стремление судить и карать, кровожадная жесткость и склонность к садизму, большой процент умалишенных и преступников среди бунтовщиков.

Одним из основоположников социально-психологических исторических исследований можно считать французского психолога, историка и социолога Гюстава Лебона (Gustave Le Bon, 1841–1931). Его известная работа «Психология масс» («Psychologie des Foules») была издана в 1895 году и с тех пор является признанным эталоном в трудах, посвященных психологии больших социальных общностей.

В введении к книге автор провозглашает «эру масс», эпоху, когда именно массы определяют облик современного мира: «Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушиваться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы нации» [12]. Однако в этой тенденции Лебон не видит ничего хорошего, считая, что цивилизации создавались горсткой интеллектуалов-аристократов, а эра толп знаменует собой откат к варварству.

С социально-психологической точки зрения автор рассматривают «душу толпы», то есть ее коллективную психику. Индивиды объединяются в такую группу, следуя «психологическому закону духовного единства толпы», который заключается в формировании коллективной души; это новое групповое психическое образование побуждает каждого человека испытывать эмоции, мыслить и вести себя образом, отличным от того, как он ведет себя в отдельности. В качестве иллюстрации этого тезиса Лебон приводит пример отказа от своих привилегий аристократией 4 августа 1789 года во время Великой французской революции: коллективное отречение от таких благ стало возможным в условиях, когда каждый дворянин по отдельности не захотел бы этого сделать [12].

Оценивая коллективный интеллект толпы, автор ставит его ниже по сравнению с интеллектом отдельного индивида. Но если сравнение провести в плоскости чувств и поступков, то она может вести себя лучше или хуже обычного человека с моральной точки зрения. Признавая преступность толпы, как это делали и многие другие его современники, Лебон акцентирует и способность ее к героическим поступкам, таким как участие в первом крестовом походе или защита французами Республики во время Войны первой коалиции.

Проводя социально-психологическое исследование толпы, автор выделяет пять ее основных характеристик [12]:

- Импульсивность, изменчивость и раздражительность – импульсы, направляющие толпу, намного превосходят желания отдельных индивидов, однако они неустойчивы во времени и могут меняться на диаметрально противоположные. Кроме того, поведение толпы всегда непреднамеренно, ее действия не имеют заранее определенного смысла;

- Податливость внушениям и легковерность – в силу сниженного коллективного интеллекта толпа оказывается подвержена внушению, принимая некритично на веру любую информацию. Из этого тезиса делается вывод о недостоверности многочисленных личных свидетельств участников исторических событий;

- Преувеличение и односторонность чувств – крупные массы людей имеют тенденцию к гипертрофированному переживанию негативных и позитивных эмоций, а их восприятие характеризуется низким уровнем избирательности. При этом обе эти особенности усиливаются отсутствием индивидуальной ответственности каждого члена толпы, так как она имеет свойство распределяться между ними. В наше время этот феномен известен как делегирование ответственности группе;

- Нетерпимость, авторитетность и консерватизм – толпа испытывает только крайние чувства, радикальные мысли, она не признает полутонов, воспринимая какую-то идею как абсолютно истинную (правильную) или, наоборот, абсолютно ложную (неправильную). Такая масса совершенно уверена в своем авторитете и легко изгоняет такого вожака или оратора, который пытается ей прекословить. При этом большие социальные группы склонны

к консерватизму и их революционность представляет собой всего лишь временную вспышку эмоций. В качестве примера этого тезиса Лебон приводит позитивное отношение якобинцев к узурпации власти Бонапартом;

· Нравственность – толпа всегда имеет определенный моральный облик, который может быть как негативным (в случае, например, издевательств над своей жертвой), так и позитивным (на примере того же первого крестового похода или волонтеров 1793 года).

С когнитивной точки зрения толпа может иметь идеи, определенным образом рассуждать и воображать [12]. Коллективные идеи, по Лебону, делятся на временные и устойчивые. К первым можно отнести внезапно возникающее и также быстро проходящее преклонение перед каким-то лидером; ко вторым – более устойчивые образования, такие как философские идеи Просвещения, которые потребовали почти столетия для закрепления в массовом сознании, однако оказались весьма стойкими во времени. Рассуждения толпы, хоть и схожи по своему ассоциативному характеру с более возвышенным мышлением, являются зачастую паралогичными, они связывают разнородные по своей сути вещи и чрезмерно обобщают частности. Наконец, воображение представляет собой источник образов, управляющих толпой; следовательно, оперирование воображением позволяет манипулировать такой человеческой массой.

Лебон считал, что детерминанты мнений и верований толпы можно разделить на отдаленные и непосредственные. В первую категорию он включил такие переменные, которые делают толпу способной к восприятию определенных убеждений и резистентной к другим взглядам [12]. К таковым автор отнес расу, традиции, время, политические и социальные учреждения, образование и воспитание.

К непосредственным факторам мнений и верований толпы могут быть отнесены такие факторы, которые «надстраиваются» над подготовленным отдаленными переменными базисом [12]. Можно сказать, что эти факторы действуют на толпу «здесь-и-сейчас», то есть актуализируются в текущем социально-историческом контексте. В эту категорию автором были включены: образы, слова и формулы, обладающие сильным влиянием на людей, даже если они до конца и не понимают их значения (например, «свобода», «равенство», «социализм» и др.); иллюзии, например религиозные, во имя которых воздвигались храмы и начинались войны; опыт, особенно масштабный, такой как Великая французская революция (Лебон называет такой опыт «гигантским»), способный укрепить или разрушить верования; рассудок, но придерживающийся не ординарной аристотелевской логики, а сиюминутного настроения толпы.

Верования сами по себе делятся Лебоном на две основные группы [12]. К первой относятся постоянные верования, то есть свойственные определенной крупной социальной общности представления о себе и мире, как, например, восприятие римлянами себя как центра цивилизации, противостоящего варварскому окружению. Такие убеждения устойчивы во времени

и тяжело поддаются искоренению. Верования, относимые автором ко второй группе, можно скорее считать мнениями; они чрезвычайно изменчивы, так как не проистекают из постоянных верований, и их динамизм поддерживается за счет деятельности печатных органов. Иллюстрируя эту текучесть, автор приводит пример того, как всего лишь за одно поколение (1790–1820) общественное мнение трансформировалось от монархического к республиканскому, затем к имперскому, а позже снова к монархическому.

В конце своего труда Лебон приводит собственную классификацию видов толпы по критерию психологической гомогенности, которая бывает разнородной и однородной, а также более подробно останавливается на преступной и избирательной ее разновидностях [12]. Преступная толпа направляется мощными внушениями и убеждена в правоте своих действий, что, собственно, и отличает ее от обычного преступника. В социальной массе такого рода часто стираются понятия морали и нравственности, вернее, они временно изменяются согласно требованию момента; так, во время «сентябрьской резни» 1792 года ее участники были искренне уверены в том, что, жестоко убивая дворян и священников, они совершают благое дело.

С представлениями Лебона о сущности крупных социальных групп и их влиянии на ход исторического процесса полемизирует социолог, юрист и психолог Габриэль Тард (Gabriel Tarde, 1843–1904). Соглашаясь с Лебоном в вопросе влияние масс на политику в прошлом, настоящем и будущем, Тард в своей работе «Мнение и толпа» («L'opinion et la foule»), изданной в 1901 году, предлагает разграничивать понятия «толпа» и «публика». Признавая, что «психология толпы выяснена», он дает следующее определение публики: «[публика это] чисто духовная совокупность, группа индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью» [13]. Для того чтобы четко разделить эти два понятия, автор предлагает следующие критерии: эволюцию (у публики она существенно более продвинута, чем у толпы), нетерпимость (толпа существенно более нетерпима и менее скептична по сравнению с публикой), устойчивость (толпа легко образуется и также легко распадется под действием множества факторов, в то время как публика существенно более стабильна), влияние лидера (толпа сама может породить вожака согласно своим сиюминутным предпочтениям, в то время как публика несет на себе отпечаток своего вдохновителя или создателя). Публика, если сравнивать ее с толпой, менее податлива внушению, в некотором смысле более разумна, чем толпа; толпа же «безумна», она отличается «гордостью, нетерпимостью, неумеренностью во всем» [13].

Отдельное место в работе Тарда посвящено проблеме преступности больших социальных групп. Автор пишет, что «существует публика преступная, кровожадная», однако по сравнению с преступной толпой она «действительнее, утонченнее, глубже, непростительнее». Тард определяет четыре особенности, различающиеся у преступных публики и толпы: (1) преступления публики производят менее отталкивающее впечатление; (2) у публики деяния связаны не столько с мстостью, сколько с корыстью, в том числе полити-

---

ческой, в силу чего представляются менее жестокими, но более коварными; (3) давление публики более масштабно и продолжительно во времени; (4) преступления публики характеризуются большей безнаказанностью [13]. Ее жестокие деяния подвижны не вспышками гнева, как это бывает у разгоряченной толпы, а страха; иллюстрируя этот тезис, Тард приводит пример «Сентябрьской резни», которая возникла из страха революционных масс перед одновременным наступлением на Париж прусско-австрийской армии и восстанием роялистов в самом городе. Однако действия преступных публик и толп не исключают, а часто дополняют друг друга. Так, за совершающей зверства толпой часто таится публика, возбуждая и направляя ее гнев.

Изучая зарождение и генезис публики, Тард приходит к выводу, что во Франции она появилась при Людовике XIV, однако наибольшего влияния достигла уже во второй половине XVIII века, в эпоху Просвещения. Автор связывает это с развитием политического сознания парижской преимущественно публики, которое формировалось в результате «распространения газет, пожираемых с жадностью» [13]. Сравнивая Великую французскую революцию с мятежами Фронды, Тард приходит к выводу, что основным социальным агентом первой была именно публика, поэтому она и смогла добиться столь значительных результатов в ломке «Старого порядка», в то время как бунтующие толпы прошлого оказались бессильны перед этим.

Допуская одновременное сосуществование и толпы, и публики, автор делает акцент на том, что во время революции во Франции наиболее активной была именно публика Парижа, что опять-таки он связывает с тем влиянием, которое на нее оказывали газеты, единственная в то время форма средств массовой информации [13]. В остальных же частях королевства, отчасти подражая населению столицы, действовали именно толпы.

Отмечая всевозрастающее значение публики в истории, Тард отвергает лебоновскую «эру толпы», предлагая заменить ее «эрой публики или публик» [13]. Согласно ему толпа, будучи способной оказывать влияние на принятие определенных решений, не имела долгосрочного влияния. Под давлением мятежников власти могли пойти на временные уступки, однако после подхода правительственных войск и расправы над бунтовщиками все возвращалось на круги своя. Влияние же публики существеннее, устойчивее во времени; это сила, которая уже может в определенной степени навязывать властям свои желания и условия, поэтому последним вынужденно приходится считаться с ее мнением. В этом и состоит историческое отличие толпы от публики, что и позволило Тарду сделать вывод о несостоятельности концепции «эры толпы» Лебона.

Еще одним классиком социально-психологических исследований в истории можно считать врача и литератора Огюстена Кабанеса (Augustin Cabanès, 1862–1928). В изданной совместно с доктором Л. Нассом в 1906 году монографии «Революционный невроз» («La Névrose révolutionnaire») авторы рассматривают Великую французскую революцию как своего рода психическую бо-

лезнь, охватившую целую нацию. Это и не удивительно, потому что Кабанес, будучи практикующим медиком, написал в общей сложности более 20 работ, посвященных медицине.

В первом разделе книги авторы описывают основные особенности революционной толпы. Таковых они выделяют три [14]:

- Подверженность страху – люди оказываются охвачены страхом, который распространяется быстрее чумы. «Великий страх» времен Французской революции представляет собой тотальную фобию целой нации вне зависимости от классовой принадлежности: дворяне и священники боятся расправ со стороны «черни», та в свою очередь боится мести со стороны представителей первых двух сословий, а также опасается прусских и австрийских интервентов. Все боятся всех;

- Садистическое безумие – жесткость, доходящая до изуверства, свойственная революциям. Эта особенность революционной толпы предопределяется и во многом подогревается страхом. Сентябрьские расправы 1792 года, как справедливо на это указывал ранее Тард, были результатом охватившей парижан паники. Для того чтобы проиллюстрировать степень выраженности садистического безумия во время революции, авторы посвящают целую главу подробному описанию кровавого убийства принцессы Ламбаль, приближенной королевы Марии-Антуанетты;

- Патриотическое бичевание – стремление к физическим наказаниям врагов революции во имя «нации и родины». Экзекуции такого рода являются болезненными и попирающими человеческое достоинство. Кабанес и Насс описывают настоящую эпидемию порки розгами во время событий, последовавших за взятием Бастилии. Секли в первую очередь бывших господ и представителей духовенства, однако доставалось и психически больным людям (например, в больницах Сальпитриер и Бисетр) и простому люду, который мог быть лишь только заподозрен в симпатиях к первым двум сословиям или прусско-австрийским интервентам.

Отдельной проблемой, рассматриваемой в работе Кабанеса и Насса, является проблема жизни и смерти во время революции. Авторы указывают, что отличительной чертой подобных словес устоявшегося социального порядка является «подчинение законов и правосудия грубой силе» [14]. На таком фоне «Старый режим» выглядит намного более милосердным, так как революционеры возводят насилие в повседневную практику управления. Их знаменитые новации – революционный трибунал и система Террора, при котором целые сословия подвергались репрессиям, и даже условно «своим» (например, Ж. Дантон или Ж.-Р. Эбер) не гарантирована безопасность. В новых реалиях происходит стремительная девальвация стоимости человеческой жизни, которая проявляется как в уничтожении одних людей другими, так и в самоуничтожении, то есть в целой эпидемии суицидов [14].

Заключение

Социальная психология толпы рассматривается авторами с двух основных позиций: особенностей толпы и механизмов ее образования и поддер-

жания единства. В целом признается, что толпа импульсивна, неустойчива, безответственна, податлива внушениям, легковерна, нетерпима и консервативна. Поведение индивида в группе отличается от его поведения вне ее, а усредненный интеллект толпы оказывается в целом ниже индивидуально-го. Следует разделять публику и толпу, которые отличаются по ряду критериев (эволюция, нетерпимость, устойчивость, влияние лидера); зарождение и генезис публики он связывает с развитием общественного мнения, создаваемого газетами. Особый интерес в рассматриваемых работах вызывает преступная толпа, в которой все особенности крупных социальных групп выражены в крайней степени. Ее особенностями являются подверженность подражанию и внушению, большая численность, нравственное опьянение, актуализация инстинкта и специфический, преимущественно маргинальный состав толпы. Слияние индивидов в толпу (не в физическом, а психологическом смысле) происходит при помощи общности идей и верований, посредством внушения и подражания. Полученные результаты могут быть использованы как в социальной и политической психологии, так и в исторической науке, где область их приложения очерчивается границами массовидных явлений прошлого, настоящего и будущего.

Ссылки

1. Новиков В. В. Социальная психология: феномен и наука. М.: Институт психотерапии, 2003. 344 с.
2. Чернов Г. Ю. Социально-массовые явления: Исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2005. 208 с.
3. Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Институт психологии РАН, 2014. 349 с.
4. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований / А. Л. Журавлев [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2017. 424 с.
5. Бэрон Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
6. Социальная психология / под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. 592 с.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2014. 800 с.
8. Кенрик Д., Нейберг С., Чалдини Р. Социальная психология. СПб.: Питер, 2016. 848 с.
9. Карпов А. В., Власов Н. А. Средняя группа как предмет изучения социальной психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, № 3. С. 311–314.
10. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019. 352 с.
11. Сигеле С. Преступная толпа. М.: Ин-т психологии РАН; Изд.-во «КСП+», 1999. 320 с.
12. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд.-во «КСП+», 1999. С. 15–256.
13. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд.-во «КСП+», 1999. С. 257–408.
14. Кабанес О, Насс Л. Революционный невроз. М.: Академический проект, 2018. 367 с.

The correlation of cognitive flexibility, decision-making styles, implicit theories of intelligence and personality, and academic motivation of students

D. V. Lastovenko¹, A. A. Muzalevskaia¹

¹Leonov Moscow Region University of Technology», 7 Stroiteley Boulevard, Krasnogorsk City District, Moscow region, 143407, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-344-353

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the discussion of the features of cognitive flexibility, decision-making styles, implicit representation of intelligence and personality and academic motivation in technical university students. Two groups with high and average level of cognitive flexibility were distinguished on the sample of 166 students on the basis of cluster analysis. The features of internal correlation factors between the indicators considered in the study in the groups distinguished by the level of flexibility were shown. The greatest number of connections was found between the indices of general flexibility and students' intrinsic motivation, with implicit notions of intelligence and personality, and negatively with maladaptive coping.

Regression analysis showed that predictors having the greatest influence on flexibility are «Motivation for achievement», «Acceptance» of the theory of "increasing intelligence", "Vigilance" and "Extrinsic motivation".

Keywords: Cognitive flexibility; decision-making; implicit theories of intelligence; academic motivation; students

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lastovenko, Darya V. | E-mail: lastovenko.dv@ut-mo.ru
Leading psychologist

Muzalevskaia, Alyona A. | E-mail: muzalevskaia.aa@ut-mo.ru
Cand. Sc. (Technology), Associate Professor

Взаимосвязь когнитивной флексibilityности, стилей принятия решений, имплицитных представлений об интеллекте и личности и академической мотивации студентов

Д. В. Ластовенко¹, А. А. Музалевская¹

¹Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта А. А. Леонова, бульвар Строителей, городской округ Красногорск, Московская область, 143407, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-344-353
УДК 159.955

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена обсуждению особенностей когнитивной флексibilityности, стилей принятия решений, имплицитных представлений об интеллекте и личности и академической мотивации у студентов технического вуза. На выборке 166 студентов на основании кластерного анализа были выделены две группы с высоким и средним уровнем когнитивной флексibilityности. Показаны особенности внутренних корреляционных факторов между показателями, рассматриваемыми в исследовании, у выделенных по уровню флексibilityности групп. Наибольшее число связей обнаружено между показателями общей флексibilityности с внутренней мотивацией студента, с имплицитными представлениями об интеллекте и личности и отрицательно с неадаптивными копингами.

Регрессионный анализ показал, что предикторами, оказывающими наибольшее влияние на флексibilityность, являются «Мотивация достижения», «Принятие» теории «наращиваемого» интеллекта», «Бдительность» и «Экстернальная мотивация».

Ключевые слова: когнитивная флексibilityность; принятие решений; имплицитные теории интеллекта; академическая мотивация; студенты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ластовенко, Дарья Викторовна | E-mail: lastovenko.dv@ut-mo.ru
Ведущий психолог учебно-научной лаборатории
социологических исследований

Музалевская, Алёна Александровна. | E-mail: muzalevskaya.aa@ut-mo.ru
Кандидат технических наук, доцент кафедры
техники и технологии

Постановка проблемы исследования

Когнитивная флексибельность считается одним из необходимых навыков и умений современного специалиста, позволяющим субъекту анализировать информацию, альтернативы и адаптироваться к изменениям условий для решения задач. Активную адаптацию к изменениям субъект осуществляет за счет реструктуризации своих знаний для эффективной интерпретации новой ситуации и изменяющихся требований к задаче. Тем не менее это все еще слабо изученное понятие в отечественной психологии.

Исследования показывают, что когнитивная флексибельность (КФ) характерна для субъектов, постоянно занимающихся профессиональным саморазвитием, что необходимо современному специалисту для того, чтобы быть востребованным на быстроменяющемся рынке труда.

В противоположность этому субъект, обладающий низким уровнем когнитивной гибкости, будет склонен застревать на выполняемых задачах, ригидно выбирать способы решения этих задач. Это, в свою очередь, делает процесс обучения менее эффективным с точки зрения приобретения умений решать профессиональные задачи. Текущее возрастание неопределённости в обществе и на рынке труда обуславливает растущий интерес к исследованию флексибельности современного специалиста.

Сама КФ понимается и как некая когнитивная способность, и как свойство когнитивных процессов или когнитивной системы. В исследованиях, проанализированных в статье Т. Ionescu (2012), когнитивная гибкость может быть концептуализирована как смена установок, способность когнитивного контроля, свойство познания или психических состояний и мера дивергентного мышления.

Е. Ю. Осаволук и С. С. Кургинян определяют когнитивную флексибельность как ментальную способность, характеризующуюся умением преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия жизнедеятельности [1–2].

Когнитивная флексибельность позволяет субъекту переключаться между генерируемыми альтернативами решения тех или иных задач и осуществлять контроль. Следовательно, КФ в структуре принятия решений будет оказывать значительное влияние на процесс генерации необходимых альтернатив, их оценку и выбор. Стиль принятия решений, основные копинги этого процесса оказывают непосредственное влияние на успешность в достижении тех целей, которые студенты ставят перед собой, и в контексте преодоления существующей неопределенности и более эффективной адаптации к изменяющейся среде. Исследования показывают, что вигильность (бдительность) положительно связана с интолерантностью к неопределенности, рациональностью, рефлексивностью и потребностью к познанию [3].

Процесс подготовки специалиста в вузе предполагает наличие у него определённых учебных установок и мотивации. Имплицитные теории и академическая мотивация играют одну из ключевых ролей в успешности обучения. Тенденция относится к своим способностям как к потенциально развиваемым, позволяет студенту легче воспринимать сложные задачи. Они воспринимают их как основу развития способностей, навыков и умений. Согласно К. Двек, такие студенты будут больше ориентированы на обучение и овладение мастерством [4].

Академическая мотивация характеризует систему мотивов, способов и стратегий регуляции выполнения учебной деятельности. Особенности академической мотивации определяют как сами академические достижения студента в вузе, так и отношение студента к приобретаемой им профессии, к процессу достижения профессионального мастерства.

Таким образом, целью нашего исследования является анализ взаимосвязи когнитивной флексибильности с особенностями принятия решений, имплицитных представлений об интеллекте и личности и академической мотивации студентов; определение различий в выраженности приведенных выше параметров у студентов, обладающих разными уровнями когнитивной флексибильности. Можно предположить, что у студентов с более высокой когнитивной флексибильностью будут выше показатели мотивации, более продуктивные стратегии решения задач и будет выше оценка собственного вклада в свое саморазвитие и развитие своего интеллекта.

Организация процедуры и методы исследования

Сбор теоретического и эмпирического материала проходил с декабря 2021 по февраль 2022 года. Для сбора эмпирического материала были использованы 4 психодиагностические методики опросного типа:

1. Опросник когнитивной флексибильности (CFI), адаптация С. С. Кургинян и Е. Ю. Осаволук (шкалы: альтернативы, контроль, общая шкала когнитивной флексибильности) [5].

2. Мельбурнский опросник принятия решений (Melbourne decision making questionnaire, MDMQ), адаптация и валидизация опросника «Flinders' Decision Making Questionnaire» Т. В. Корниловой (шкалы: бдительность, избегание, прокрастинация, сверхбдительность) [3].

3. «Опросник имплицитных теорий и целей обучения» К. Двек, разработка и адаптация Т. В. Корниловой с соавторами (шкалы: принятие теории «наращиваемого» интеллекта, принятие теории «обогащаемой» личности, принятие целей обучения, самооценка обучения) [4].

4. Шкала академической мотивации (The Academic Motivation Scale), разработка и адаптация Т. О. Гордеевой, О. А. Сычевым и Е. Н. Осиним (шкалы академической мотивации Валлеранда (шкалы: познавательная мотивация, мотивация достижения, интроецированная мотивация, экстернализованная мотивация) [6].

В исследовании приняли участие 166 студентов Технологического университета 1–5 курсов очной и очно-заочной формы обучения. Все студенты являются обучающимися института ракетно-космической техники и технологии машиностроения (инженеры), института инфокоммуникационных систем и технологий (программисты) и института проектного менеджмента и инженерного бизнеса (экономисты). Выборку составили 20,85 % женщин и 79,5 % мужчин в возрасте от 17 до 43 лет ($M = 20,2$, $sd = 2,3$). Информированное согласие было получено от всех респондентов.

Для математико-статистической обработки и интерпретации данных использовался пакет IBM SPSS Statistics 22.0. Методы: кластерный анализ (метод k-means), корреляционный анализ, метод вычисления матриц интеркорреляций, метод определения индексов структурной организации, регрессионный анализ (метод Stepwise).

Результаты исследования и их обсуждение

Кластеризация по параметру общей флексибельности показала наличие 2 групп: группа 1 с высоким уровнем КФ ($n=105$) и группа 2 ($n=61$) со средним уровнем КФ с конечными центрами кластеров 118 и 85.

У группы с высоким уровнем флексибельности выше показатели бдительности при низких значениях показателей неадаптивных копингов. В группе со средними показателями неадаптивные копинги выше, чем показатели неадаптивных копингов у группы 1. Группа с высокими показателями флексибельности также демонстрирует большую уверенность в том, что они способны лично развиваться и развивать свой интеллект, у них в большей степени выражена познавательная мотивация и мотивация достижения. У группы со средним уровнем флексибельности выше показатели избегания, прокрастинации и сверхбдительности. Для них характерны более высокие показатели по интроецированной и экстернальной мотивации (рис. 1).

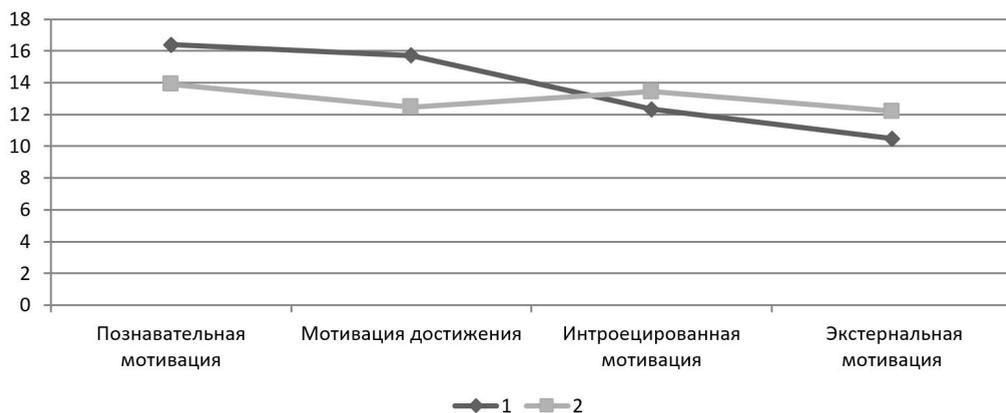
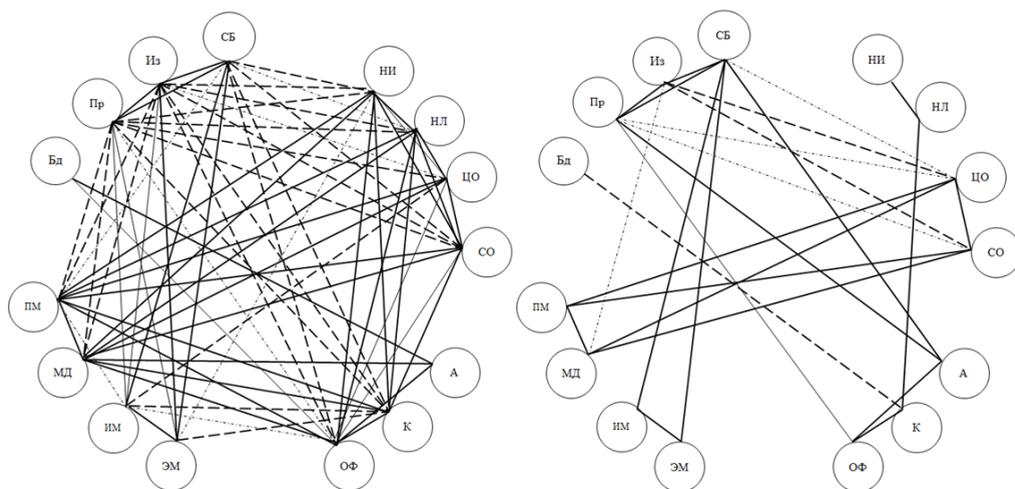

Рис. 1. Особенности академической мотивации в исследуемых подгруппах

Корреляционный анализ

На основании полученных данных после применения корреляционного анализа был реализован структурный анализ взаимосвязи стилей принятия решений, имплицитных представлений об интеллекте и своей личности, когнитивной флексибильности и характеристик академической мотивации. Каждая из матриц вычислялась отдельно для 2 групп респондентов. Были построены структурограммы для каждой группы (рис. 2) и был произведен расчёт индексов когерентности, дивергентности и организованности (ИКС, ИДС и ИОС) структуры [7.].

Бд – бдительность, Из – избегание, Пр – прокрастинация, СБ – сверхбдительность, НИ – принятие теории «наращиваемого» интеллекта, НЛ – принятие теории «обогащаемой» личности, ЦО – принятие целей обучения, СО – самооценка обучения, А – альтернативы, К – контроль, ОФ – общая флексибильность, ПМ – познавательная мотивация, МД – мотивация достижения, ИМ – интроецированная мотивация, ЭМ – экстернальная мотивация; жирная линия – значимость на $p=0,01$; полужирная линия значимость на $p=0,05$; сплошные линии – положительные связи; пунктирные линии – отрицательные связи.

Рис. 2. Структурограмма показателей для групп с высоким и средним уровнем когнитивной флексибильности

Как видно, при возрастании общего уровня когнитивной флексибильности увеличивается степень интегрированности и дивергентности структуры. Расчет показателей когерентности и дивергентности показал, что кон-

вергентность структуры у группы с высоким уровнем флексиби́льности в 2 раза выше, чем у группы со средним, а показатель дивергентности выше в 4 раза. Индекс организованности структуры выше на 7 баллов в группе с высоким уровнем флексиби́льности.

У группы с высоким уровнем флексиби́льности показатели общей флексиби́льности взаимосвязаны положительно с внутренней мотивацией студента, с имплицитными представлениями об интеллекте, личности и отрицательно с неадаптивными копингами. Следовательно, между этими показателями есть положительная взаимосвязь и увеличение показателей флексиби́льности приводит в перспективе к повышению мотивации достижения и познавательной мотивации, большей положительной оценке влияния собственных усилий на результат обучения и большей уверенности в своей способности к саморазвитию.

У группы со средним уровнем общая флексиби́льность взаимосвязана только с прокрастинацией и показателями методики на КФ: контролем и альтернативами. Можно предположить, что для таких студентов возможность генерировать и выбирать альтернативы при отсутствии или слабой мотивации к достижению приводит к бездействию и прокрастинации.

У группы с высоким уровнем флексиби́льности имплицитные представления об их интеллекте и личности, принятие целей и самооценка обучения положительно взаимосвязаны с показателями внутренней мотивации, что в перспективе позитивно сказывается на процессе обучения и приобретения профессиональных знаний. В группе со средним уровнем флексиби́льности положительно взаимосвязаны с показателями внутренней мотивации только принятие целей обучения и самооценка обучения. Для таких студентов усиление внутренней мотивации позволяет в большей степени ориентироваться на процесс обучения и выше оценивать собственный вклад в учебу.

Для установления отношений между показателями и выяснения влияния исследуемых компонентов на КФ был проведен регрессионный анализ. В качестве независимых переменных рассматривались стили принятия решений, имплицитные представления об интеллекте и личности и показатели академической мотивации студентов, в качестве зависимых – показатель общей флексиби́льности. В результате было получено 4 регрессионные модели, значимые при $p < 0,05$. Анализ показал, что 31,6 % дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием со стороны предикторов: «Мотивация достижения», «Принятие» теории «наращиваемого» интеллекта», «Бдительность», «Экстернальная мотивация» (табл. 1).

Построение общей регрессионной модели по всем показателям

Мо- дель	R	R2	Скор- ректи- рован- ный R2	Стан- дарт- ная ошиб- ка оценки	Статистика изменений				
					Изме- нение R2	Изм-е F	ст.св.1	ст.св.2	Знач. F
1	,430a	,185	,180	18,549	,185	37,165	1	164	,000
2	,496b	,246	,237	17,894	,061	13,240	1	163	,000
3	,545c	,297	,284	17,336	,051	11,662	1	162	,001
4	,562d	,316	,299	17,146	,020	4,599	1	161	,033

Примечания: а. предикторы: (константа), мотивация достижения; б. предикторы: (константа), мотивация достижения, принятие теории «наращиваемого» интеллекта; с. предикторы: (константа), мотивация достижения, принятие теории «наращиваемого» интеллекта, бдительность; д. предикторы: (константа), мотивация достижения, принятие теории «наращиваемого» интеллекта, бдительность, экстернальная мотивация.

Наиболее значимыми предикторами флексибельности стали «Бдительность» и «Мотивация достижения». В меньшей степени влияние оказывает показатель «Принятие теории «наращиваемого» интеллекта». Отрицательное влияние оказывают «Экстернальная мотивация» (табл. 2).

Результаты регрессионного анализа влияния стилей принятия решений, имплицитных показателей интеллекта и личности и академической мотивации студентов на КФ

Модель 4	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значение F
	B	Стандартная ошибка	Бета		
(Константа)	33,658	13,781		2,442	,016
Мотивация достижения	1,656	,367	,318	4,513	,000
Принятие теории «наращиваемого» интеллекта	,554	,186	,215	2,981	,003
Бдительность	2,458	,713	,227	3,448	,001
Экстернальная мотивация	-,941	,439	-,144	-2,145	,033

Стремление студента достигать успехов, готовность к решению возникающих задач, убеждение в том, что они способны становиться умнее в результате решения особо трудных задач, позволяет обучающемуся быть более гибким по отношению к ситуации обучения, приобретения знаний и адаптации к изменениям среды. Внешние факторы мотивации (давление социума, репрезентативной группы, вуза и т. д.) снижают у студентов когнитивную гибкость, что негативно сказывается на решении задач и обучении.

Выводы

1. У студентов с высоким уровнем флексибильности выше показатели бдительности, они демонстрируют большую уверенность в способности лично развиваться и развивать свой интеллект, у них в большей степени выражена познавательная мотивация и мотивация достижения. У группы со средним уровнем флексибильности выше показатели избегания, прокрастинации и сверхбдительности, интроецированной и экстеральной мотивации.

2. Корреляционный анализ показывает, что при возрастании общего уровня когнитивной флексибильности увеличивается степень интегрированности и дивергентности структур. У группы с высоким уровнем флексибильности показатели общей флексибильности взаимосвязаны положительно с внутренней мотивацией студента, с имплицитными представлениями об интеллекте, личности и отрицательно – с неадаптивными копингами. Имплицитные представления об интеллекте и личности, принятие целей и самооценка обучения положительно взаимосвязаны с показателями внутренней мотивации. У группы со средним уровнем общая флексибильность взаимосвязана только с контролем, альтернативами и прокрастинацией. С показателями внутренней мотивации положительно взаимосвязаны принятие целей обучения и самооценка обучения.

3. Регрессионный анализ показал, что наибольшее положительное влияние на показатель флексибильности в исследуемой выборке оказывают мотивация достижения, принятие теории «наращиваемого» интеллекта и бдительность. Снижает показатель флексибильности экстеральная мотивация.

Благодарности

Авторы выражают благодарность кандидату психологических наук, доценту М. В. Капрановой и кандидату психологических наук, доценту С. С. Костыре за помощь в организации и сборе эмпирического материала исследования.

Ссылки

1. Осаволук Е. Ю., Кургинян С. С. Когнитивная флексиби́льность личности: теория, измерение, практика // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. Т. 15, № 1. С. 128–144. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2018/10/07/1157350943/430-872-1-SM.pdf>
2. Осаволук Е. Ю. Роль когнитивной флексиби́льности в проявлении атрибутивного стиля и стратегиях совладающего поведения в период ранней взрослости // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 74. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n74/1817-osavolyuk74.html>
3. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/883-kornilova31.html> (дата обращения: 18.11.2021).
4. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Т. В. Корнилова [и др.] // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 106–120.
5. Кургинян С. С., Осаволук Е. Ю. Опросник когнитивной флексиби́льности: структура русскоязычной версии (CFI-R), надежность и валидность опросника // Психологический журнал. 2018. № 39(2). С. 105–119.
6. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 4. С. 96–107.
7. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль, 2018. 784 с.

Partiality of Emotional Intelligence as Determinants of Management Decisions

N. V. Sidorova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-354-362

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of the influence of emotional intelligence on the stylistic differentiation of managerial decision-making processes. The main result obtained in the course of the study is that for the first time a diversified influence of emotional intelligence on managerial activity was revealed, which manifests itself in the fact that emotional intelligence negatively affects the style of managerial decision-making.

Keywords: decision-making; managerial decisions; managerial activity; managerial decision-making style; emotional intelligence; partiality

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sidorova, Natalia V. | E-mail: Sidorova__natalia@mail.ru
| Postgraduate

Парциальность эмоционального интеллекта как детерминанта принятия управленческих решений

Н. В. Сидорова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-354-362
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В работе представлены результаты влияния эмоционального интеллекта на стилевую дифференциацию процессов принятия управленческих решений. Впервые выявлено диверсифицированное влияние эмоционального интеллекта на управленческую деятельность, которое проявляется в том, что эмоциональный интеллект отрицательно влияет на стиль принятия управленческих решений.

Ключевые слова: принятие решений; управленческие решения; управленческая деятельность; стиль принятия управленческих решений; эмоциональный интеллект; парциальность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сидорова, Наталья Викторовна | E-mail: Sidorova__natalia@mail.ru
Аспирант

Постановка проблемы

Целый ряд научных исследований, посвященных такому психологическому конструкту, как эмоциональный интеллект (далее по тексту – ЭИ), устанавливает его положительное влияние на жизнедеятельность человека.

Например, D. M. William установил взаимосвязь между текучестью кадров и ЭИ руководителя: чем выше ЭИ руководителя, тем меньше увольнений в организации [1]. С. Miao, R. H. Humphrey, S. Qian установили, что ЭИ руководителей вне зависимости от их пола и возраста положительно коррелирует с удовлетворенностью работой подчиненных [2].

Результаты исследования Е. Altinag и У. Kosedagi показали, что между ЭИ, инновационной корпоративной культурой организации и производительностью труда сотрудников существует значимая взаимосвязь. Таким образом, исследователи утверждают, что для повышения производительности труда сотрудников необходимо развитие ЭИ руководителей [3]. Исследователи М. Hendon, Л. Powell и Н. Wimmer выявили, что в области информационных технологий между ЭИ и эффективностью коммуникации существует статистически значимая положительная корреляция, что свидетельствует о том, что ЭИ положительно влияет на эффективность коммуникации [4]. Н. Jafri, С. Dem и S. Choden установили тот факт, что развитый ЭИ руководителя положительно влияет на уровень развития креативности работников и на организационный климат [5]. Результаты эксперимента Е. J. Fernandez-Ozcorta, В. J. Almagro и Р. Saenz-Lopez показали, что руководители с развитым ЭИ предпочитают более эффективные стратегии для решения проблем. Этот факт говорит о том, что независимо от поведения других руководители с высоким ЭИ гибко реагируют на социальный контекст, способны максимизировать долгосрочные выгоды [6].

Приведенные выше исследования подтверждают главную идею взаимосвязи ЭИ с жизнедеятельностью человека: чем выше ЭИ, тем успешнее и лучше человек ощущает себя. При этом в данном контексте важно проанализировать влияние ЭИ на управленческую деятельность руководителя.

В исследовании Н. Р. Кельчевской, И. С. Пелымской, Е. К. Чешко [7] доказана взаимосвязь динамики ЭИ и результатов хозяйственной деятельности предприятия, что свидетельствует о том, что с ростом среднего значения ЭИ экономические результаты растут. В работе Е. О. Корнейчук [8] выявлено, что высокий уровень ЭИ наиболее важен для развития таких компетенций, как стратегический менеджмент и ориентация на клиента. При этом руководители, которые имеют высокий показатель по уровню управленческих компетенций, обладают более высоким ЭИ.

В исследовании Е. А. Хлевной [9] доказана положительная взаимосвязь между уровнем ЭИ и эффективностью управленческой деятельности. При этом высокий уровень развития таких способностей, как распознавание и интерпретирование эмоций, использование их для решения управленческих задач, управление своими эмоциями и эмоциями окружения, положительно коррелирует с эффективностью деятельности и, в частности, с прибыльностью организации и рентабельностью вложенных в ее развитие инвестиций.

А. С. Петровская [10] выявила закономерную взаимосвязь между индивидуальной мерой выраженности ЭИ и результативными параметра-

ми управленческой деятельности. Чем выше ЭИ руководителя, тем выше степень эффективности его деятельности. В работе Т. А. Панковой [11] доказан тот факт, что руководители с высоким уровнем ЭИ оказываются способными к более эффективной деятельности, что выражается в высокой удовлетворенности трудом и меньшей подверженности эмоциональному выгоранию.

Таким образом, представленные работы свидетельствуют о доказательности положительного влияния ЭИ на управленческую деятельность. В свете вышесказанного выявляется объективная необходимость в формулировке общей цели исследования, которая состоит в попытке синтеза двух направлений, раскрывающих влияние ЭИ на предпочтение (выбор) стиля принятия управленческих решений.

Процедура и методики исследования

Реализация данной цели предполагает необходимость получения двух массивов первичных эмпирических данных. Во-первых, данных, характеризующих индивидуальную меру выраженности ЭИ. Для этого использовалась методика Д. В. Люсина [12]. Во-вторых, данных о стилевых предпочтениях принятия управленческих решений. В этих целях использовалась методика А. В. Карпова и Е. В. Марковой [13]. Она позволяет дифференцировать пять базовых стилей принятия управленческих решений – попустительский, маргинальный, реализаторский, авторитарный и ситуационный.

Важно иметь в виду, что раскрытие влияния ЭИ на стилевые различия управленческих решений должно быть организовано в соответствии и с общей логикой реализации базовых исследовательских императивов в целом. Одним из важнейших среди них выступает проведение двух основных этапов (и, соответственно, уровней) исследования – аналитического и структурного. На первом из них устанавливаются и интерпретируются частные детерминационные отношения между исследуемыми предметами. В нашем случае – это детерминационные влияния ЭИ и его отдельных компонентов на стилевые различия процессов принятия управленческих решений. На втором этапе основным предметом выступает установление эффектов и закономерностей собственно структурного и системного плана, эксплицирующих синергетические детерминационные воздействия всей структуры компонентов ЭИ на стилевые различия управленческих решений.

Наряду с этим, при обработке и интерпретации результатов были использованы еще две основные группы методов. Первая включает традиционные и широко использующиеся методы математико-статистической обработки, вторая – методы, базирующиеся на основе методологии струк-

турно-психологического анализа. Так, в этом плане был реализован метод «полярных групп», предполагающий дифференциацию выборки на «полярные» (контрастные) группы с последующей дифференцированной обработкой и сравнительным анализом данных в них по определенному критерию. В нашем случае им выступала степень принадлежности к тому или иному стилю реализации управленческих решений. Также эта группа включает такие методы, как определение и анализ матриц интеркорреляций, построение структурограмм (коррелограмм) значимо коррелирующих параметров и их последующий анализ; определение индексов структурной организации получаемых коррелограмм, а также их сопоставление на предмет гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 и др.

Лишь при условии сочетания двух указанных уровней и, соответственно, групп методов возможно решение основной задачи данного исследования, состоящей в выявлении взаимосвязи между ЭИ и стилем принятия управленческих решений.

Результаты исследования

Согласно нашим исследованиям ЭИ отрицательно влияет на стиль принятия управленческих решений. Представим основные результаты.

В контексте изучения взаимосвязи ЭИ и стиля принятия управленческих решений на аналитическом уровне установлено:

1. В результате парного сравнения стилей по количеству связей у шкал ЭИ и с учетом расчета критерия Манна-Уитни установлено, что большее статистическое сходство имеют те стили, которые близки по степени эффективности реализации процесса принятия управленческих решений.

2. Выделена следующая закономерность взаимосвязи – наличие высокого эмоционального интеллекта более характерно для представителей, избегающих ответственности: для попустительского, реализаторского и маргинального стиля. Для авторитарного стиля характерен низкий эмоциональный интеллект. Для ситуационного стиля характерен средний эмоциональный интеллект (с акцентом на понимание и управление своими эмоциями).

3. Эмоциональный интеллект у каждого стиля имеет свою особую структуру, и основное различие происходит не на уровне понимания себя и своих эмоций, а на уровне сдерживания своих эмоций и идентификации эмоций других.

В рамках изучения взаимосвязи ЭИ и стиля принятия управленческих решений на структурном уровне установлено, что:

1. Для попустительского, маргинального и реализаторского стиля принятия управленческих решений ЭИ достаточно сильно интегрирован, структурирован и взаимосвязан. Для авторитарного стиля принятия

управленческих решений ЭИ в меньшей степени интегрирован, структурирован и взаимосвязан, а для ситуационного стиля принятия управленческих решений ЭИ в средней степени интегрирован, структурирован и взаимосвязан.

2. Между степенью структурной организацией ЭИ и эффективностью стилей действительно существует тесная и закономерная связь, но прямо противоположная той, которую можно было предполагать при организации исследования. Иными словами, чем выше структурированность ЭИ, тем ниже эффективность предпочитаемых стилей.

3. Матрицы у попустительского, маргинального и реализаторского стиля принятия управленческих решений оказались статистически достоверно гомогенными ($p = 0,99$). Матрицы остальных стилей принятия управленческих решений являются статистически достоверно гетерогенными ($p = 0,95$).

Обсуждение результатов

Интерпретировать представленные выше результаты можно следующим образом.

В основе динамики количественных показателей (то есть структурных индексов) стилей принятия управленческих решений при изменении степени выраженности ЭИ лежат не количественные изменения, а качественные. Следовательно, изменение индивидуальной меры выраженности ЭИ обуславливает не только «локальные», количественные изменения структуры этих свойств, но и качественные, то есть принципиальные их различия. ЭИ как общая способность детерминирует возникновение аналогичных, то есть обобщенных изменений всей совокупности стилей принятия управленческих решений. Динамика же количественных значений индексов структурной организации является следствием этих качественных трансформаций. В силу этого, можно констатировать новый в научном отношении факт, состоящий в выявлении и объяснении структурной (а не только аналитической) детерминации управленческих решений со стороны ЭИ. Причем эта детерминация не менее, а более выражена, чем детерминация аналитического типа, состоящая во влиянии отдельных параметров ЭИ на реализацию управленческих решений.

Следовательно, можно констатировать, что в действительности ЭИ, выступая реальной детерминантой стилевой дифференциации управленческих решений, является тем не менее не столько его позитивным фактором, сколько фактором, оказывающим негативное воздействие на сравнительную эффективность предпочитаемых стилей. Это означает, что в противоположность с традиционным мнением он не является фактором, оптимизирующим процесс. Другими словами, повышение структури-

рованности ЭИ означает усиление его влияния, которое, в свою очередь, негативно сказывается на рациональности решения в целом. Так, например, для ситуационного и, в особенности, для авторитарного стилей структурированность ЭИ выражена по сравнению с другими стилями в минимальной степени, что способствует большей рациональности принятия решений. И действительно, руководители, которые предпочитают авторитарный стиль принятия управленческих решений, характеризуются менее эмпатичными и более нацеленными на решение проблемы любым способом; в данном контексте уместно употребить выражение «цель оправдывает средства». У представителей ситуационного стиля принятия управленческих решений структурированность ЭИ немного отличается от авторитарного тем, что присутствует средняя (ближе к минимальной) степень выраженности ЭИ, что обусловлено спецификой самого стиля. Действительно, в некоторых ситуациях необходимо обращать внимание на свои и чужие эмоции, для того чтобы принять наиболее эффективное решение; в данном случае охарактеризуем выраженность ЭИ у ситуационного стиля как «золотая середина».

При этом, с одной стороны, нельзя игнорировать то многократно верифицированное всей практикой управления мнение, согласно которому ЭИ в целом является позитивным психологическим фактором, оказывающим комплексное и, повторяем, позитивное воздействие на организационное функционирование. С другой стороны, факты, в том числе и представленные выше результаты, не менее убедительно свидетельствуют и о возможности противоположного – негативного влияния ЭИ. По нашему мнению, решению этого острого противоречия может содействовать следующее обстоятельство. По-видимому, детерминационное воздействие ЭИ на управленческую деятельность, равно как и на ее основные компоненты, характеризуется принципиальной диверсифицированностью. Это означает, что на одни базовые компоненты системы деятельности он оказывает преимущественно позитивное воздействие, а на другие – преимущественно негативное. К последним как раз и относится тот базовый компонент, который обозначается понятием «принятие решения», тогда как к первым относится, например, такой важный ее компонент, как процессы контроля. Следовательно, на ЭИ и его влияние на деятельность должно быть распространено фундаментальное свойство, присущее многим важнейшим психологическим образованиям – свойство парциальности. Оно, являясь установленным и подробно изученным по отношению ко многим образованиям и качествам, остается пока практически полностью не реализованным по отношению к ЭИ и его роли в организации процессов принятия решения, а также управленческой деятельности в целом. Описанные выше результаты как раз и позволяют в определенной мере компенсировать этот

ощутимый концептуальный пробел, предоставляя конкретные данные относительно реальной сложности и противоречивости детерминационного воздействия ЭИ на стили реализации управленческих решений и тем самым – хотя косвенно, но значимо – и на всю управленческую деятельность в целом.

Выводы

1. ЭИ оказывает диверсифицированное воздействие на различные компоненты управленческой деятельности. Как показал анализ литературы, ЭИ положительно влияет на различные аспекты деятельности, в том числе и на управленческую деятельность. Однако на основании проведенного исследования установлено, что ЭИ отрицательно влияет на стиль принятия управленческого решения.

2. Чем более выражен ЭИ, тем менее оптимальный стиль принятия управленческих решений использует руководитель. При этом важно отметить, что влияние ЭИ на данный компонент деятельности не прямое, а скорее опосредованное, обусловленное выбором того или иного стиля принятия управленческого решения.

3. Поскольку ЭИ негативно влияет на базовый компонент управленческой деятельности – принятие управленческих решений, то, следовательно, ЭИ будет косвенно оказывать влияние на эффективность деятельности в целом.

Представленные выше результаты свидетельствуют, что ЭИ обладает таким важным свойством, как парциальность, которая заключается в разнонаправленном влиянии на управленческую деятельность. Данный факт говорит о том, что ЭИ фасилитирует основные функции управленческой деятельности, но ингибирует предпочтение стиля принятия управленческого решения.

Ссылки

1. William D. M. A phenomenological study: Human resource professionals perceptions of leader emotional intelligence and employee affective commitment: dissertation / D. M. William. Феникс, штат Аризона: Phoenix University of Phoenix, 2007. 212p.

2. Miao C. Are the emotionally intelligent good citizens or counterproductive? / C Miao, R. H. Humphrey, S. Qian // Personality and Individual Differences. 2017. № 116. P. 144–156.

3. Altindag E. The relationship between emotional intelligence of managers, innovative corporate culture and employee performance / E. Altindag, Y. Kosedagi // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 210. P. 270–282

4. Goleman D. Emotional Intelligence. Boston, MA.: Harvard Business Review Press, 2018. 920p.
5. Jafri H. Emotional Intelligence and Employee Creativity: Moderating Role of Proactive Personality and Organizational Climate / H. Jafri, C. Dem, S. Chogen // Business Perspectives and Research. 2016. Vol. 4. Issue 3. P. 128–134.
6. Fernandez-Ozcorta E. J. Explanatory model of psychological well-being in the university athletic context / E. J. Fernandez-Ozcorta, B. J. Almagro, P. Saenz-Lopez // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. P. 255–261.
7. Кельчевская Н. Р., Пелымская И. С., Чешко Е. К. Влияние ЭИ работников предприятия на результаты его деятельности: монография. 2020 URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94355/1/978-5-91292-335-7_2020.pdf
8. Корнейчук Е. О. Взаимосвязь ЭИ с уровнем развития управленческих компетенций у руководителей: Выпускная квалификационная работа по направлению 37.04.01 «Психология». 2018. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/62473/1/m_th_e.o.korneychuk_2018.pdf
9. Хлевная Е. А. Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности: на примере руководителей: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». М., 2012. 27 с.
10. Карпов А. В., Петровская А. С. Психология ЭИ. Ярославль, 2007. 325 с.
11. Панкова Т. А. Роль ЭИ в эффективности деятельности руководителя // Психологические исследования. 2010. №. 2(10). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/297-pankova10.html>
12. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–36.
13. Карпов А. В., Маркова Е. В. Психология стилей управленческих решений: учебное пособие. Ярославль: Открытое общество, 2003. 108 с.